

ЧЕЛОВЕК

2022. Том 33, номер 1

Научный журнал

Учредители: Российская академия наук, Институт философии Российской академии наук
Издатель: Российская академия наук

Журнал основан И.Т. Фроловым в 1990 году

Главный редактор Р.Г. Апресян

Приглашенные редакторы номера Р.Р. Беляетдинов, О.В. Попова

Редакционная коллегия

С.С. Аванесов (Великий Новгород), К.В. Анохин (Москва), Т.В. Артемьева (Санкт-Петербург),
И.Е. Гарбер (США), Ф.И. Гиренок (Москва), В. Глухман (Словакия),
А.С. Десницкий (Москва), В.В. Знаков (Москва),
А.Б. Каменский (Москва), О.А. Кривцун (Москва), Е. Намли (Швеция),
З.В. Островская (отв. секретарь, Москва), Н.Е. Покровский (Москва),
М.М. Рогожа (Украина), Н.С. Розов (Новосибирск), Ю.В. Синеокая (Москва),
М.В. Фаликман (Москва), А.Н. Фатенков (Нижний Новгород), О.В. Федорова (Москва),
П. Чичовачки (США), М.М. Шахнович (Санкт-Петербург)

Редакционный совет

А.А. Гусейнов (Москва), Д.Э. Гаспарян (Москва), В.С. Диев (Новосибирск),
Г.В. Каковкин (Москва), А.П. Козырев (Москва), А.А. Лиханов (Москва),
О.В. Попова (Москва), А.В. Смирнов (Москва),
А.П. Скрипник (Саров), Т.В. Черниговская (Санкт-Петербург), Г.Б. Юдин (Москва)

Периодичность: 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-76826 от 01.10.2019

© Российская академия наук, 2022
© Институт философии РАН, 2022
© Редколлегия журнала «Человек»
(составитель), 2022

CHELOVEK

The Human Being

2022. Volume 33, Number 1

Scholarly journal

Founders: Russian Academy of Sciences; Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
 Publisher: Russian Academy of Sciences

Journal founded by Ivan T. Frolov in 1990

Editor-in-chief — Ruben Апресян

Guest Editors R.R. Belyaletdinov, O.V. Popova

Editorial Board

Anokhin K. (Kurchatov Institute, Moscow), *Artemyeva T.* (Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg),
Avanesov S. (Yaroslav-the-Wise State University, Velikiy Novgorod), *Cicovacki P.* (College of the Holy Cross, USA),
Desnitsky A. (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Falikman M.* (Higher
 School of Economics, Moscow), *Fatenkov A.* (Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod),
Fedorova O. (Lomonosov Moscow State University, Moscow), *Garber I.* (Saratov State University; Harvard
 University, USA), *Girenok F.* (Lomonosov Moscow State University, Moscow), *Gluchman V.* (Institute of
 Ethics and Bioethics; University of Presov, Slovakia), *Kamensky A.* (Higher School of Economics; Poletayev
 Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, Moscow), *Krivtsun O.* (Research Institute of
 Theory and History of Fine Arts, Russian Academy of Arts, Moscow), *Namli E.* (Uppsala University, Sweden),
Ostrovskaya G. (Executive Secretary, *journal Chelovek/The Human Being*, Moscow), *Pokrovsky N.*
 (Higher School of Economics; Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow),
Rohozha M. (Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine), *Rozov N.* (Novosibirsk State University, Novosibirsk),
Shakhnovich M. (St. Petersburg State University, Saint Petersburg), *Sineokaya Yu.* (Institute of Philosophy,
 Russian Academy of Sciences, Moscow), *Znakov V.* (Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Editorial Council

Guseynov A. (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Gasparyan D.* (Higher School of
 Economics, Moscow), *Diev V.* (Novosibirsk State University, Novosibirsk), *Kakovkin G.* (Independent Researcher, Moscow),
Kozyrev A. (Lomonosov Moscow State University, Moscow), *Likhanov A.* (Russian Children's Fund., Moscow),
Popova O. (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Smimov A.* (Institute of Philosophy,
 Russian Academy of Sciences, Moscow), *Skripnik A.* (National Research Nuclear University MEPhI; Sarov Institute of
 Physics and Technology, Sarov), *Chernigovskaya T.* (St. Petersburg State University, Saint Petersburg), *Yudin G.*
 (The Moscow School of Social and Economic Sciences; The Russian Presidential Academy of National Economy and
 Public Administration, Moscow)

Frequency: Bi-monthly

Federal Communications, Information, and Media Oversight Service Registration N ФС 77-76826,
 01.10.2019

© Russian Academy of Sciences, 2022

© Institute of Philosophy, Russian Academy
 of Sciences, 2022

© Chelovek/The Human Being Editorial Board
 (compilation), 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА

И.Н. Грифцова, Г.В. Сорина

Критическое мышление против псевдонауки 7

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Л.П. Киященко

Прокреативный тезаурус вещи в дискурсе редактирования
человека 31

Е.В. Введенская

Нейрохакинг: этико-философские проблемы 47

С.А. Смирнов

Наше бесчеловечное будущее, или Уловка трансгуманизма ... 61

А.С. Дриккер

Третья память 80

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

С.В. Жеребкин

Некоторые подходы к изучению теории катастроф
в философии Валерия Подороги 100

С.В. Оболкина

Киборг в «зеркале» философской рефлексии (на примере
игры «Киберпанк-2077») 122

ВРЕМЕНА. ПРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

Н.С. Первушин

Страх хаоса: социологическая интерпретация
востребованности детективного жанра 139

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

А.А. Лунева

«Свой» и «Чужой» в раннем христианстве в свете новых
антропологических теорий 159

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Е.Г. Цуркан

Новые социальные движения в сетевую эпоху: статьи, интервью, экспертные заключения: Монография. М., 2019 173

Е.Г. Гребенщикова

Биоэтика и генетика: вызовы XXI века. Всероссийская мультимедийная конференция 182

Информация для авторов 186

CONTENTS

THE PHILOSOPHY OF THE HUMAN BEING

I.N. Griftsova, G.V. Sorina

Critical Thinking Against Pseudoscience7

SCIENTIFIC RESEARCH

L.P. Kiyashchenko

Procreative Thesaurus of Things in Human Editing Discourse31

E.V. Vvedenskaya

Neurohacking: Ethical and Philosophical Problems47

S.V. Smirnov

Our inhuman Future or Tricks of Transhumanism61

A.S. Drikker

The Third Memory 80

SOCIAL PRACTICES

S.V. Zherebkin

Some Approaches to the Theory of Catastrophe in Valery Podoroga's Philosophy 100

S.V. Obolkina

Cyborg in the "Mirror" of Philosophical Reflection (Using the Example of the Game "Cyberpunk 2077") 122

TIMES. MORALS. CHARACTERS

N.S. Pervushin

Fear of Chaos: Sociological Interpretation of Demand for Detective Genre 139

SYMBOLS. VALUES. IDEALS

A.A. Luneva

"Insiders" and "Outsiders" in Early Christianity in the Light of New Anthropological Theories 159

REVIEWS

E.G. Tsurcan

New Social Movements in the Network Era: Articles, Interviews, Expert Opinions: Monograph. Moscow, 2019 173

E.G. Grebenshchikova

Bioethics and Genetics: Challenges of the 21st Century. All-Russian multimedia conference 182

Information for Authors 186

ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА

DOI: 10.31857/S023620070019072-6

©2022 И.Н. ГРИФЦОВА, Г.В. СОРИНА

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ ПРОТИВ ПСЕВДОНАУКИ

Грифцова Ирина Николаевна — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии. Московский педагогический государственный университет. Российская Федерация, 119991 Москва, Малая Пироговская, д. 1, стр. 1. ORCID: 0000-0003-3399-8551 in.griftsova@mpgu.su

Сорина Галина Вениаминовна — доктор философских наук, профессор. Научный руководитель Научно-образовательного центра «Философско-методологическое проектирование и принятие решений» философского факультета. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, Москва 119991, Ленинские горы, д. 1. ORCID: 0000-0001-7764-9834 gsorina@mail.ru

Аннотация. Научная обзорная статья посвящена, с одной стороны, анализу литературы по проблемам критического мышления и псевдонауки, с другой — выявлению особенностей критического мышления в качестве примера научного мышления и инструмента, в свою очередь,

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-111-50709.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-111-50709.

критики псевдонауки. Авторы исходят из установки, сформулированной ими еще в докладе 1998 года, в соответствии с которой критическое мышление можно трактовать как единство логики и антропологии. Развитие такого подхода к проблемам критического мышления приводит их к выводу, что оно выступает инструментом как интеллектуального, так и нравственного развития личности. Показывается, что понятие критического мышления в последние годы присутствует не только в зарубежном и отечественном научно-образовательном дискурсе, но и в других предметных областях: в публичных высказываниях политиков, экономистов, юристов и даже религиозных деятелей и представителей армии. В статье проводится мысль о том, что повышение общественной востребованности критического мышления связано, в частности, с погружением современного человека во множество информационных потоков, включая информацию фейкового характера. В связи с этим авторами вводится понятие «стриминговое мышление» как ориентированное на быстрое получение информации, на информационный поток, который движется без остановки и по отношению к которому не возникает желания остановиться, проанализировать его, задать вопросы. Особое внимание обращается на то, что критическое мышление — это самостоятельная ценность общества, которую можно рассматривать в трех взаимосвязанных измерениях: как философскую концепцию, как вытекающую из нее методологическую установку и как учебную дисциплину (либо самостоятельную, либо встроенную в преподавание других дисциплин). По литературе, представленной в библиографии к статье, анализируется каждое из этих измерений. В разделе, непосредственно посвященном критическому мышлению в связи с псевдонаукой, дается обзор различных подходов к проблеме демаркации и определению понятия псевдонауки, а также работ, в которых специально рассматривается вопрос о роли критического мышления в решении проблем распознавания и борьбы с псевдонаукой и фейками в науке (таких очень немного, авторам статьи удалось найти два зарубежных учебных пособия на эту тему). Показывается, что исследование такого сложного феномена, как псевдонаука, невозможно без использования инструментария критического мышления. Представленный в статье аналитический обзор сравнительно небольшой (на фоне огромного списка статей и книг на данную тему) части работ по критическому мышлению и его роли в решении вопроса разграничения науки и псевдонауки свидетельствует о том, что данная проблематика крайне актуальна как для отечественных, так и зарубежных исследований.

Ключевые слова: критическое мышление, псевдонаука, проблема демаркации, научное мышление, рефлексивное мышление, логика, антропология, научно-образовательный дискурс, стриминговое мышление.

Ссылка для цитирования: Грифцова И.Н., Сорина Г.В. Критическое мышление против псевдонауки // Человек. 2022. Т. 33, № 1. С. 7–30. DOI: 10.31857/S023620070019072-6

Название нашей статьи предполагает обзор литературы как по критическому мышлению, так и по псевдонауке. По этим двум проблемным областям написано огромное количество текстов, включая книги, статьи, рецензии. Проведено множество конференций, в основном за рубежом, но в последнее время и в нашей стране. В то же время постановка вопроса о важности критического мышления для понимания того, что такое псевдонаука, как и в каких формах она возможна, во многом является авторской. Нам удалось найти только две книги, в которых непосредственно рассматривается данная проблематика: «Критическое мышление, наука, псевдонаука. Почему мы не можем доверять нашему интеллекту?» [Lack, 2016] и «Псевдонаука и необычные высказывания о паранормальных явлениях: инструментарий критического мыслителя» [Smith, 2010]. Они будут нами рассмотрены ниже.

Сама проблематика критического мышления, как нам представляется, гораздо шире того, на чем обычно акцентируют внимание авторы, пишущие по проблемам критического мышления как в зарубежной, так и в отечественной литературе. Еще в 1998 году в докладе «Критическое мышление: логика и антропология» [Сорина, 1998] мы обратили внимание на то, что в теории критического мышления происходит в определенном смысле объединение логики и антропологии. Теория критического мышления, с одной стороны, носит междисциплинарный характер, с другой — она базируется на ценностной по своей сути предпосылке о тесной связи «хорошего мышления» с нравственностью. Об этом писал еще Паскаль, отмечая, что «человек создан для мышления... и весь долг его мыслить, как следует, а порядок мысли начинать с себя, со своего Создателя и своего назначения» [Паскаль, 1994]. В таком контексте задача развития мышления, даже на уровне навыков по оперированию логическими формами, оказывается вплетенной в морально-этический контекст, «логическая техничность» превращается в «технику духовности» [Майнбергер, 1997], направленной на решение проблем совершенствования человека, его внутреннего мира. Речь идет о необходимости формирования ответственности за собственное интеллектуальное и духовное развитие.

*И.Н. Грифцова,
Г.В. Сорина*
Критическое
мышление про-
тив псевдонауки

¹ Для Г.В. Сориной статья является формой реализации идей, связанных с сохранением мирового культурно-исторического наследия, что соответствует деятельности Междисциплинарной научно-образовательной школы МГУ им. М.В. Ломоносова «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

проводить ситуационный анализ, принимать решения, которые могут радикально изменить его жизнь. То есть, говоря словами И. Канта, оказалось, что в современных условиях стала особенно востребованной «способность суждения». Все чаще человек и общество в целом сталкиваются с такими ситуациями, для которых не существует правил, а для принятия решений необходимо уметь «лучше мыслить», то есть уметь анализировать, задавать вопросы, выдвигать и отбрасывать гипотезы, оценивать свои и чужие тезисы и аргументы, понимать, что истинное высказывание практически всегда ограничено определенными условиями истинности, неявными предпосылками и т.д. Ситуация пандемии коронавирусной инфекции продемонстрировала это в полной мере.

Также тема необходимости мыслить «по-новому» поднимается в Юбилейном докладе Римского клуба, названном его авторами «Come on!». В нем вводится понятие Нового Просвещения и говорится о необходимости формировать у молодежи так называемую «грамотность будущего», то есть способности мыслить в масштабах планеты с учетом ее глобальных проблем и перспектив.

Критическое мышление, логика и антропология

Проблематику критического мышления можно рассматривать в трех взаимосвязанных измерениях: как философскую концепцию, как вытекающую из нее методологическую установку и как учебную дисциплину (либо самостоятельную, либо встроенную в преподавание других дисциплин). Формирование критического мышления как самостоятельного направления научных исследований и как новой учебной дисциплины тесно связано с изменениями сложившегося к 1970-м годам образа логики. Здесь необходимо сказать о появлении в это время такого нового направления (сначала возникшего в качестве движения среди преподавателей североамериканских университетов), как неформальная логика (Informal Logic). Движение это появилось в ответ на запрос от университетских студентов курсов, помогающих научиться разбираться в сложных вопросах общественно-политической и обыденной жизни с точки зрения оценки состоятельности предъявляемых разными сторонами аргументов, умения формулировать тезисы, анализа используемых понятий, обоснованности выводов и т.д. На первый взгляд это проблематика, явно имеющая отношение к логике, но в таком варианте она отсутствовала в классических курсах формальной, особенно символической логики. Предпринятая в неформальной логике попытка построения модели рассуждения, адекватной реальной практике аргументации,

*И.Н. Грифцова,
Г.В. Сорина*
Критическое мышление против псевдонауки

показала, что в эту модель, в отличие от формальной логики, необходимо включать самого рассуждающего субъекта, с его естественным, а не искусственным языком, мировоззренческими, ценностными установками, предпочтениями и желаниями. Подробный анализ особенностей неформальной логики в ее соотношении с формальной логикой был представлен И.Н. Грифцовой в ее монографии 1998 года, явившейся первой отечественной работой по этой проблематике [Грифцова, 1998].

Характеристики рассуждений, которые неформальные логики попытались учесть в своих моделях, оказались очень близки основным характеристикам критического мышления. Не случайно мы часто видим одних и тех же авторов, в работах которых исследуются эти две проблемные области. Г.В. Сорина имела возможность участвовать в работе Всемирного философского конгресса в Бостоне и посетить заседания как секции по неформальной логике, так и секции по критическому мышлению. Участниками этих секций оказались одни и те же люди. Ею же был опубликован обзор работы этих секций под названием «Критическое мышление и неформальная логика в контексте XX Всемирного философского конгресса» [Сорина, 1998], явившийся практически первой отечественной публикацией по критическому мышлению.

Тема соотношения логики и критического мышления продолжает исследоваться и сегодня: здесь можно назвать отечественных логиков В.Н. Брюшинкина [Брюшинкин, 2003], А.С. Боброву [Боброва, 2018], авторов данной статьи [Сорина, 2003; Сорина, 1998], которые подчеркивают тот факт, что критическое мышление может быть рассмотрено как одна из возможных форм практически ориентированной классической логики. Другой подход предлагает А.С. Боброва, которая в статье «Критическое мышление или логика?» рассматривает эту проблематику с точки зрения статуса критического мышления в российской системе образования. Философские истоки критического мышления как определенной установки на ценность рациональности она также видит в философии Просвещения, в критических сочинениях И. Канта, при этом подчеркивая, что «между критическим мышлением и логикой определено существует содержательная связь, однако они не являются тождественными. Логика является наукой со своим предметом и задачами» [Боброва, 2018: 214]. В то же время, с ее точки зрения, если говорить о преподавании, то именно логическая культура, навыки, полученные в ходе изучения логики, лежат в основе критического мышления.

Среди западных исследователей, которые занимались анализом вопросов соотношения логики и критического мышления, можно назвать таких авторов, как Дж. Уотсон (J.C. Watson),

Р. Арп (R. Arp), М. Сэлмон (M.H. Salmon), Б.Н. Мур (B.N. Moore), Р. Паркер (R. Parker), Дж. Чаффи (J. Chaffee), В. Хьюз (W. Hughes), Д. Хичкок (D. Hitchcock), Б.Н. Уоллер (B.N. Waller), Д. Эрландсон (D. Erlandson) и др.

В XX веке стал меняться не только нарратив о проблемах рассуждений, но и нарратив об особенностях мышления и интеллектуальной деятельности. В целом развитие проблематики критического мышления оказывается связанным с историей трактовки рассудка, разума, мышления, здравого ума⁴ в истории философской мысли. Все это делает различные трактовки критического мышления открытыми для анализа и интерпретации.

Проблема истоков понятия критического мышления

В нашу задачу не входит историко-философский анализ становления самой идеи критического мышления. Очевидно, это потребовало бы обращения и к сократическому методу Платона, и к концепции «идолов» Ф. Бэкона, «методологическому сомнению» Декарта, идее рефлексии Дж. Локка и еще ко многим и многим именам и концепциям [см., напр.: Сорина, 2003; Paul, 2007]. В определенном смысле, как известно, философия как таковая и есть территория свободного, критического мышления. Панорамная картина формирования и развития идеи критики в истории философии представлена в монографии «Критическое мышление: Проблема мирового образования XXI века» [Тягло, 1999].

В то же время в истории философии есть имена, с которыми идея критического мышления, если говорить о нем именно как о философско-методологической концепции и установке, ассоциируются самым непосредственным образом, хотя самого понятия критического мышления в их работах мы не найдем. Это И. Кант и К. Поппер.

Идеи критического мышления можно вычитать в различных списках кантовских лекционных курсов по логике, в «Уведомлении о расписании лекций на зимнее полугодие 1765/66 г.», сочинении «Ответ на вопрос, что такое Просвещение?», конечно, в знаменитых «Критиках» и в целом ряде других работ. Именно в «Уведомлении ...», написанном за 16 лет до выхода в 1781 году

⁴Так, мы хотели бы еще раз подчеркнуть, что для Канта критика как форма логики оказывается не просто критикой здравого ума, но уже критикой с предписанием «*учености в собственном смысле слова*» (подчеркнуто Кантом) [Кант, 1994а: 198].

«Критики чистого разума», Кант впервые формулирует идеи понимания логики как критики: «полная логика» есть «*критика вместе с предписанием всей философии как целого*» (курсив наш. — И.Г., Г.С.). Именно такая логика, по Канту, правильно выстраивается «здание разума» [Кант, 1994а: 198], именно логика как критика способствует тому, чтобы сделать ученика/слушателя «сначала человеком *рассудительным*, затем *разумным* и, наконец, *ученым*» [там же: 193].

В этой же работе Кант явным образом формулирует «прагматический» подход к пониманию человека, стремящегося «в век чрезвычайно изысканного общественного устройства» найти «средства преуспевания» [там же: 192]. Развитие этого подхода мы видим в его последнем сочинении «Антропология с прагматической точки зрения», где Кант вновь будет говорить о проблеме «успехов в области культуры», о «применении полученных знаний и навыков к миру». С точки зрения Канта, владение логикой как критикой как раз и является таким важным инструментом успеха, а свою антропологию он предлагает трактовать как «знание мира» [Кант, 1994б: 138–139].

Несомненно и влияние на становление концепции критического мышления идей критического рационализма К. Поппера, который, как и Кант, рассматривает логику в качестве теории рациональной критики. Критический метод, с точки зрения Поппера, должен применяться как в науке, так и во всех областях жизни общества. В работе «Логика социальных наук» Поппер пишет, что: «а) метод социальных наук, как и наук естественных, заключается в испытании предлагаемых для данных проблем решений — проблем, из коих они исходят. Решения предлагаются и подвергаются критике. Если решение недоступно для предметной критики, то уже поэтому оно исключается как ненужное, возможно, только на некоторое время... *научный метод, следовательно, есть метод решения, контролируемый самой строгой критикой* ... Единственная форма оправдания нашего знания лишь предварительна: она заключается в критике, а точнее, в том, что наши попытки решения до сего времени выдерживали нашу самую суровую критику... Эту точку зрения, наверное, логично обозначить как критицистскую» [см.: Поппер, 1992б]. А в своей знаменитой книге «Открытое общество и его враги» Поппер подчеркивает, что «отказ от рационалистических позиций, от уважения к разуму, логическим доказательствам и к мнениям коллег... почти всегда приводит к подходу, в котором вместо мыслей обращаются к личности мыслителя... Как только мы начинаем поступать так, политическое равенство становится невозможным» [Поппер, 1992а: 272–273]. Концепция критического рационализма Поппера оказалась

влиятельной не только в области философии и методологии науки, эпистемологии и социальной философии, но успешно используется рядом современных специалистов и в области теории, и практики образования [см., напр.: Chi-Ming, 2008; *Critical Rationalism and Educational Discourse*, 1999].

И у Канта, и у Поппера мы находим идеи необходимости формирования и ценности самостоятельного мышления, по своим характеристикам сопоставимого с критическим мышлением. Мы полагаем, что по отношению к этим двум мыслителям можно говорить об определенной синонимичности понятий «самостоятельное мышление» и «критическое мышление».

Следует отметить, что в современном виде идеи критического мышления получили свое распространение прежде всего в качестве учебной дисциплины. Одновременно формирование критического мышления стало рассматриваться и как главная цель обучения. Традиционно в числе основных авторов, разрабатывающих проблематику критического мышления с этих позиций, то есть в первую очередь с точки зрения педагогики и психологии, называются Дж. Дьюи, Л.С. Выготский, Ж. Пиаже. Действительно, их исследования в совокупности, несмотря на конкретные авторские различия в понимании мышления, педагогики, задали некоторый образ и трактовки критического мышления. Приоритет же в выделении критического мышления в качестве специальной дисциплинарной области принадлежит, как отмечают практически все западные исследователи проблем критического мышления, Дж. Дьюи. С точки зрения Дьюи, уже в рамках школьного образования необходимо при изучении различных предметов формировать научное мышление. Характеризуя этот тип мышления в книге «*How we think*» [Dewey, 1910] (на русский язык она была переведена в 1919 году под названием «Психология и педагогика мышления»), Дьюи вводит для него два названия: «критическое мышление» и «рефлексивное мышление» (*reflective thinking*). Второе, видимо, показалось Дьюи более точным, и при переиздании книги в 1933 году он оставил только его, не используя понятия «критическое мышление». Тем не менее можно, видимо, утверждать, что понятие критического мышления впервые использовал именно Джон Дьюи.

В своей книге Дьюи отмечает сложность положения школьного учителя, связанную с огромным количеством преподаваемых дисциплин, разнообразием их материалов и принципов и, главное, с необходимостью «иметь дело с индивидуальностью каждого ученика, а не с их массой». В качестве конечной цели получения образования еще в школе он рассматривает «постановку ума», формирование такого мышления, которое в конечном счете можно

И.Н. Грифцова,
Г.В. Сорина
Критическое
мышление про-
тив псевдонауки

рассматривать в качестве научного мышления. Дьюи анализирует различные трактовки мышления. Он выделяет ряд параметров, характеризующих научное мышление. В качестве главной характеристики такого типа мышления он рассматривает способность к рефлексии и в этой связи начинает называть такое мышление рефлексивным (в русском переводе книги используется вариант «рефлексивное мышление»). Для Дьюи рефлексивное мышление направлено на анализ различных мнений, форм знания, выводов, полученных в результате проведенного анализа. Он исходит из того, что если сформулированная мысль принимается сразу, то это признак некритического мышления, в основе которого лежит «minimum рефлексии». Для него рефлексивное мышление проявляется в «приостановке суждения», «воздержании от заключения», в поиске дополнительных материалов, которые могут позволить подтвердить или опровергнуть исходно сформулированные мысли. Научное, рефлексивное мышление позволяет, по Дьюи, проводить «систематическое и медленное исследование» [Дьюи, 1997].

Концептуальной каркас работы Дьюи «How we think» составляют, помимо понятий «критическое мышление» и «рефлексивное мышление», такие понятия, как «школа», «деятельность», «учебные занятия», «мышление», «научное мышление», «тренировка мышления», «тип мышления», «интеллект», «естественный интеллект», «ошибка», «необученный (неподготовленный) опыт» (untrained experience), «ложные убеждения» (false beliefs), «умственная дисциплина», «ментальная дисциплина» (mental disciplin), «организация фактов», «информационный аспект», «психологические тенденции», «логические тенденции», «цель мышления» (goal of thinking), «анализ», «синтез», «индукция», «дедукция», «конкретное мышление», «абстрактное мышление», «игра», «профессия», «учебная программа», «интеллектуальное образование».

С именем Дьюи связывает появление концепции критического мышления и автор статьи «Критическое мышление» в Стэнфордской философской энциклопедии Дэвид Хичкок.

К вопросу об определении критического мышления

Несмотря на то что по проблемам критического мышления написаны тысячи статей и книг (только в стэнфордской статье список библиографии составляет 132 работы), а сама способность к критическому мышлению постоянно включается в перечень так называемых компетенций будущего, не существует единого определения, общепринятой трактовки критического мышления:

«количество определений критического мышления приблизительно равняется количеству работ, написанных по данной теме» [Hale, 2008: 45]. Анализ литературы позволяет говорить лишь о том или ином наборе характеризующих его параметров, которые иногда могут пересекаться [Ruminski, 1997].

В качестве ведущих зарубежных специалистов в этой области можно назвать следующих авторов: 1. *Роберт Эннис (Robert Ennis)*, для которого критическое мышление представлено определенными навыками, предполагающими способности к наблюдению, умозаключению, обобщению, оценочным суждениям — «правильной оценке высказываний». Эти навыки могут, во-первых, формироваться вне зависимости от конкретной дисциплинарной области и, во-вторых, могут транслироваться из одной области в другую. 2. *Ричард Пол (Richard Paul)*, директор американского Центра критического мышления и моральной критики, который также подчеркивает значение выделенных выше навыков как важнейших характеристик критического мышления. 3. *Джон Макпек (John McPeck)*, который исходит из того, что критическое мышление формируется в процессе освоения конкретной дисциплины, в процессе эпистемологического погружения в ее содержание. 4. *Харви Сигел (Harvey Siegel)*, который считает, что критическое мышление проявляется прежде всего в системе оценок определенной диспозиционной области, в умении публично защищать принимаемые принципы, рационально организовывать системы оценок. 5. *Джейн Роланд Мартин (Jane Roland Martin)*, с точки зрения которой критическое мышление ориентировано на моральные оценки, особую систему ценностей, таких как беспристрастность, непредвзятость, последовательность, справедливость.

Как и в каждой дисциплинарной сфере (или в рамках практической деятельности в социально-политической, культурной сфере), в рамках теории критического мышления есть лидеры. К ним можно отнести Р. Энниса и Р. Пола. Эннис в своих исследованиях не только развивает идеи критического мышления, но и представляет их в исторических контекстах. В работе «Критическое мышление: размышления и перспективы» [Ennis, 2011] Эннис пишет о том, что в процессе становления прогрессивной системы образования в США с 1920-х по 1950-е годы исследователи развивали идеи Дьюи по рефлексивному мышлению, и в этот же период при обсуждении принципов науки, логического мышления и природы доказательства в работах 1930-х годов представители Ассоциации прогрессивного образования стали рассматривать понятия «критическое мышление» и «ясное мышление» как более предпочтительные для характеристики образовательного процесса, чем понятие «рефлексивное мышление». Это нашло

И.Н. Грифцова,
Г.В. Сорина
Критическое
мышление про-
тив псевдонауки

свое отражение, в частности, в том факте, что в 1942 году в названии ежегодника Национального совета социальных исследований было также использовано понятие «Критическое мышление».

В другой статье [Ennis, 1993] Эннис рассматривает критическое мышление в контексте возможных оценок его статуса и роли в системе образования. Таксономия критического мышления, с его точки зрения, должна позволить оценивать разные уровни образовательных целей. Так, некоторые исследователи критического мышления включают в его определение идеи анализа, синтеза и оценки. В эту же таксономию, как замечает Эннис, иногда добавляют такие характеристики мышления, которые коррелируют с идеями понимания и применения. Для принятия разумных решений субъект, если он обладает критическим мышлением, должен определиться в характеристиках исследуемого предмета. Он должен уметь:

1. Определять достоверность источников информации.
2. Идентифицировать выводы, причины и предположения.
3. Оценить качество фактов, их приемлемость, лежащие в основе допущения.
4. Развивать и защищать основные положения исследования.
5. Задать корректные уточняющие вопросы.
6. Планировать эксперименты и оценивать результаты, полученные в ходе экспериментов.
7. Определять концептуальный аппарат в зависимости от контекста.
8. Быть открытым (непредубежденным) (be open-minded).
9. Стараться быть хорошо информированным (try to be well informed).
10. Делать выводы, когда это оправдано, но с осторожностью [там же].

Эннис считает, что предложенный им список признаков критического мышления не является полным. В то же время он прост и полезен для определения особенностей работы критического мышления. Поиск определений критического мышления в зависимости от целей и задач его практического применения представлен и в целом ряде других исследований по проблемам критического мышления. Так, Мак-Пек трактует критическое мышление как «рефлексивный скептицизм» [McPec, 1981], а для Р. Пола критическое мышление — это диалогическое и рефлексивное мышление. «Критическое мышление — это размышление о мышлении, когда вы размышляете с целью улучшить свое мышление... При этом два момента имеют определяющее значение: критическое мышление — это влекущее за собой самоусовершенствование; и это усовершенствование приходит с навыками использования стандартов корректной оценки мыслительного процесса» [Paul, 1990: 91]. Он

и М. Скривин связывают критическое мышление с интеллектуальной деятельностью, направленной на анализ, концептуализацию, оценку рассуждений и проводимой коммуникации в целом. Для них критическое мышление оказывается важнейшим источником формирования убеждений и организации деятельности [Scriven, 1987].

В работе, посвященной исследованию стратегий обучения студентов критическому мышлению на метауровне [Abrami, 2015], критическое мышление трактуется как такое, в котором проявляется «целенаправленное, саморегулирующееся суждение» (purposeful, self-regulatory judgment), обнаруживающееся в процессах интерпретации, анализа, оценки и получения выводов. С критическим мышлением связывается также необходимость выявления оснований и предпосылок рассуждений.

В ряде работ критическое мышление рассматривается с точки зрения его востребованности в различных контекстах повседневной жизни, в социальной деятельности человека [см., напр.: Paul, 1990; Re/Thinking Critical Thinking: The Seductions of Everyday Life, 2015]. Задачи образовательного курса критического мышления в таком случае становятся более разнообразными, предполагают и приобретение обучающимися риторических навыков, и умение произвести этический выбор.

Интерес представляет попытка рассмотреть критическое мышление в единстве (с сохранением различий) с творческим мышлением [Bailin, 1987]. В этом случае критическое мышление предстает как эффективное мышление, помогающее человеку в решении его повседневных проблем продуктивно реагировать на новые ситуации, генерировать новые решения, развивать творчество. В то же время критическое мышление рассматривается как аналитический инструмент для принятия решений и вынесения суждений.

Идея трактовки критического мышления в качестве аналитического инструмента [Bailin, 1987] связывается с идеями анализа интеллектуальных ресурсов критики. В работе проводится мысль о том, что важнейшая задача курса заключается в том, чтобы научить студентов не частично, а полностью использовать свои интеллектуальные ресурсы при интерпретации «многоконтекстуальных» проблем социума и культуры.

В книге «Критическое мышление от А до Я» [An A to Z of Critical Thinking, 2012] подчеркивается, что критическое мышление становится все более заметным явлением в качестве академической дисциплины, которая преподается в школах и университетах и формирует важные навыки в повседневной жизни. В своем понимании проблем этого образовательного курса авторы исходят из того, что именно терминология является камнем преткновения

И.Н. Грифцова,
Г.В. Сорокина
Критическое
мышление про-
тив псевдонауки

для начинающих изучать критическое мышление. Это происходит, в частности, потому, что большая часть терминологии используется в повседневном языке неточно. Авторы предлагают своеобразный справочник, в котором даются важнейшие характеристики основных понятий, связанных с идеями критического мышления. Всего в книге представлено 130 понятий, необходимых для освоения критического мышления.

В работе Д. Халперн [Halpern, 1998] проблемы критического мышления включаются в контекст анализа проблем навыков структурирования обучения, метакогнитивных проблем. Д. Хичкок [Hitchcock, 2017] критическое мышление рассматривает как «разумное рефлексивное мышление», ориентированное на принятие решений, на умение прояснять смысл, анализировать аргументы, давать оценку доказательствам, определять обоснованность выводов. В свою очередь, идеальный «критический мыслитель» в рамках этого подхода понимается как такой, который не имеет предубеждений, справедлив, ориентирован на поиск информации, внимателен к мнению других и их аргументации.

В работе «Critical Thinking and Learning», опубликованной в одноименном сборнике под его редакцией [Mason, 2008], М. Мейсон прослеживает основные направления в развитии критического мышления в связи с современными идеями развития образования, в частности, ориентированного на «обучение через всю жизнь». Важно научить студентов самостоятельно думать, задавать вопросы, что предполагает не пассивное, а активное отношение к получению образования. При этом критическое мышление для одних исследователей, с точки зрения Мейсона, представлено в оценке соответствующих аргументов и вытекающих из них доказательств, для других — в конституировании диспозиционного знания, ориентированного на набор определенных ценностей, моральных оценок, на умение задавать критические вопросы. Наконец, для третьих, критическое мышление ассоциируется с глубоким знанием эпистемологического содержания конкретной дисциплины. Исследование проблем критического мышления связывается автором с анализом и проблемами мышления как такового. С точки зрения Мейсона, эта проблематика получает особый статус в рамках когнитивистики, точнее, когнитивной психологии и неоклассической экономики.

В статье М. Липмана и С. Мэтью [Lipman, 1987] обращается внимание на то, что курс «Критическое мышление» в современных условиях одновременно начинает преподаваться в колледжах, университетах, в начальных и средних школах.

Следует еще раз подчеркнуть, что проблематика критического мышления, появившись в начале XX века в связи с решением

психолого-педагогических проблем в системе образования, продолжает и по сей день во многом развиваться в этой области. Педагогический подход к проблемам критического мышления, особенности подготовки педагогов по критическому мышлению рассматриваются, например, в совместной работе Р. Пола с Л. Элдер и Т. Бартеллом [Paul, 1997].

В отечественной психолого-педагогической литературе проблемы критического мышления начиная с 2007–2008 годов представлены также достаточно широко. В большинстве работ критическое мышление исследуется в контексте развивающего обучения, разработки эффективных педагогических технологий, направленных на целостное развитие личности. Существует огромное количество статей, посвященных формированию критического мышления на разных уровнях образования (в школе и вузе), в ходе изучения самых разных дисциплин (географии, иностранного языка, литературы, экономики и т.д.) и даже на конкретных уроках [см., напр.: Жогова, 2017; Федоров, 2007; Шакирова, 2006], в различных областях деятельности, в связи с другими известными технологиями [Алямкина, 2014; Грудзинская, 2005]. В то же время некоторые авторы связывают формирование критического мышления с метапредметными компетенциями [см., напр.: Суханова, 2019; Терно, 2013], что перекликается с идеями Р. Энниса о том, что критическое мышление носит междисциплинарный характер.

Критическое мышление и псевдонаука

Как уже отмечалось, из работ, специально посвященных анализу роли критического мышления в решении проблем распознавания и борьбы с псевдонаукой и фейками в науке, нам удалось найти только две книги, которые представляют собой практически учебные пособия. Прежде чем перейти к их обзору, мы коротко остановимся на самом понятии псевдонауки, которое лишь на первый взгляд представляется довольно ясным по своему содержанию [см., напр.: Вопросы философии, 2001].

В статье «О классификации подходов к определению псевдонауки: традиции и новации» В.А. Бажанов и А.М. Конопкин [Бажанов, 2012] обоснованно, на наш взгляд, рассматривают проблему понимания природы псевдонауки как частный случай демаркации науки и ненауки, отмечая, что «неопределенность с демаркацией имела печальные следствия для проблемы псевдонауки — возникли трудности с ее определением, объяснением специфики» [там же: 175]. Актуальность исследования критического мышления как инструмента, позволяющего анализировать

*И.Н. Грифцова,
Г.В. Сорина*
Критическое
мышление про-
тив псевдонауки

проблемы псевдонауки, может быть продемонстрирована прежде всего в контексте нового звучания проблемы демаркации научного и ненаучного знания, поставленной, как известно, в философии науки в начале прошлого века. Бажанов и Конопкин пишут о наличии огромного массива литературы, дискуссий по проблемам псевдонауки и ставят перед собой задачу «предпринять некоторый “метаанализ”, упорядочить различные точки зрения» [там же]. В результате такого метаанализа ими предлагается выделять шесть основных подходов к проблеме псевдонауки: классический; релятивистский; логико-методологический; культурно-мифологический; психологический; социальный. Классический подход связывается авторами с анализом псевдонауки в рамках ее сопоставления с наукой и предполагает поиск однозначного критерия демаркации науки и ненауки. Логико-методологический подход можно рассматривать как один из вариантов классического. Релятивистский подход, отчетливо сформулированный П. Фейрабеном, исходит из того, что разграничение науки и ненауки невозможно, поскольку наука не имеет особых когнитивных преимуществ перед другими формами знания. Его вариантом можно считать современный культурно-мифологический подход. При психологическом подходе «анализируется личность, сам разработчик псевдонаучной теории... Социальный подход связан с характеристикой псевдонауки как явления, вызванного в основном предпосылками, связанными с обществом, такими, как падение уровня образованности, коррупция и т.д.» [там же: 177–178]. Показав, что преобладающим в определении псевдонауки является классический подход, ориентированный на критерии научности и трактующий псевдонауку как концепции-заблуждения, «претендующие на научность, но не соответствующие науке по ряду критериев научности», авторы выявляют недостатки такого подхода. Однако не является, с их точки зрения, бесспорным и культурно-мифологический подход. Таким образом, получается, что «с одной стороны, псевдонаука предстает лишь как заблуждения и ошибки, с другой — она теряет связь с наукой и выступает как форма мифа и/или массовой культуры, с третьей — она и вовсе лишь продукт деятельности людей с психическими отклонениями» [там же: 191]. Выход, предлагаемый авторами статьи, заключается в том, чтобы псевдонауку рассматривать как неоднородное явление: «вероятно, есть область псевдонауки, которая тяготеет к науке и должна рассматриваться с позиций науки, а есть область, тяготеющая к вненаучному знанию... Область, тяготеющая к вненаучному знанию, должна анализироваться как часть вненаучного знания» [там же]. Но и «логично предположить, что та часть псевдонауки, что имеет отношение к науке, принципиально не может

быть полностью описана в рамках культурно-мифологического, социального или психологического подходов» [там же]. Заключая, авторы рассматриваемой статьи высказывают предположение, что необходимо учитывать специфику псевдонауки именно как знания, и в таком случае наиболее плодотворным может оказаться «логико-методологический подход, который предполагает сопоставление псевдонауки и науки» [там же].

Мы рассмотрели данную статью довольно подробно с целью показать, сколь многоаспектна, многомерна проблематика псевдонауки. Эта же идея проводится и авторами многочисленных зарубежных книг и статей, посвященных псевдонауке. Отмечается, что не существует единого критерия, по которому можно было бы отличить науку от псевдонауки. Но из этого не следует, что такой границы провести нельзя. В частности, важным критерием научной теории является то, что она выступает частью исследовательской традиции, активно поддерживаемой научным сообществом, чего мы не находим в случае псевдонаучной теории. Д. Фернандез-Беанато [Fernandez-Beanato, 2020], обсуждая проблему демаркации, считает, что она до сих пор не решена, и проводит подробный анализ различных многокритериальных демаркационных проектов, в частности позволяющих не только отделить науку от ненауки, но также провести границы между различными типами наук и научных областей (например, формальными, естественными и социальными). Автор приводит аргументы в пользу принятия двух типов научных разграничений: эпистемологического и территориального. Он также соглашается с рядом авторов, в частности с Хэнссоном [Hansson, 2013], в том, что наука — это некая суперобласть, некое «сообщество знаний», включающее все систематические и критические исследования реальности (в широком смысле). Также Хэнссон в статье «Наука и псевдонаука» в Стэнфордской энциклопедии пишет о том, что важнейшая линия разграничения науки и псевдонауки носит эпистемологический характер и связана с качеством обоснования полученных результатов. Хэнссон приходит к выводу, что проще договориться о конкретных случаях демаркации между наукой и псевдонаукой, чем выработать общие критерии их различения.

А. Мэй исследует взаимное влияние псевдонауки и научный фантастики, общность которых он видит в их творческом характере, имеющем мало общего с академической наукой, с которой их роднит только поверхностное сходство в терминологии и предмете. Наиболее очевидное различие псевдонауки и научной фантастики, с точки зрения Мэя, заключается в том, что псевдонаука вынуждена представлять какие-то факты, а фантастика не скрывает того, что это вымысел. Тем не менее псевдонаукой, как и литературой,

*И.Н. Грифцова,
Г.В. Сорина*
Критическое
мышление про-
тив псевдонауки

движет желание доставить удовольствие аудитории — в данном случае людям, которые «хотят верить» [May, 2017].

Проблемы псевдонауки активно обсуждались в августе 2019 года в Праге в рамках XVI Международного конгресса по логике, методологии и философии науки и технологий. Помимо традиционных докладов, посвященных проблеме демаркации, критериям псевдонауки, поднимались и вопросы о роли «фейковых» новостей в продвижении псевдонауки. Очевидно, что такой сложный феномен, как псевдонаука, требует скрупулезного, именно критического отношения к себе. О необходимости критического мышления при встрече с псевдонаукой, а также различными необъяснимыми с точки зрения науки явлениями рассуждает Дж. Смит в книге «Псевдонаука и необычные высказывания о паранормальных явлениях: инструментарий критического мыслителя» и основанном на ней учебном курсе «Псевдонаука и паранормальные явления» [Smith, 2010]. Смит размещает ряд отзывов на книгу и курс в целом. Эти отзывы свидетельствуют о востребованности навыков критического мышления в среде читателей и слушателей курса. Данный курс рассматривается не только в качестве «идеального средства» развития у студентов навыков критического мышления как такового, но демонстрирует и его полезность: по словам одного из студентов, он никогда особо не задумывался о своих взглядах на псевдонауку/паранормальное до тех пор, пока не прошел этот курс. Читатели книги считают, что с «инструментарием критического мыслителя» надо знакомить «каждого гражданина», а не только студентов, получающих образование по «психологии, философии или методам исследования» [там же].

Последняя книга, к которой мы обращаемся, — «Критическое мышление, наука, псевдонаука. Почему мы не можем доверять нашему интеллекту?» [Lack, 2016] — также представляет собой учебное пособие для студентов, целью которого является формирование у них навыков критического мышления при изучении всех академических дисциплин с тем, чтобы уметь критически исследовать псевдонаучные утверждения с точки зрения междисциплинарности. Достоинством данной книги является то, что ее авторы погружают проблемы критического мышления в конкретно-научный контекст психологии, биологии, физики, медицины и других дисциплин. Исследуются также психологические и социальные причины, по которым у людей вызывают доверие рассказы о необычных явлениях.

* * *

Представленный в статье аналитический обзор сравнительно небольшой (на фоне огромного, практически неисчерпаемого

списка статей и книг на данную тему) части работ по критическому мышлению и его роли в решении проблем разграничения науки и псевдонауки позволяет сделать вывод о том, что данная проблематика крайне актуальна как в современной зарубежной, так и отечественной литературе. Критическое мышление востребовано сегодня не только в области образования, социально-политической сфере, повседневной жизни, но и, как показано в статье, дает возможность по-новому взглянуть на классическую проблематику эпистемологии и философии науки, в частности, проблему демаркации научного и ненаучного знания; непредвзято отнестись к самому феномену псевдонауки, суждениям о необычных явлениях, следуя основным установкам, заложенным еще Дж. Дьюи и развитым современными исследователями критического мышления. Представляется важным подчеркнуть, что критическое мышление имеет явно выраженное ценностное, нравственное измерение, ибо предполагает уважение к мнению другого, отсутствие категоричности, умение вступать в диалог с теми, кто придерживается других позиций, принадлежит к другой культуре и даже принимать во внимание чувства собеседника. Таким образом, критическое мышление выступает инструментом как интеллектуального, так и нравственного развития личности.

И.Н. Грифцова,
Г.В. Сорина
Критическое
мышление про-
тив псевдонауки

Critical Thinking Against Pseudoscience

Irina N. Griftsova

DSc in Philosophy, Professor. The Head of the Department of Philosophy, Institute for Social and Humanitarian Education. Moscow Pedagogical State University. 1/1, M. Pirogovskaya Str., Moscow 119991, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-3399-8551 in.griftsova@mpgu.su

Galina V. Sorina

DSc in Philosophy, Professor. Professor of the Department of Philosophy of Language and Communication, scientific director of the Science-Educational Center "Philosophic-methodological design and decision-making" Faculty of Philosophy. Lomonosov Moscow State University. GSP-1, Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-7764-9834 gsorina@mail.ru

Abstract: this review article analyses the literature on critical thinking and pseudoscience and characterises critical thinking as an instance of scientific thinking and a tool for the criticism of pseudoscience. The authors of the review work on the assumption, first made in a 1998 presentation, that critical

thinking lies at the interface of logic and anthropology. The concept of critical thinking is shown to be widely used of late in the Russian and international discourse on research and education. The term also frequently occurs in public statements by politicians, economists, lawyers, and even members of the clergy and the army. An emphasis is placed on critical thinking being a value of society in and of itself, which should be considered along three dimensions, namely as a philosophical concept, a methodological approach based on that concept, and an academic discipline either independent or embedded in some other subject area. Sources in the references aid in analysing each of these dimensions. The section dealing with critical thinking in its relation to pseudoscience surveys various approaches to demarcating and defining pseudoscience and gives an overview of the literature analysing the role of critical thinking in detecting and fighting pseudoscience and fakes in science. This analytical review of works on critical thinking and its role in distinguishing science and pseudoscience is concise compared to the almost inexhaustible body of literature on the topic. Yet, it demonstrates the importance of the subject matter for Russian and international research.

Keywords: critical thinking, pseudoscience, demarcation, scientific thinking, reflective thinking, logic, anthropology, discourse on research and education, streaming-like thinking.

For citation: Griftsova I.N., Sorina G.V. Critical Thinking Against Pseudoscience // *Chelovek*. 2022. Vol. 33, N 1. P. 7–30. DOI: 10.31857/S023620070019072-6

Литература/References

Алямкина В.А. Технология развития критического мышления через призму метода «Шесть шляп мышления» // *Новые технологии в образовании. Материалы XVI Международной научно-практической конференции.* Центр научной мысли. 2014. С. 10–20.

Alyamkina V.A. *Tekhnologiya razvitiya kriticheskogo myshleniya cherez prizmu metoda «Shest' shlyap myshleniya»* [Critical Thinking Development Technology through the Prism of “the Six Thinking Hats method”]. *Novye tekhnologii v obrazovanii. Materialy XVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii.* Tsentr nauchnoi mysli Publ., 2014. P. 10–20.

Бажанов В.А., Конопкин А.М. О классификации подходов к определению псевдонауки: традиции и новации // *Эпистемология & философия науки.* 2012. Т. XXXI, № 1. С. 174–191.

Bazhanov V.A., Konopkin A.M. *O klassifikatsii podkhodov k opredeleniyu psevdonauki: traditsii i novatsii* [On the Classification of Approaches to the Definition of Pseudoscience: Traditions and Innovations]. *Epistemology & Philosophy of science.* Vol. XXXI, N 1. P. 174–191.

Боброва А.С. Критическое мышление или логика? // *Логико-философские штудии.* 2018. Т. 16, № 3. С. 200–216.

Bobrova A.S. *Kriticheskoe myshlenie ili logika?* [Critical Thinking or Logic?]. *Logiko-filosofskie shtudii.* 2018. Vol. 16, N 3. P. 200–216.

Брюшинкин В.Н. Критическое мышление и аргументация // Критическое мышление, логика, аргументация: сб. статей / под общ. ред. В.Н. Брюшинкина, В.И. Маркина. Калининград: изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2003. С. 29–35.
Bryushinkin V.N. Kriticheskoe myshlenie i argumentatsiya [Critical Thinking and Reasoning]. *Kriticheskoe myshlenie, logika, argumentatsiya: Sb. statei*, ed. by V.N. Bryushinkin, V.I. Markin. Kaliningrad: Kaliningrad State Univ. Publ., 2003. P. 29–35.

Грифцова И.Н. Логика как теоретическая и практическая дисциплина. К вопросу о соотношении формальной и неформальной логики. М.: Эдиториал УРСС, 1998.

Griftsova I.N. *Logika kak teoreticheskaya i prakticheskaya distsiplina. K voprosu o sootnoshenii formal'noi i neformal'noi logiki* [Logic as a Theoretical and Practical Discipline. On the Question of the Relationship between Formal and Informal Logic]. Moscow: Editorial URSS Publ., 1998.

Грудзинская Е.Ю. Педагогическая технология «Развитие критического мышления через чтение и письмо» в подготовке специалистов // Вестн. ННГУ. 2005. Выпуск 1(6). С. 181–188.

Grudzinskaya E.Yu. *Pedagogicheskaya tekhnologiya «Razvitie kriticheskogo myshleniya cherez chtenie i pis'mo» v podgotovke spetsialistov* [Pedagogical Technology “Development of Critical Thinking through Reading and Writing” in the Training of Specialists]. *Vestnik NNGU*. 2005. Vol. 1(6). P. 181–188.

Дьюи Дж. Педагогика и психология мышления / пер. с англ. Н.М. Никольской. М.: Совершенство, 1997.

Dewey J. *Pedagogika i psikhologiya myshleniya* [How We Think]. Transl. from Engl. by N.M. Nikol'skaya. Moscow: Sovershenstvo Publ., 1997.

Жаббаров В.А., Волошина Т.В. Формирование критического мышления при выполнении служебно-боевых задач // Наука. Технологии. Инновации. Сборник научных трудов в 9 частях. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. техн. ун-та, 2018. С. 169–173.

Zhabbarov V.A., Voloshina T.V. *Formirovanie kriticheskogo myshleniya pri vypolnenii sluzhebno-boevykh zadach* [Formation of Critical Thinking when Performing Service and Combat Missions]. *Nauka. Tekhnologii. Innovatsii. Sbornik nauchnykh trudov in 9 vol.* Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Publ., 2018. P. 169–173.

Жогова И.Г., Кузина Е.В. Развитие критического мышления в контексте профессионально-ориентированного обучения студентов высшей школы // Язык и культура. 2017. № 38. С. 227–239.

Zhogova I.G., Kuzina E.V. *Razvitie kriticheskogo myshleniya v kontekste professional'no-orientirovannogo obucheniya studentov vysshei shkoly*. [Development of Critical Thinking in the Context of Vocationally Oriented Teaching of High School Students]. *Yazyk i kul'tura*. 2017. N 38. P. 227–239.

Кант И. Уведомления о расписании лекций на зимнее полугодие 1765/66 г. // Кант И. Сочинения в 8 т. Т. 2. / пер. с нем. М. Левиной. М.: Чоро, 1994а. С. 191–202.

Kant I. *Uvedomleniya o raspisanii leksii na zimnee polugodie 1765/66 g.* [Winter Semester Lecture Notifications 1765/66], transl. from Germ. by M. Levina. Kant I. *Sochineniya: v 8 t.* [Works: in 8 vol.]. Vol. 2. Moscow: Choro Publ., 1994a. P. 191–202.

И.Н. Грифцова,
Г.В. Сорина
Критическое
мышление про-
тив псевдонауки

- Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Сочинения в 8 т. Т. 7 / пер. с нем. М. Левиной. М.: Чоро, 1994. С. 137–376.
- Kant I. Antropologiya s pragmaticheskoi tochki zreniya [Anthropology from a Pragmatic Point of View], transl. from Germ. by M. Levina. Kant I. *Sochineniya: v 8 t.* [Works: in 8 vol.]. Vol. 7. Moscow: Choro Publ., 1994. P. 137–376.
- Майнбергер Г.К. Единый разум и многообразие рациональностей / пер. с нем. Т. М. Абросимовой // Вопросы философии. 1997. № 9. С. 57–65.
- Mainberger G.K. Edinyi razum i mnogoobrazie ratsional'nostei [One Mind and a Variety of Rationalities], transl. from Germ. by T.M. Abrosimova. *Voprosy filosofii.* 1997. N 9. P. 57–65.
- Паскаль Б. Мысли / пер. с фр. О. Хомы. М.: REFL – book, 1994.
- Pascal B. *Mygli.* [Thoughts], transl. from French by O. Khoma. Moscow: REFL – book Publ., 1994.
- Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. II. М.: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992а.
- Popper K.R. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [Open Society and its Enemies]. Vol. II. Moscow: Mezhdunarodnyi fond “Kul’turnaya initsiativa” Publ., 1992a.
- Поппер К.Р. Логика социальных наук // Вопросы философии. 1992б. № 10. С. 65–75.
- Popper K.R. *Logika sotsial'nykh nauk* [The Logic of the Social Sciences]. *Voprosy filosofii.* 1992b. N 10. P. 65–75.
- Псевдонаучное знание в современной культуре: материалы круглого стола // Вопросы философии. 2001. № 6. С. 3–31.
- Pseudonauchnoe znanie v sovremennoi kul'ture: materialy kruglogo stola [Pseudoscientific Knowledge in Modern Culture: Materials of the Round Table]. *Voprosy filosofii.* 2001. N 6. P. 3–31.
- Сорина Г.В. Критическое мышление и неформальная логика в контексте XX Всемирного философского конгресса // Вестник Российского философского общества. 1998. № 4(8). С. 23–26.
- Sorina G.V. Kriticheskoe myshlenie i neformal'naya logika v kontekste XX Vsemirnogo filosofskogo kongressa [Critical Thinking and Informal Logic in the Context of the XX World Congress of Philosophy]. *Vestnik Rossiiskogo filosofskogo obshchestva.* 1998. N 4(8). P. 23–26.
- Сорина Г.В. Критическое мышление: история и современный статус // Вестник Московского ун-та. Серия 7: Философия. 2003. № 6. С. 98–111.
- Sorina G.V. Kriticheskoe myshlenie: istoriya i sovremennyy status [Critical Thinking: the History and Modern Status]. *Vestnik Moskovskogo universiteta.* Ser. 7: Filosofiya. 2003. N 6. P. 98–111.
- Сорина Г.В., Грифцова И.Н. Критическое мышление: логика и антропология // Тезисы доклада международного семинара «Антропология с современной точки зрения». Дополнительный выпуск. Калининград: Калининградский гос. ун-т, 1998. С. 8–9.
- Sorina G.V., Griftsova I.N. Kriticheskoe myshlenie: logika i antropologiya [Critical Thinking: Logic and Anthropology]. *Tezisy doklada mezhdunarodnogo seminara «Antropologiya s sovremennoi tochki zreniya».* *Dopolnitel'nyi vypusk.* Kaliningrad, Kaliningrad State Univ. Publ., 1998. P. 8–9.

- Суханова Н.П. «Логика и критическое мышление»: установки кампусного курса // Проблемы современного образования. 2019. № 6. С. 15–20.
- Sukhanova N.P. Logika i kriticheskoe myshlenie: ustanovki kampusnogo kursa [Logic and Critical Thinking: Campus Course Settings]. *Problemy sovremenno obrazovaniya*. 2019. N 6. P. 15–20.
- Терно С.А. Эволюция идеи: рефлексивное мышление – критическое мышление – метакогнитивное развитие // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://human.nauka.ru/2013/10/3900> (дата обращения: 20.06.2021).
- Terno S.A. Evolyutsiya idei: refleksivnoye myshlenie – kriticheskoe myshlenie – metakognitivnoye razvitiye [Idea Evolution: Reflexive Thinking – Critical Thinking – Metacognitive Development]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*. 2013. N 10. [Electronic resource]. URL: <https://human.nauka.ru/2013/10/3900> (date of access: 20.06.2021).
- Тягло А.В., Воронай Т.С. Критическое мышление: Проблема мирового образования XXI века. Харьков: Ун-т внутр. дел, 1999.
- Tyaglo A.V., Voropai T.S. Kriticheskoe myshlenie: Problema mirovogo obrazovaniya XXI veka [Critical Thinking: The Problem of World Education in the 21st Century]. Kharkiv: Kharkiv Univ. of Internal Affairs Publ., 1999.
- Федоров А.В. Развитие критического мышления в медиаобразовании: основные понятия // Инновации в образовании. 2007. № 4. С. 30–47.
- Fedorov A.V. Razvitiye kriticheskogo myshleniya v mediaobrazovanii: osnovnye ponyatiya [Development of Critical Thinking in Media Education: Basic Concepts]. *Innovatsii v obrazovanii*. 2007. N 4. P. 30–47.
- Шакирова Д.М. Формирование критического мышления учащихся и студентов: модель и технология // Educational Technology & Society. 2006. № 9(4). С. 284–292.
- Shakirova D.M. Formirovanie kriticheskogo myshleniya uchashchikhsya i studentov: model' i tekhnologiya [Formation of Critical Thinking in Pupils and Students: Model and Technology]. *Educational Technology & Society*. 2006. N 9(4). P. 284–292.
- Abrami P.C., Bernard R.M., Borokhovski E. et al. Strategies for Teaching Students to Think Critically: A Meta-analysis. *Review of Educational Research*. 2015. N 85(2). P. 275–314.
- An A to Z of Critical Thinking*. B. Black (ed.). London, Continuum International Publishing Group, 2012.
- Bailin Sh. Critical and Creative Thinking. *Informal Logic*. 1987. N IX(1). P. 23–30.
- Chi-Ming L. Is Popper's Falsificationist Heuristic a Helpful Resource for Developing Critical Thinking? *Critical Thinking and Learning*. M. Mason (ed.). Blackwell Publishing, 2008. P. 93–108.
- Critical Rationalism and Educational Discourse*. G. Zecha (ed). Rodopi B.V., Amsterdam-Atlanta, GA, 1999.
- Dawes G.W. Identifying Pseudoscience: A Social Process Criterion. *Journal for General Philosophy of Science*. 2018. Vol. 49. P. 283–298.
- Dewey J. *How we think*. D. C. Heath & Co., Publishers Boston – New York- Chicago, 1910.
- Ennis R. Critical thinking assessment. *Theory Into Practice*. 1993. N 32(3). P. 179–186.

И.Н. Грифцова,
Г.В. Сорина
Критическое
мышление про-
тив псевдонауки

- Ennis R. Critical Thinking: Reflection and Perspective. Part I. *Inquiry: Critical Thinking across the Disciplines*. SPRING. 2011. Vol. 26, N 1. P. 4–18.
- Fernandez-Beanato D. The Multicriterial Approach to the Problem of Demarcation. *Journal for General Philosophy of Science*. 2020. Vol. 51(3). P. 375–390.
- Hale E.S. *A Critical Analysis of Richard Paul's Substantive Transdisciplinary Conception of Critical Thinking*. Cincinnati, Ohio: Union Institute & University, 2008.
- Halpern D.F. Teaching Critical Thinking for Transfer Across Domains: Disposition, Skills, Structure Training, and Metacognitive Monitoring. *American Psychologist*. 1998. N 53(4). P. 449–455.
- Hansson S.O. Defining Pseudoscience and Science. *Philosophy of Pseudoscience*. M. Pigliucci, M. Boudry (eds). Chicago, London: The University of Chicago Press, 2013. P. 61–78.
- Hitchcock D. Critical Thinking as an Educational Ideal. *On Reasoning and Argument: Essays in Informal Logic and on Critical Thinking*. Dordrecht: Springer, 2017. P. 477–497.
- Lack G.W., Rousseau J. *Critical Thinking, Science, and Pseudoscience. Why We Can't Trust Our Brains*. New York: Springer Publishing Company, 2016.
- Lipman M., Matthew S.K. Critical Thinking – What Can It Be? *Analytic Teaching*. 1987. N 8(1). P 5–12.
- Mason M. Critical Thinking and Learning. *Critical Thinking and Learning*, M. Mason (ed.). Blackwell Publishing, 2008. P. 1–11.
- May A. J. *Pseudoscience and Science Fiction*. Springer International Publishing. Switzerland, 2017.
- McPec J.E. *Critical thinking and education*. New York: St. Martin's Press, 1981.
- Paul R. W. *Critical Thinking: What Every Person Needs to Survive in a Rapidly Changing World*. Rohnert Park, CA: Center for Critical Thinking and Moral Critique, Sonoma State Univ., 1990.
- Paul R., Elder L. Critical Thinking: The Art of Socratic Questioning. *Journal of Developmental Education*. 2007. Vol. 31, N 1. P. 36–37.
- Paul R., Elder L., Bartell T. *California Teacher Preparation for Instruction in Critical Thinking: Research Findings and Policy Recommendations*. State of California, California Commission on Teacher Credentialing. Sacramento, CA, 1997.
- Paul R., Elder L. *The Critical Thinking Reading and Writing Test*. Publisher: Foundation for Critical Thinking, 2006.
- Re/Thinking Critical Thinking: The Seductions of Everyday Life. *Studies in Philosophy and Education*. Springer, 2015. P. 27–40.
- Ruminski H.J., Hanks W.E. *Critical thinking lacks definition and uniform evaluation criteria*. *Journalism and Mass Education Educator*. 1997. N 50(3). P. 144–151.
- Scriven M., Paul R.W. *Defining Critical Thinking, 8th Annual International Conference on Critical Thinking and Education Reform, Summer 1987*. National Council for Excellence in Critical Thinking.
- Smith J.C. *Pseudoscience and Extraordinary Claims of the Paranormal. A Critical Thinkers Toolkit*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010.

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.31857/S023620070019073-7

©2022 Л.П. КИЯЩЕНКО

ПРОКРЕАТИВНЫЙ ТЕЗАУРУС ВЕЩИ В ДИСКУРСЕ РЕДАКТИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Киященко Лариса Павловна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития.

Институт философии РАН.

Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

ORCID: 0000-0002-4244-5732

larisakiyashchenko@gmail.com

Аннотация. Ситуация редактирования человека в многообразии форм человеческой деятельности требует с точки зрения практической философии детального анализа в решении проблемы природы и необходимости морального биоулучшения. Последнее под метафорическим названием «редактирование человека» сегодня сфокусировано в сфере философских проблем биологии и медицины, что имплицитно содержит в себе взаимосвязь эмпирического и теоретического. Исходя из процессуально-феноменологического характера этого вида деятельности рассматриваются особенности опыта трансдисциплинарности, ее оснований, способов обоснования и обоснованности полученных результатов с учетом исконной рефлексивной двойственности главного действующего лица — человека, способного креативно совмещать субъективную и объективную формы мыслительной деятельности, ценностные и смысловые значения с материально-предметной представленностью

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований; проект № 19-011-00812.

в отношениях к себе и внешней природе. Семиозис вещной трансформации человеческой деятельности фиксирует обрамленные экстремумами знаковые системы, в которых разворачиваются автопоззис и автокоррекция человека. Прокреативное значение эволюции знаковых систем находит выражение в фазовом переходе от создания человеком вещей к критической развилке между автоматизированным созданием вещей вещами и созданием человеком человека при помощи искусственных прокреативных технологий, включающих геномную модификацию. Поззис трансдисциплинарного опыта редактирования человека обновляет модальность включенного третьего, размывая закольцованность фрактальной репликации бинарных оппозиций вариациями персонального нравственного выбора. Взаимосвязь улучшения индивида и улучшения сообщества непосредственным образом сопрягает биоэтику с политикой посредством нормогенеза права. Правовое регулирование отстает от практики становления техносферы с существенным временным лагом. Это объясняет онтогенез конфликта поколений через категории ответственности и прямого контакта реципиентов трансляции опыта со средой. Экзистенциальный страх утраты человеческого в человеке сталкивается в вопросе редактирования человека с мужеством творческого прорыва, сохраняя человеческое в преодолении существующих границ и позволяя рассуждать о будущем человечества с позиции эволюционного оптимизма.

Ключевые слова: редактирование человека, трансдисциплинарный опыт, технонаука, биотехнологии, прокреация, семиотические оппозиции, включенное третье, познавательная сложность, интервальный подход, идентичность.

Ссылка для цитирования: Киященко Л.П. Прокреативный тезаурус вещи в дискурсе редактирования человека // Человек. 2022. Т. 33, № 1. С. 31–46. DOI: 10.31857/S023620070019073-7

Inter-esse значит: быть среди вещей, между вещей, находиться в центре вещи и стойко стоять при ней.

М. Хайдеггер. Разговор на проселочной дороге

Очевидно, у каждого пишущего человека научный текст возникает на пересечении собственных интересов и тех задач, которые выставляет выбранная для рассмотрения проблема. Для меня вопрос, подлежащий исследованию, всякий раз начинается с раздумий о том, что есть начало этого движения мысли — начала Начала — к все той же цели, которая является доминирующей и в разных комбинациях имеет место в исследованиях на протяжении ряда лет, не отпуская внимание. Речь идет о практической философии, в основе которой лежит опыт

трансдисциплинарности [Киященко, 2005] в различных модификациях, образующих образ философии трансдисциплинарности [Киященко, 2009]. В данном случае передо мной стоит задача: рассматривая комплекс современных исследований под рубрикой «редактирование человека»¹, выяснить, в какой степени существующая идея практической философии и лежащий в ее основе опыт трансдисциплинарности сами подлежат редактированию (верификации, фальсификации) в основных своих предположениях. Таким образом, решаемая научно-практическая проблема становится способом проверки способности выбранной стратегии к собственному изменению и саморазвитию — редактированию познавательных структур и практических действий.

Понятие «редактирование человека» в биоэтических и медицинских текстах все чаще встречается в контексте биоулучшения природы человека с помощью новейших биотехнологий, однако подобная возможность напрямую связывается с моральным совершенствованием и ориентацией на ценностные приоритеты, бытующие в обществе. Редактирование человека есть дело рук человеческих — персональных и коллективных, которое охватывает его целиком, несмотря на порой локальные области приложения, поскольку касается всего комплекса антропологических вопросов о человеке, в свое время обозначенных И. Кантом и сфокусированных на основном вопросе: что есть человек? Пред-понимание проблем в сфере человеческой деятельности, не укладывающихся в готовую теорию, собирается из того, что находится под рукой, из привычного, очевидного, общепринятого, и проверяется

Л.П. Киященко
Прокреативный
тезаурус вещи
в дискурсе ре-
дактирования
человека

¹ Например, Н. Бостром и Р. Роуч приходят к выводу о том, что редактирование человека может быть морально оправдано [см.: Bostrom, 2008]. М. Чернявский называет технологии улучшения человека «новым ящиком Пандоры» и заключает, что в какой-то момент времени человечество получит понимание моральной цены улучшения человека, а трансгуманистическое видение мира не будет реализовано [Czerñawski, 2010]. Ряд авторов также утверждает, что использование технологий улучшения человека с целью повышения работоспособности поднимает регуляторные вопросы в отношении того, стоит ли этот тип улучшений человека сделать обязательным, поощрять, разрешать либо запрещать его или же иметь в виду гибкое регулирование (в зависимости от обстоятельств) [см.: Human Enhancement, 2012]. П.Г. Диас рассматривает вопрос редактирования человека с двух биоэтических точек зрения: первый подход относится к биоэтике как к индустрии внутри клинической практики, как к совокупности комитетов, регулирующих вопросы телесности, а второй — как к научной биоэтике, которая имеет философские основания и существует в виде теоретической дискуссии [Diaz, 2015]. Э. Расин, Т.М. Рубио, Дж. Чандлер, К. Форлини и Дж. Лаке включают в это направление некоторые исследования в области права, моральной философии и политической теории [Racine, 2014]. Д. Кирхгоффер полагает, что потенциал концепта человеческого достоинства заключен в его дескриптивной и нормативной функциях, отражающихся в дискуссиях по биоэтике [Kirchhoffer, 2017].

на пригодность в конкретном случае. Одним из претендентов на эту роль, по моему мнению, может выступить понятие вещи, которое фокусирует место пребывания человека «между», или «inter-esse» (М. Хайдеггер). Творимое человеком с вещью служит зеркальным отражением того, что происходит с самим человеком во всем его социоприродном комплексе.

Вещь и пути ее осмысления при редактировании человека

«Всегда, в любое время, философия разыгрывает одну-единственную тему, и имя этой темы всякий раз заставляет мировую философию сделать троп-поворот, осуществить перескоки-трансценденции: вверх-вниз (Божественное величие-падение, вечность-время), вправо-влево (прошлое-будущее), но всюду встретить то, что называется — “вещь”, обеспечивающая возможности таких поворотов» [Неретина, 2008: 10]. Оставаясь сама собой, «вещью в себе», при смене ракурса рассмотрения вещь открывает много живых подробностей в отношениях с человеком и человечеством. Вещь в философско-антропологической перспективе — это качественно опредмеченное желание человека, функционально символизируемое языком [Коренев, 2003: 73–78]. Помимо использования в чисто практических целях, вещь выступает как средство межличностного общения. В таких случаях она приобретает эмоциональную и смысловую наполненность, служит способом (де)маскировки человека в его желании усовершенствовать свою природу [Ильенков, 1967: 25–42].

«Благодаря заложенному в вещах образному содержанию, они могут рассказывать на своем языке о внутреннем мире и эмоционально-психическом складе личности, обо всей той сфере, где история становится переживанием и где формируются ранние импульсы общественного поведения. Этот мир и этот склад меняются во времени, вместе с ним меняются и образы вещей, что не может не сказываться на их языке, не делать его специфичным для каждой эпохи. Если рассматривать культуру как язык, то вещи, окружающие человека в быту, всегда имеют знаковый смысл. Причем вещи не только создают дискурс, но и сами являются в некотором смысле дискурсом. Образ бытовой вещи выступает как “концентрированная метафора конкретного социального миропорядка”» [Кнабе, 1985: 39].

В данной статье вещь понимается как объект и результат трансфера прокреативного опыта, накопленного между поколениями и конденсируемого в конкретных проявлениях материального мира.

Редактирование вещи через ее постоянное функциональное, этико-эстетическое совершенствование может быть использовано в качестве упрощенного кейса, имеющего гомологическое сходство (сходство по динамике порождения) с биоэтической проблематикой редактирования человека.

Биоэтика как сегмент политической деятельности в обществе и проявление властных отношений в коммуникативном взаимодействии по усовершенствованию природы человека — это лаборатория нормогенеза на острие технологического прогресса со всеми рисками и конфликтами, сопровождающими данный процесс. Отсутствие прецедентов-трафаретов для наложения готовых «ответов» на «вопросы» практической среды вынуждает в случае необходимости принимать решения в серой зоне неопределенности экстремальной ситуации, что значительно опережает правовую практику легитимности предлагаемых решений по трансформации и внесению изменений в телесную организацию человека.

Деликатность объекта регулирования ограничивает вариативность трансфера управленческих шаблонов, оставляя окно недоопределенности со значительной энтропической информацией для институционального предпринимательства в рамках действующих структурных матриц, нередко не совпадающих с эволюционирующими ценностными матрицами. Возрастающая сложность объекта регулирования востребует прокреативный преадаптивный генезис изоморфных управленческих практик, основанных на принципе субсидиарности (уровневой сообразности). Высокая цена ошибки определяется восприимчивостью этой сферы регулирования к нарративным искажениям, находящим воплощение в перформативной трансляции неоднозначных с точки зрения устойчивого цивилизационного развития практик «исключения» ввиду субъективации понятий «норма» и «благо».

Проблемокомплекс исследования затрагивает возможность преформативного редактирования дискурса о редактировании человека из плоскости инструментальной рациональности, предполагающей отношение к индивиду с позиции добавленной стоимости в вопросе производства общего блага, в плоскость «альтруизм — реципрокация» путем нахождения включенного третьего между гомогенизацией общества и гетерогенностью его сегментов, акцентирующей и совмещающей существующие различия. Воздействие цифровой эпохи обогащает исследование о возможностях редактирования человека вопросом о достижимости искусственной аутентичности, которая в естественном выражении обладает высоким прокреативным потенциалом в генерирующие новые морфогенетические смыслы, этапы критических развилок становления человека как вида. На этом пути предстоит уточнить, влияют

Л.П. Киященко
Прокреативный
тезаурус вещи
в дискурсе ре-
дактирования
человека

ли сложностные последствия сегментирования профиля личности на основании ее «генетического паспорта» на позиционирование человека в сообществе, что включает обладающую высокой взаимозависимостью цепочку свободных от интенциональности обратных связей, в реальном времени меняющих историю эволюции человека.

Применительно к редактированию человека речь идет о таргетированном (целевом) вмешательстве в процессуальность человекомерной и техногенной эволюции на дискретном уровне индивида². Вопрос селективного доступа к технологиям редактирования проявляется включенным третьим в дихотомии «инклюзивность — эксклюзивность», обновляя константу эстетики неравенства в эмерджентной цивилизационной динамике концентрических кругов с разрывами, узлами и точками развития. Этические дилеммы фрактально воспроизводятся в дискурсе экстремумов разрешения-запрета, раздвигая которые, вновь включается третье — на этот раз избирательная, кондициональная (условная) реконфигурация индивида. На уровне регулирования запретное желанно, только выведено за рамки правового поля, разрешенное не обязательно доступно, а градуированное плохо поддается контролю ввиду вариативности шкалирования. Поэтому проект редактирования человека³ нуждается в постадийной трансдисциплинарной сопроводительной экспертизе, выстроенной на основе общего тезауруса прокреативных практик⁴. Последние трактуют воспроизводство и улучшение человека не только с объектной (социобиологической, социально-экономической, конструктивно-технологической) позиции, но берут в расчет понимание прокреации как *процесса воспроизводства и производства человека в культуре в контексте моральных ценностей и смыслов совершенствования его природы* [Sidorova, 2020].

Итак, локус контроля человека находится в постоянной динамике и может меняться по интроспективному пути — от контроля над объектами повседневной жизни к контролю за сущностью и проявлениями природы человека. Вещь является концентратом человеческого желания, приводимого в реальность в процессе

² В данном случае акцентируется противопоставление друг другу процессуальности эволюционного процесса и дискретности его промежуточного результата — индивида конкретной эпохи.

³ В контексте исследования проект понимается как направление стратегического когнитивного картирования, разделенное на пространственно-временные промежутки, имеющие конкретные прикладные результаты.

⁴ В данном случае термин «прокреативный» употребляется в значении воспроизводства человека.

интенциональной деятельности, осуществляемой на основе разделения труда. Именно в вещи отражается истинная проективная составляющая активности человека и раскрывается векторная направленность редактирования человеческой природы. В вещи в спрессованном виде выражено то, как человек видит мироустройство в текущий момент и каким образом он хотел бы трансформировать его для будущего. Поэтому именно вещь является точкой генерации и сопряжения дискурсов, что делает ее актуальным объектом трансдисциплинарного исследования в области биоэтики как интегративной науки, находящейся на этапе становления.

Концепция опыта трансдисциплинарности через воплощение в вещи

Указанная в заглавии данного раздела концепция опирается на существующее словарное толкование термина «опыт», понимаемого как эссе (от фр. *Essai* — «попытка», «проба», «очерк»). Опыт, истолкованный в сочетании смыслов терминов «*experiment*» («научный эксперимент») и «*experience*» («опыт проживания и переживания»), действует внутри научного процесса; он показывает, что источник научной эмпирии выходит за границы системы научного знания, обеспечивая тем самым ее «открытость» жизненному миру. Этот план целостного научного опыта удерживает в рассмотрении одновременно классический и неклассические типы рациональности, образуя то, что мы называем *опытом трансдисциплинарности*. Данный опыт явным образом содержит в себе человекообразность, общезначимые ценности, которые присутствуют в языке когнитивно-коммуникативной практики, решающей экзистенциальные проблемы (например, биоэтические, экологические, антропологические и т.п.).

Философия науки, исходя из опыта трансдисциплинарности и сохраняя его в своей основе, приобретает черты постнеклассического стиля мышления. Последний исходит из следующих видов обоснования: апостериорной априорности оснований (дисциплинарное знание привлекается к решению проблем жизненного мира); конкретной универсальности (практичности) в обосновании принимаемого решения; трансфлексии морального выбора как обоснованности принимаемого решения. Трансфлексия дополняет классическую рефлексию ответственной неприязательностью в коммуникативном взаимодействии ученых-экспертов и непрофессионалов. «На основе анализа междисциплинарных, полидисциплинарных и трансдисциплинарных процессов в современной

Л.П. Киященко
Прокреативный
тезаурус вещи
в дискурсе ре-
дактирования
человека

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

науке и культуре обосновывается, что именно трансдисциплинарность определит когнитивный облик современной науки и культуры в среднесрочном будущем и станет основой для конвергенции науки, технологии, искусства, исследований сознания и духовных практик в целом» [Bazhanov, 2016].

Вещные метаморфозы человека реализуются в материалистическом понимании человека как проекта, который может оказаться успехом или провалом, — отсюда идея коррекции человеческой природы, исторически реплицируемая и масштабируемая в евгенических учениях [Хен, 2003]. Человеку, не только современному, во многом свойственны дефицитарное мышление, перцептивный нерв недостаточности настоящего и наличного, связующий прошлое с будущим через веру в прогресс. Будущее в его прокреативном разрезе предстает в конфигурации перевертыша ставшего общим местом вопроса «Какой мир мы оставим нашим детям и внукам?» в версии «Каких детей и внуков мы оставим миру?». Второй вопрос первоначально решался посредством воспитания на уровне семьи, системы образования, частично системы здравоохранения, а затем предстал в перспективе сохранения человека как биологического вида. Актуализация вопроса о «качестве человека» произошла в эпоху антропоцена, вызвавшую к жизни вопрос о перспективах технологической сингулярности и победы искусственного интеллекта над естественным⁵.

Процессуально-феноменологический характер данного рассмотрения фиксируется в его трансформациях от примордиального состояния вещи (филогенез), через стадии становления, до смыслового персонализированного наполнения вещи (онтогенез). Метаморфоз вещи в практическом использовании (ритуал, фетиш, материальный артефакт, продукт) и межличностном общении (знак, жест, символ, смысл) свидетельствует о разрыве, «полосе технологического отчуждения» между вещью и существованием, а также сущностью современного человека. Разрыв этот в очередной раз ставит вопрос «Что такое вещь?» посредством поиска ответа на вопрос «Кто такой человек?». Проблема идентификации человека раскрывается через осмысление им путей постижения метаморфоза вещей (редактирование генома человека понимается как его частный случай). Это в свою очередь актуализирует проблему моральной свободы (в выборе), меру овладения субъектом

⁵ В данном контексте антропоцен следует понимать как эпоху, когда воздействие человека на природную среду стало носить преобладающий характер, что влечет за собой высокую меру ответственности человека за происходящее в среде [см., напр.: Balbo, 2020].

нравственной своей «природы» в процессе редактирования человека (в поступке) и его конкретных практиках. Мы совершаем метаморфоз в вещах, поступках, общении, чтобы стать людьми [Морен, 2011]. Рассмотрение редактирования человека сквозь оптику трансдисциплинарного опыта, его оснований, способов обоснования и обоснованности полученных результатов с учетом исконной рефлексивной двойственности главного действующего лица — человека — ведет к созданию практической философии трансдисциплинарного типа.

Развилка между моральным совершенствованием, относящимся к «внутреннему контуру» технонауки, и/или биотехнологическим улучшением природы человека («внешний контур» технонауки) во всем многообразии проявлений в его жизнедеятельности актуализирует поведенческий выбор, новый в каждом конкретном случае. Существенно, что совершенствование — морально, а улучшение — технологично. У каждого из них — свои единицы измерения, и они не переводимы друг в друга. Однако это не мешает рассматривать указанные процессы жизнедеятельности человека совместно [Попова, 2020].

Перманентные вопросы о соизмеримости, соответствии выставленных оппозиций, учитывая их специфику и различие, встают при рассмотрении форм идентичностей — человека, биотехноидентичности и, наконец, идентичности реальности самой технонауки. Насколько биотехнологическое улучшение природы человека может способствовать моральному совершенствованию? Ответы на эти сложноорганизованные вопросы, чтобы они на самом деле послужили решению конкретных задач, стараются учесть возможные риски в предполагаемых действиях по такому совершенствованию. Процессуально незавершенный, ориентированный на позитивный исход характер обоих действий по большому счету предполагает интегрирование разнородных представлений о природе человека, использование способности рефлексии выступать системным модулятором сложности, сочетать строгие формальные методы с мягкими качественными формами управления [Киященко, 2019], регламентирование допустимости рисков с учетом возможной пользы.

Феноменология изучает структуру различных видов опыта — от восприятия, мышления, памяти, воображения, эмоции, желания и воления до телесного сознания, воплощенного действия и социальной деятельности (включая языковую деятельность). Структура этих форм опыта, как правило, содержит то, что Э. Гуссерль называл «интенциональностью», то есть направленностью переживания на вещи в мире, — свойство сознания, благодаря которому последнее является сознанием чего-то или о чем-то.

Понятие «метаморфозы вещи» имеет целую сеть значений. Все это — «приманки для ощущения», пропозиции, предлагающие человеку потенциальности, поскольку вещи обладают, согласно А.Н. Уайтхеду, причинной действенностью. Последняя «объединяет вещи в ветвящуюся сеть следов, вселенную вещей» [Шавиро, 2017: 138], где нет никакого абсолютного разрыва между «живыми» и «неживыми» обществами. Следовательно, «жизнь» — вопрос степени, вопрос того, что может быть в большей или меньшей степени; выделить ее можно лишь относительно чего-либо и ситуативно.

Есть много промежуточных случаев между жизнью и не-жизнью: достаточно вспомнить о вирусах или машинной «искусственной жизни» [там же: 148]. Но «к новым техническим структурам способно адаптироваться только абстрактное, а не непосредственное мышление; при этом человек должен привыкать все более и более исключительно пользоваться одними лишь высшими исчислительными функциями своего ума. Это вызывает глубокое психологическое сопротивление, и в результате человек окончательно отстает от своих вещей, уступает им в связности. Вещи как бы идут впереди него в организации его среды, а тем самым влекут за собой и те или иные его поступки» [Бодрийяр, 2020: 4].

Вещи носят знаковый характер, объединяя в себе семиотику выражения и принадлежности, материального при-своения, которым завершается преобразовательный процесс о-своения природного мира. Дизайн вещей — это создание и матричное воплощение системы координат, в которой человек сам творит себя в повседневной работе самопознания и автокоррекции. Обеспечительная функциональность вещи делает ее не только инструментом, но и пролегоменом к практике, где человек исконно производил вещи, затем вещи стали использоваться для автономного производства других вещей в ходе автоматизации, а человек перешел к созданию человека не только путем естественной прокреации, но и при помощи искусственных прокреативных практик, в данном случае геномных модификаций.

Таким образом, эволюция прокреативных функций реализовалась через фазовый транзит к включенному между искусственным и естественным третьему. Пространство третьего эмерджентно расширяется, подготавливая сложностный метаморфоз идентичности человека. Поэтому динамическая идентичность человека находится на этапе становления не только в поступках, общении, трансформациях степени ситуационной приближенности к локусу контроля в сообществе, но и в ракурсе вопроса о генетическом качестве индивида в перспективе преадаптивного эволюционного оптимизма. Преадаптация человека включает способность

пред-восхищать потребности среды и сообщества и реализовывать на практике неожиданное для самого себя поведение, изоморфное непредсказуемой среде, где затраты на индивидуальные адаптивные стратегии выживания по логике «вызов — ответ» превышают возможную пользу.

Трансдисциплинарный опыт объединяет в себе внутреннее и внешнее измерение в проживании вещи. Внутреннее измерение связано с получением человеком опыта реального соприкосновения с воплощенной проекцией своего желания, что вносит коррективы в восприятие человеком настоящего, в оценку прошлого и в ожидания относительно будущего. Этот рефлексивный процесс включает важнейшую стадию модификации, механизм которой воспроизводится при редактировании человека. Внешнее измерение проживания вещи сопряжено с ее функциональным применением, влекущим за собой расширение возможностей человека, что называется «протезирующей функцией вещи». Указанная функция резонирует с функционалом технологий редактирования природы человека, вновь актуализируя предлагаемый в данной статье ракурс рассмотрения проблемного поля улучшения человека.

* * *

Этика — область подвижного фронта между дозволенным и запретным, верным и ошибочным, благим и порочным. Это сфера, в которой индивидуальное проецируется на коллективное и обратно, осуществляя пинг-понговую коррекцию. Представления об этически допустимом контекстуальны и привязаны к пространственно-временному домену, поскольку сопрягаются с параметрами порядка сообщества, находя в них свое непосредственное выражение. Этика соединяется с политикой посредством правовой системы, закрепляющей и имплементирующей поощрения за соблюдение нормы и санкции за отклонение от нее, которое самим фактом своего существования претендует на создание новой нормы. Через легитимацию повторяющихся отклонений этические стандарты эволюционируют вместе с сообществом, усваивая текущие приоритеты последнего и транслируя их новым поколениям людей с временным лагом, обусловленным ригидностью взаимодействия управленческого домена со средой. Подобная ригидность лежит в основе конфликта поколений, в котором ответственность запускает механизм трансляции этических стандартов, а эмерджентный опыт де-факто вторгается в этический нормогенез путем предъявления прецедента — результата прямой коммуникации субъекта опыта (реципиента этической трансляции) со средой в режиме реального времени.

Л.П. Киященко
Прокреативный
тезаурус вещи
в дискурсе ре-
дактирования
человека

Сужая степени свободы эволюции природы человека, проект редактирования человека является одним из способов упорядочения сложностной плюральной конфигурации человека через воплощение проекции блага. Однако с точки зрения законов природы абсолютный порядок равнозначен гибели, поэтому он может существовать только в качестве постоянно отодвигающейся недостижимой цели. В этой связи может быть целесообразным, вслед за В. Флюссером [см.: Флюссер, 2016], ввести разграничение между категориальным (абсолютным) и функциональным благом, где абсолютное благо выступает в качестве мелиоративного, вечно удаленного нормативного ориентира, а функциональное благо применительно к человеческой природе равнозначно инструментальному подходу к человеку, а значит, категориальному злу. На примере проекта редактирования человека в среднесрочном будущем вероятно репликация «линий разлома» между «проектировщиками метапрограмм» развития человека, «коммуникаторами» этих метапрограмм и объектами реализации последних. Такого рода динамика актуализирует дальнейшие исследования в области сложностной этики выбора, представленной «проблемой вагонетки» на уровне вопроса о «качестве» индивида [Эдмон, 2019].

Семиотическое картирование смысловых конфигураторов дискурса о редактировании человека в высшей степени провокативно. Требуемая профессиональной трансдисциплинарной экспертизы многогранность вопроса естественным образом побуждает к воздержанию от этического суждения ввиду недостаточности информации, однако накал риторики между сторонниками и противниками редактирования человека приводит к обвинению «позиции воздержания» в лицемерии, искусственным образом принуждая к бинарному выбору между «за» и «против». С точки зрения управленческой практики редактирование человека осуществляется через трансдисциплинарный опыт, «план-набросок», который «набрасывается» на обстоятельства действительности. Если признать, что план — повелительная форма, а обстоятельства — изъявительная форма, то возможно, что вместе они объективируют благо. Реализация проекта претворяет в действительность ценностную матрицу, обновленная действительность подвергается апостериорной этической экспертизе и моральной оценке. Цена эксперимента — автономное выживание человека как вида в поэзисе антропоцена.

Практическая философия и опыт трансдисциплинарности проходят рекурсивное редактирование посредством восприятия процессов положительной и отрицательной обратной связи, соответственно закрепляющих или подавляющих векторное направление

изменений. В результате прокреативный дискурс в ракурсе «мутация — репликация» переходит в кибернетическую плоскость проводимости сигналов о необходимости преадаптации человека как вида. Одновременно в бинарной оппозиции «детерминизм — случайность» редактирование человека приближается к экстремуму детерминизма, тогда как законы становления реализуются преимущественно через случайность. Таким образом, бинаризм дискурса вновь принуждает к выбору между предложенными категориальными оппозициями, исключая из поля зрения тонкости возможностей и градаций их конвергенции через трансдисциплинарный поиск включенного третьего, сопряженного с нравственным выбором собственного пути.

Procreative Thesaurus of Things in Human Editing Discourse

Larisa P. Kiyashchenko

DSc in Philosophy, Leading Researcher of the Department of Interdisciplinary Problems of Scientific and Technological Development. RAS Institute of Philosophy.

12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-4244-5732

larisakiyashchenko@gmail.com

Abstract. The situation of human editing in a variety of human activity forms requires a detailed analysis from the point of view of practical philosophy in solving the problem of the nature and the need for moral biological improvement. The latter bears the metaphorical name “human editing” and is focused in the field of philosophical problems of biology and medicine, which implicitly implies the relationship between the empirical and the theoretical. Paying attention to the procedural-phenomenological nature of this type of activity, the thought turns to the consideration of the features of transdisciplinarity experience, its foundations, ways of substantiating and validating the results obtained, taking into account primordial reflexive duality of a human, who is able to creatively combine the subjective and objective forms of mental activity, value and semantic meanings with material and objective representation in relations to oneself and external nature. Semiosis of material transformation of human activity fixes sign systems framed by extrema, in which autopoiesis and auto-correction of a person unfolds. The procreative significance of sign systems’ evolution is expressed in the phase transition from the creation of things by man to a critical juncture between the automated creation of things by things and the creation of man by man using artificial procreative technologies, including genome modification. Thepoesisof the transdisciplinary experience of human editing renews the modality of the included third, opening the loop of the fractal replication of binary oppositions by variations of personal

Л.П. Киященко
Прокреативный
тезаурус вещи
в дискурсе ре-
дактирования
человека

- Kiyahchenko L.P., Moiseev V.I. *Filosofiya transdistsiplinarnosti* [Philosophy of Transdisciplinarity], Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy. Moscow: RAS Institute of Philosophy Publ., 2009.
- Кнабе Г. Язык бытовых вещей // Декоративное искусство. 1985. № 1.
Knabe G. Yazyk bytovykh veshchey [The Language of Casual Things]. *Dekorativnoye iskusstvo*. 1985. N 1.
- Корнев В.В. Понятие «вещь» // Изв. Алтай. гос. ун-та. 2003. Вып. 4. С. 73–78.
Korenev V.V. Ponyatie “veshch” [The Concept of “Thing”]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2003. Iss. 4. P. 73–78.
- Морен Э. К пропасти? / пер. с фр. Г. Наумовой. СПб.: Алетейя, 2011.
Morin E. *K propasti?* [French Kiss the Abyss?], transl. from French by G. Naumova. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2011.
- Неретина С.С. Философские одиночества / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФ РАН, 2008.
Neretina S.S. *Filosofskiye odinochestva* [Philosophical Loneliness], Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy. Moscow: RAS Institute of Philosophy Publ., 2008.
- Попова О.В. Редактирование человека как проблема биоэтики // Человек в глобальном мире: риски и перспективы. М.: Канон+, 2020. С. 248–255.
Popova O.V. Redaktirovaniye cheloveka kak problema bioetiki [Human Editing as a Problem of Bioethics]. *Chelovek v global'nom mire: riski i perspektivy* [Man in the Global World: Risks and Prospects]. Moscow: Kanon+ Publ., 2020. P. 248–255.
- Флюссер В. О положении вещей. Малая философия дизайна / пер с нем. Т. Зборовской. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
Flusser V. *O polozhenii veshchey. Malaya filosofiya dizayna* [The Shape Things. A Philosophy of Design], transl. from Germ. by T. Zborovskaya. Moscow: Ad Marginem Press Publ., 2016.
- Хен Ю.В. Евгенический проект: «pro» и «contra». М.: ИФ РАН, 2003.
Xen Yu.V. *Evgenicheskii proekt: “pro” i “contra”* [Eugenic Project: Pro and Contra]. Moscow: RAS Institute of Philosophy Publ., 2003.
- Шавиро С. Вселенная вещей // Логос. 2017. № 3.
Shaviro S. Vselennaya veshchey [The Universe of Things]. *Logos*. 2017. N 3.
- Эдмондс Д. Убили бы вы толстяка? Задача о вагонетке / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019.
Edmonds D. *Ubili by vy tolstyaka? Zadacha o vagonetke* [Would You Kill a Fat Man? The Trolley Problem], transl. from Engl. by D. Kralechkin. Moscow: Gaidar Institute Publ. House, 2019.
- Юдин Б.Г. Объяснение и понимание в научном познании // Вопр. философии. 1980. № 9. С. 57.
Yudin B.G. Ob’yasnenie i ponimanie v nauchnom poznanii [Explanation and Understanding in Scientific Knowledge]. *Voprosy filosofii*. 1980. N 9. P. 57.
- Balbo A., Rothe D., Scheffran J. The Anthropocene: An Opportunity for Transdisciplinary and Inclusive Science? *Climate Change, Security Risks and Violent Conflicts*, ed. by M. Brzoska, J. Scheffran. Hamburg: Hamburg Univ. Press, 2020.

Л.П. Киященко
Прокреативный
тезаурус вещи
в дискурсе ре-
дактирования
человека

- Bazhanov V.A., Kraeva A.G. The Phenomenon of Cognitive. *Liberal Arts in Russia*. 2016. Vol. 5, N 2. P. 91–107.
- Bostrom N., Roache R. Ethical Issues in Human Enhancement. *New Waves in Applied Ethics*, J. Ryberg, T. Petersen, C. Wolf (eds.). London: Palgrave Macmillan, 2008. P. 120–152.
- Czerniawski M. Human Enhancement and Values. *SSRN Electronic Journal*. 2010. Apr.
- Diaz P.G. The Philosophical Debate upon Human Enhancement and the Question of Public Interest. *Dilemata*. 2015. N 19. P. 65–82.
- Human Enhancement and the Future of Work. Report from a Joint Workshop Hosted by the Academy of Medical Sciences, the British Academy, the Royal Academy of Engineering and the Royal Society*. London. 2012. Nov.
- Kirchhoffer D. Human Dignity and Human Enhancement: A Multidimensional Approach. *Bioethics*. 2017. Vol. 31(5). P. 375–383.
- Racine E., Rubio T.M., Chandler J. et al. The Value and Pitfalls of Speculation About Science and Technology in Bioethics: The Case of Cognitive Enhancement. *Medicine, Health Care and Philosophy*. 2014. Vol. 17(3). P. 325–337.
- Sidorova T.A. Philosophical Analysis of Procreation in the Value Dimension. *Population and Economics*. 2020. Vol. 4(4). P. 57–66.

НЕЙРОХАКИНГ: ЭТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Введенская Елена Валерьевна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник. Центр научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям. Институт научной информации по общественным наукам РАН. Российская Федерация, 117418 Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21.
Доцент кафедры философии лечебного факультета. Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И Пирогова. Российская Федерация, 117997 Москва, ул. Островитянова, д. 1.
ORCID: 0000-0003-1100-0033
vvedenskaya.elena@gmail.com

Аннотация. Получивший распространение в настоящее время нейрохакинг является формой биохакинга, направленной на вмешательство в структуру или функцию нейронов для восстановления или улучшения работы мозга и ЦНС. Автор акцентирует внимание на проблемах применения методов нейрохакинга здоровыми людьми и на перспективах использования нейрохакинга в целях, отличных от медицины, рассматривая их с точки зрения нейроэтики. Отмечается, что нейротехнологии могут быть инструментами «двойного» назначения, то есть применяться не только для решения медицинских проблем, но и в других целях, в том числе злонамеренных. В статье рассматриваются два вида технологий нейрохакинга: инвазивный, основанный на хирургических вмешательствах с целью восстановления или улучшения функций организма, и неинвазивный, модифицирующий организм без таких вмешательств. Оба эти вида, первоначально разрабатываемые для медицинского применения, потенциально могут использоваться здоровыми людьми для улучшения и расширения когнитивных и сенситивных способностей.

Однако, стремясь к улучшению когнитивных способностей с помощью нейрохакинга, человек может сделать свой мозг уязвимым для манипуляций, подверженным внешнему контролю и управлению. Это грозит ему потерей свободы воли, конфиденциальности и личного достоинства. Бесконтрольное применение нейрохакинга представляет опасность не только для субъекта, его использующего, но и для социума. Расширение использования данных технологий может привести к непредсказуемым последствиям, вплоть до нового расслоения общества и социальной сегрегации. Глубокое вторжение в тонкие структуры мозга, влияющее на его способности, обостряет поиск ответов на вопрос о сущности сознания, а неизбежные экзистенциальные риски как для индивида, так и для человечества при неконтролируемом внедрении нейрохакинга требуют его эτικο-философского осмысления, оценки и регулирования.

Ключевые слова: биохакинг, нейроэтика, инвазивный нейрохакинг, неинвазивный нейрохакинг, улучшение, свобода воли, киборгизация, постчеловек, инструменты «двойного назначения», трансформация социума.

Ссылка для цитирования: Введенская Е.В. Нейрохакинг: эτικο-философские проблемы // Человек. 2022. Т. 33, № 1. С. 47–60. DOI: 10.31857/S023620070019074-8

Под термином “нейрохакинг” обычно понимают одну из форм биохакинга, направленную на вмешательство в структуру или функцию нейронов для восстановления или улучшения работы мозга и ЦНС. Методы нейрохакинга широко применяются в медицине для восстановления утраченных функций мозга. Они также используются здоровыми людьми для повышения своих когнитивных и сенситивных способностей. Второе применение в силу недостаточного медицинского мониторинга и изученности несет в себе риск для здоровья, в частности, риск уязвимости мозга для нежелательных на него воздействий. Особую опасность представляет возможность злонамеренного использования нейрохакинга в виде несанкционированного допуска к информации, связанной с мозгом [Lenca, Scheibner, 2020].

Свое внимание автор акцентирует на проблемах применения методов нейрохакинга здоровыми людьми и на перспективах его использования в целях, отличных от медицины, рассматривая их с точки зрения нейроэтики — одной из форм биоэтики, «исследующей то, что является правильным и неправильным, хорошим и плохим в рассмотрении и совершенствовании человеческого мозга или в нежелательном вторжении и тревожащем манипулировании им» [Marcus, 2002]. Здесь следует подчеркнуть, что «в нейроэтике

наиболее остро актуализируется вопрос об идентичности и психофизической целостности человека» [Сидорова, 2018: 81].

Нейрохакинг — это широкий зонтичный термин, который охватывает все, что включает в себя «манипулирование функцией или структурой мозга для улучшения восприятия окружающего мира», — считает американский нейробиолог Д. Вон [Pandika, 2019]. Основной целью нейрохакинга является достижение и сохранение оптимального психического здоровья с помощью влияния на эмоциональную сферу, мышление, восприятие и реакции человека. Нейрохакинг также может быть направлен на усиление когнитивных и сенситивных способностей. Нейрохакинг особенно востребован в современном обществе потребления, в котором основными доминантами являются социальный успех и конкурентное преимущество. «Сегодня, — свидетельствует французский философ Ж. Бодрийяр, — здоровье является не столько биологическим императивом, продиктованным необходимостью выживания, сколько социальным императивом, продиктованным борьбой за “статус”» [Бодрийяр, 2006: 180]. Широкое использование методов нейрохакинга может быть результатом растущих «требований к когнитивному функционированию» нашего «сложного информационного общества» [Dresler, Sandlberg, Bublitz, 2019: 1137].

Нейрохакинг имеет две основные области применения: терапия психических, соматических заболеваний и улучшение когнитивных, сенситивных способностей и возможностей здорового человека, в которых используются инвазивные и неинвазивные методы [Teunisse, Youssef, Schmidt, 2019: 361–372]. К инвазивному нейрохакингу относятся основанные на хирургических вмешательствах технологии нейростимуляции, которые позволяют заменять или увеличивать функции организма (имплантаты, протезы). Неинвазивный нейрохакинг подразумевает использование технологий, которые модифицируют организм без таких вмешательств (определенный тип питания и комплекс физических упражнений, медитация, самогипноз, снижение когнитивной нагрузки, средства психофармакологии, транскраниальная электростимуляция мозга).

Возможности и риски неинвазивного нейрохакинга

Одним из первых методов неинвазивного нейрохакинга было применение химических нейростимуляторов для улучшения когнитивных способностей, внимания, скорости обучения и повышения

Е.В. Введенская
Нейрохакинг:
этико-философские
проблемы

стрессоустойчивости. Средства нейрофармакологии и, шире, психофармакологии позволяют людям не только восстановить нарушенные функции мозга, но и быстрее овладеть необходимыми для успешной социализации навыками и умениями. Следует отметить, что развитие нейрохакинга обусловило восприятие человеческого организма как в некотором роде сложной машины, в которой могут возникать отдельные неполадки, в том числе на нейропсихологическом уровне, которые могут быть исправлены посредством соответствующего фармацевтического препарата [Wróblewski, 2015: 97]. Так, немецкий философ Т. Метцингер, в частности, считает психофармакологическое «улучшение» человека неизбежным и признает благом расширение возможностей манипулирования с дизайном собственного «эго» [Метцингер, 2017: 4]. Аргументом в пользу этого может служить право индивида на «когнитивную свободу», являющуюся важным элементом автономии личности. «Когнитивная свобода» — это свобода определять для себя, что и как делать с собственным разумом, включая когнитивные улучшения, если мы их захотим» [Bostrom, Roache, 2010]. Однако широкое распространение нейроулучшений неизбежно вызовет вопросы об их легитимации. В случае государственного одобрения программ нейрохакинга в целях здравоохранения может возникнуть угроза принудительного применения нейротехнологий, ограничивающего автономию индивида. Опасность здесь будет заключаться в том, что уважение автономии одних может оказать давление на автономию других [Maslen, Faulmüller, Savulescu, 2014]. Указанная выше опасность является одной из центральных в дискуссии о моральном биоулучшении. Как пишет современный исследователь Р.Р. Беялетдинов, «моральное биоулучшение проблематизирует автономию и, по сути, может рассматриваться как биотехнологический патернализм» [Беялетдинов, 2019: 266].

Известно, что разработанные первоначально в психиатрии нотропы для лечения нейродегенеративных заболеваний, нарушений мозгового кровообращения, а также синдрома дефицита внимания и гиперактивности у детей со временем стали применяться для других целей. Так, например, во время Второй мировой войны США и Великобритания снабжали своих военнослужащих амфетамином в качестве средства, поддерживающего боевой дух. Средство было рекомендовано для повседневного использования в авиации, в качестве общего медицинского средства и в наборах для оказания неотложной помощи. С этой же целью немецкие и японские солдаты использовали метамфетамин [Rasmussen, 2008: 975].

В отличие от психологических техник управления эмоциями (страх, гнев, печаль, стыд), включающих медитацию и самогипноз,

использование ноотропных средств психофармакологии для целей нейрохакинга может рассматриваться как более легкий путь, не требующий собственных усилий для достижения сознательного контроля над мыслительными, эмоциональными и психическими процессами. Однако существует опасность, что легко достижимый эффект нейроулучшений приведет к снижению персональной агентности, поскольку подорвет потребность в реальных усилиях. Связь между субъективным опытом и нашими действиями в мире будет разрушена, в результате чего человеческая жизнь утратит ценность, достигаемую в процессе стремления к цели [Kass, 2003].

Людям, страдающим психическими и психологическими расстройствами, врачи часто назначают прием ноотропов и антидепрессантов с лечебной целью. Однако в современном западном обществе данные препараты принимает и высокий процент здоровых людей. Например, в США доля пациентов, которые использовали антидепрессанты, выросла с 37 до 75% в период с 1987 по 2007 год, при том что доля тех, кто пользовался услугами психотерапевтов, сократилась за это время с 71 до 43% [Park, Ahn, 2013: 363]. К. Либ, директор психиатрической клиники медицинского университета Майнца, говорит о зыбкой границе между необходимой терапией и «косметической» психофармакологией, что ставит множество вопросов этико-философского характера [Lieb, 2010]. Должна ли медицина улучшать когнитивные способности здоровых людей, усиливать или подавлять их эмоции? Нужен ли здоровым людям такого рода допинг и не станут ли они зависимыми от средств психофармакологии? Не способствует ли очевидное злоупотребление этими средствами размыванию границы между нормой и патологией в психической жизни индивида? В конце концов ставятся под вопрос сами базовые представления о личности человека.

Бесконтрольное употребление ноотропов может вызвать негативные эффекты. Сложная химическая система сигналов, ферментов, белков, ответственных за формирование сознания, памяти, восприятия и эмоций, работает и балансирует на основе саморегуляции, пока этот тонкий баланс не нарушается, в результате чего возникает то или иное заболевание или психическое расстройство. Применение различных нейростимуляторов может нарушить систему саморегуляции и привести к непредсказуемым последствиям. Как отмечает К. Либ, препараты, стимулирующие дофаминовые рецепторы, даже при краткосрочном приеме могут вызывать агрессивность. При длительном же приеме таких препаратов человек теряет способность контролировать агрессивные импульсы, у него могут возникнуть мания и психозы, что делает

его социально опасным. Таким образом, очевиден риск того, что человек может стать не просто «энергетической машиной», но еще и «непредсказуемой энергетической машиной» [Lieb, 2010].

Транскраниальную стимуляцию головного мозга постоянным током (TDCS), более 30 лет используемую для лечения депрессии, хронической боли, болезни Альцгеймера, обсессивно-компульсивного и других расстройств, начали применять на здоровых людях в 2000-х годах. Первыми электростимуляцией стали использовать американские военные в целях ускорения обучения пехотинцев и пилотов на видеосимуляторах. TDCS фронтальной коры увеличила скорость обучения людей более чем в два раза [Cruse, 2008]. Затем электростимуляцией стали успешно применять для улучшения других когнитивных функций здоровых людей, в том числе концентрации внимания, рабочей памяти, реакции и моторного обучения. Пользователи сообщали, что при использовании TDCS они испытывали повышенную легкость, меньше отвлекающих факторов и уменьшение количества «фоновых» мыслей [Adee, 2012]. Электростимуляция считается более безопасным методом, чем психофармакологические препараты, однако и здесь существует опасность того, что неправильное наложение электродов может привести к долговременному повреждению нейронов [Stagg, Nitsche, 2011]. Несмотря на относительную безопасность электростимуляции, ученые обеспокоены тем, что все большее количество людей будут использовать ее самостоятельно, и предостерегают от злоупотребления этим методом, так как отдаленные последствия не известны.

В отношении применения в целях нейрохакинга транскраниальной стимуляции мозга существуют не только проблемы безопасности данного метода, но и этические проблемы, связанные с искусственно создаваемым неравенством положения людей. Так, например, применение TDCS спортсменами в интеллектуальных видах спорта, как и средств психофармакологии для усиления когнитивных способностей, в настоящее время не регулируется. Хотя кодекс Всемирного антидопингового агентства (ВАДА) 2015 года запрещает вещества или методы, которые улучшают спортивные результаты и представляют риск для здоровья спортсменов, в отношении вышеупомянутых средств ВАДА до сих пор не опубликовало заявления о том, следует ли их считать веществами или методами, улучшающими спортивные результаты. Между тем очевидно, что использование, например, шахматистами, этих методов, может приводить к улучшению спортивных результатов.

Проблема неравенства в связи с распространением технологий нейрохакинга становится наиболее актуальной в социальном отношении, поскольку применение таких технологий привлекает

население, но остается малодоступным в связи с высокой их стоимостью. Это может привести к дискриминации людей, не имеющих возможности расширить свои когнитивные способности, и, как следствие, к социальной сегрегации [Academy of Medical Sciences, 2012: 44]. Так, авторы доклада Национального совета по разведке США «Глобальные тренды — 2030» заявляют: «Через 10–15 лет технологии расширения человеческих возможностей будут доступны только тем, кто сможет за них заплатить. Это повлечет за собой построение двухуровневого общества, и неизбежно возникнут морально-этические проблемы» [Global Trends 2030: Alternative Worlds, 2012].

Говоря о неинвазивных нейротехнологиях, нельзя не упомянуть о проблеме манипуляции человеком. В качестве наглядного примера можно привести эксперимент Г. Гейджа, соучредителя нейробиологической компании Backyard Brains, продемонстрированный им на конференции TED [Gage, 2015]. Суть данного эксперимента заключалась в том, что один человек, с помощью планшета и электродов подключенный к испытуемому, мог управлять движением его конечностей. Использование данной нейротехнологии и дальнейшее ее развитие могут привести к возможности манипулирования одного человека другим и ограничению свободы воли у манипулируемого, что подрывает экзистенциальные основы бытия человека.

С экзистенциальными рисками для человека также связана одна из последних разработок в области неинвазивного нейрохакинга, гарнитура AlterEgo, позволяющая субъекту управлять компьютером без использования голоса, силой мысли. Гарнитура реагирует на электрические импульсы в мышцах и нервах гортани, челюстей и языка. Когда пользователь воображает, как он произносит команду, набор электродов считывает импульсы, а нейросеть расшифровывает фразу. Таким образом, данное устройство обладает телепатическими возможностями и способно читать «слова в голове» человека. Ответ от ПК передается тоже беззвучно, через вибрации костей черепа. С AlterEgo можно будет вступать в диалог, поскольку она сможет отвечать, используя Siri или Google. Изобретение сможет расширить границы человеческого сознания, объединив человека и машину. Эффект, по словам разработчиков, подобен «интернету в мозгу» [Lagorio-Chafkin, 2018]. Очевидно, что применение данного устройства выходит за рамки лишь медицинской или терапевтической области. Создание данного устройства является прорывом в области нейротехнологии и гипотетически может привести к появлению «машины для чтения мыслей», возможности манипулирования личностью и тотального контроля над ней. И хотя создатели AlterEgo утверждают, что

Е.В. Введенская
Нейрохакинг:
этико-философские проблемы

в прямом смысле слова их устройство не может читать мысли, так как они осознанно создали систему, исключающую недобровольную коммуникацию, но где гарантия того, что другие разработчики последуют их примеру?

Перспективы и опасности инвазивного нейрохакинга

Инвазивные методы стимуляции мозговой деятельности, применявшиеся в медицине с 1960-х годов для восстановления утраченных функций органов чувств, таких как слух и зрение, в наше время начинают использоваться для улучшения естественных возможностей этих органов. Так, известна история Нила Харбиссона, страдавшего врожденным редким заболеванием — ахроматопсией, из-за которого он мог видеть мир только в черно-белых тонах. В 2004 году ему была встроена в череп антенна, переводящая цвета в звуки, которые он слышит благодаря костной проводимости. Данное устройство частично восстанавливает его цветное зрение, а также позволяет ему «слышать» инфракрасный и ультрафиолетовый цвет [Jeffries, Harbisson, 2014], что недоступно восприятию обычного человека. В качестве другого примера наделения человека несвойственными ему восприятиями можно привести художницу Мун Рибас, которая использует имплантаты, связанные с онлайн-новыми сейсмографами, которые дают ей дополнительные ощущения, позволяя «видеть» движение за спиной и чувствовать землетрясения во всем мире [CNN, 2018].

Расширение применения данных технологий нейрохакинга способно приблизить наступление эпохи киборгов, когда человеческая биология может быть взломана по желанию, чтобы получить существ со способностями, превосходящими их естественные возможности. Здесь возникает вопрос: до каких пределов киборгизации субъект остается человеком? Очевидно, создание симбиоза человека и техники увеличивает риск потери человеческого естества, приводит к изменению сущности человека, включению в нее не только биосоциальной, но и технической составляющей. Как справедливо заметил Э. Фромм, «наша совесть должна пробудиться от сознания того, что чем больше мы превращаемся в сверхлюдей, тем бесчеловечнее мы становимся» [Фромм, 1998: 189].

К инвазивным методам нейрохакинга относится разработанный И. Маском Neuralink — имплантируемый мозговой интерфейс для людей, соединяющий мозг и искусственный интеллект (ИИ) [Musk, 2019]. Neuralink представляет собой вживленные

через 8-миллиметровое отверстие в черепе провода и электроды, сигналы от которых принимает расположенный за ухом небольшой блок, передающий данные на компьютер. Основная цель создания этого интерфейса — излечение людей с неврологическими расстройствами. Потенциально Neuralink может быть использован здоровыми людьми для расширения естественного интеллекта за счет интеграции с ИИ. И снова возникает вопрос: не приведет ли это к ограничению человека, выработав у него зависимость от искусственных заменителей интеллекта, что мы видим уже сейчас на примере использования информации из Интернета в качестве запасного блока памяти и знаний. Как точно заметил Ж. Бодрийяр, «доверить свой интеллект машине — значит освободиться от всякой претензии на знание» [Бодрийяр, 2000: 76].

По мнению С. Шнайдер, исследовательницы из университета Флориды, интеграция ИИ и естественного интеллекта опасна и даже может привести к случайному самоубийству, в случае если будет создана копия мозга человека, которая в определенный момент заменит биологический мозг [Schneider, 2019]. В этот момент произойдет, по ее мнению, «утечка мозгов», что может означать смерть биологического «Я». В связи с этим Шнайдер задается закономерными вопросами: что является истинным «Я» — биологический мозг или его идеальная копия, и где будет находиться оригинальное сознание в момент удаления биологического мозга.

Бесконтрольное вторжение в тонкие структуры мозга требует поиска ответов на философские вопросы о сущности нашего сознания, воспоминаний и когнитивного опыта. Эти вопросы стали наиболее актуальными в связи с проведенными в последние годы опытами по имплантации фальшивых воспоминаний крысам и птицам. Так, в результате этих опытов крысы запоминали внедренную им информацию о рычаге, выдающем лакомство [Deadwyler, Berger, Sweatt et al., 2013], а птицы, благодаря оптогенетической манипуляции, научились петь песню, которой их обычно обучают родители [Zhao, Garcia-Oscos, Dinh et al., 2019].

Подобные технологии нейрохакинга, если они будут применены к человеку, очевидно, приведут к реальной опасности манипулирования поведением человека с помощью имплантации фальшивых воспоминаний, стирания воспоминаний и считывания мыслей. Стремление к улучшению когнитивных и сенситивных способностей с помощью нейрохакинга может сделать мозг человека уязвимым для внешнего контроля и управления им, что грозит потерей свободы воли, конфиденциальности и личного достоинства. Таким образом, традиционное представление о человеке как субъекте свободной воли и ответственности изменяется, в связи с чем возникает вопрос о «норме» допустимого вторжения

в мозг человека. При этом нельзя не учитывать тот факт, что нейротехнологии могут быть инструментами «двойного назначения», то есть применяться как в медицинских целях, так и в иных, в частности, военных. Как пишет Т. Рекварт, «прикрепленные к мозговой ткани компьютерные системы, которые позволяют парализованному пациенту силой мысли управлять роботизированными придатками, можно также использовать для управления бионическими солдатами и пилотируемыми летательными аппаратами. А те устройства, которые поддерживают дряхлеющий мозг, можно применять для внушения новых воспоминаний или удаления существующих — как у союзников, так и у врагов» [Рекварт, 2015].

Под сомнение ставится гуманизм современного общества, в котором видны тенденции достижения социального успеха и конкурентного преимущества с помощью искусственной модификации природы человека, подрывающей ценность его естественного существа. Биотехнологическое неравенство в еще большей степени увеличит социальное неравенство, приведет к еще большей дискриминации людей и расслоению общества. Об опасности таких проектов биотехнологической переделки человека предупреждает известный биоэтик Б.Г. Юдин: «Даже учитывая все многочисленные несовершенства рода человеческого, мы тем не менее должны с чрезвычайной осторожностью относиться к проектам его биотехнологической переделки. Представляется, что в той мере, в какой мы считаем, что природа человека есть ценность, что она требует защиты, мы остаемся на позициях гуманизма. Если же мы считаем, что высшей ценностью являются сами по себе долголетие, либо здоровье, либо физические, психические и интеллектуальные свойства, во имя которых можно переделывать человека, создавая постчеловека, то мы оказываемся ближе не к гуманизму, а к антигуманизму» [Юдин, 2018: 354].

О «новом образе улучшенного человечества» говорит Метцингер: «Мы решительно повысим свою независимость, взяв контроль над сознательным мозгом, исследуя его глубочайшие уровни». Однако, считает он, если мы не найдем способа разумно и ответственно подходить к возможностям нейротехнологии, «мы столкнемся с беспрецедентным в истории риском» [Метцингер, 2017: 420].

* * *

Проведенный анализ использования нейрохакинга в разных целях позволяет сделать следующие выводы.

Разработанные первоначально для медицинского применения инвазивные и неинвазивные технологии нейрохакинга имеют

потенциальную возможность использования здоровыми людьми. Нейротехнологии могут быть инструментами «двойного» назначения», то есть применяться не только для решения медицинских проблем, но и в других целях, в том числе злонамеренных.

Бесконтрольное использование методов нейрохакинга в целях улучшения когнитивных способностей и эмоциональной сферы человека, по мнению специалистов, может представлять опасность для его здоровья, в частности, чрезмерная электростимуляция головного мозга постоянным током (TDCS). Определенные разработки (гарнитура AlterEgo, устройство, обеспечивающее удаленное управление конечностями и др.) связаны с экзистенциальными рисками для человека, так как потенциально могут использоваться для манипулирования личностью и контроля над ней, что грозит ограничением свободы воли, конфиденциальности и личного достоинства человека. В связи с этим особенно актуальным становится вопрос о «норме» допустимого вторжения в мозг человека и «норме» допустимого улучшения его способностей.

Использование технологий нейрохакинга, выходящее за пределы медицинского применения, может привести к трансформации социума и его дегуманизации. В связи с высокой стоимостью многих нейротехнологий они станут доступными лишь обеспеченной части общества. Это приведет к дискриминации людей, не имеющих возможности расширить свои когнитивные и сенситивные способности, и, как следствие, к социальной сегрегации. В случае государственного одобрения программ нейрохакинга в целях здравоохранения может возникнуть угроза принудительного применения нейротехнологий, ограничивающего автономию индивида.

Учитывая большой потенциал воздействия методов нейрохакинга на индивида и общество, целесообразно выработать единые критерии их оценки с точки зрения нейроэтики, а также разработать меры их строгого регулирования с целью нивелирования экзистенциальных рисков для человека и человечества.

Neurohacking: Ethical and Philosophical Problems

Elena V. Vvedenskaya

PhD in Philosophy, Leading Researcher. Center for Scientific and Information Research on Science, Education and Technology INION RAS. 51/21 Nakhimovsky Prospekt, Moscow 117418, Russian Federation. Associate Professor of the Department of Philosophy, Faculty of Medicine, Pirogov RNIMU.

1 Ostrovityanova Str., Moscow 117997, Russian Federation.

ORCID: 0000-0003-1100-0033

vvedenskaya.elena@gmail.com.

Е.В. Введенская
Нейрохакинг:
этико-философские проблемы

Abstract. Neurohacking is a form of biohacking that aims to interfere with the structure or function of neurons to restore or improve the functioning of the brain and the central nervous system. The author focuses on the problems of using neurohacking methods by healthy people and on the prospects of using neurohacking for purposes other than medicine, considering them from the point of view of neuroethics. It is noted that neurotechnologies can be “dual-purpose” tools, that is, they can be used not only to solve medical problems, but also for other purposes, including malicious ones. The article discusses two types of neurohacking technologies: invasive, based on surgical interventions to restore or improve the functions of the body, and non-invasive, modifying the body without such interventions. Both of these types, originally developed for medical use, have the potential to be used by healthy people to improve and expand cognitive and sensory abilities. However, by seeking to improve cognitive abilities through neurohacking, a person can make their brain vulnerable to manipulation, subject to external control and management. This threatens him with the loss of free will, privacy and personal dignity. Uncontrolled use of neurohacking is dangerous not only for the subject who uses it, but also for society. The increased use of these technologies can lead to unpredictable consequences, including a new stratification of society and social segregation. A deep intrusion into the subtle structures of the brain, affecting its cognitive and sensitive abilities, sharpens the search for answers to the question of the essence of consciousness, and the inevitable existential risks for both the individual and humanity with the uncontrolled introduction of neurohacking require its ethical and philosophical understanding, evaluation and regulation.

Keywords: biohacking, neuroethics, invasive neurohacking, noninvasive neurohacking, enhancement, free will, cyborgization, posthuman, “dual-use” tools, transformation of society.

For citation: Vvedenskaya E.V. Neurohacking: Ethical and Philosophical Problems // *Chelovek*. 2022. Vol. 33, N 1. P. 47–60. DOI: 10.31857/S023620070019074-8

Литература/ References

Белялетдинов Р.Р. Моральное биоулучшение и автономия: риск визуализации блага // ПРАЭНМА. 2019. № 4. С. 254–267.

Belyaletdinov R.R. *Moral'noe biouluchshenie i avtonomiya: risk vizualizacii blag*. [Moral bioenhancement and autonomy: the risk of visualized good]. Praksema. 2019. № 4. S. 254–267.

Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр. Е.А. Самарской. М.: Культурная революция; Республика, 2006. С. 180.

Bodriyyar Zh. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury*. [Consumer society. Its myths and structures]. Transl. from French by E.A. Samarskoj. Moscow: Kul'turnaya revolyuciya; Respublika Publ., 2006.

Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. С. 76.

Bodriyyar Zh. *Prozrachnost' zla*. [The transparency of evil] Moscow: Dobrosvet Publ., 2000.

- Метцингер Т. Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель эго / пер. с англ. Г. Соловьевой. М.: АСТ, 2017. С. 420.
- Metcinger T. *Nauka o mozge i mif o svoem YA. Tonnel' ego*. [The Ego Tunnel: The Science of the Mind and The Myth of the Self]. Transl. from Engl. by G. Solov'eva. Moskow: AST Publ., 2017.
- Рекварт Т. Вот ваш мозг. А вот ваш мозг как оружие // Foreign Policy. 2015. URL: <https://inosmi.ru/world/20150922/230398000.html> (дата обращения: 20.06.2021).
- Rekvar't T. *Vot vash mozg. A vot vash mozg kak oruzhie*. [This Is Your Brain. This Is Your Brain as a Weapon]. Foreign Policy, 2015. URL: <https://inosmi.ru/world/20150922/230398000.html> (date of access: 20.06.2021).
- Сидорова Т.А. Нейроэтика между этикой и моралью // Идеи и Идеалы. 2018. № 2(36). С. 81.
- Sidorova T.A. *Nejroetika mezhdru etikoj i moral'yu*. [Neuroethics between Ethics and Morality]. *Idei i Idealy*. 2018. N 2(36), T. 1.
- Фромм Э. Психоанализ и религия; Искусство любить: Иметь или быть? Киев: Ника-Центр, 1998. С. 189.
- Fromm E. *Psihoanaliz i religiya; Iskustvo lyubit'; Imet' ili byt'?* [Psychoanalysis and religion; The art of loving; To have or to be?]. Transl. from Engl. Kiev: Nika-Centr Publ., 1998.
- Юдин Б.Г. Трансгуманизм: сверхгуманизм или антигуманизм? // Человек: выход за пределы. М.: Прогресс, 2018. С. 354.
- Yudin B.G. *Transgumanizm: sverhgumaniazm ili antigumanizm?* [Transhumanism: superhumanism or antihumanism?] *Chelovek: vyhod za predely*. The Human Being: Transcending the Limits. Moskow: Progress Publ., 2018.
- Academy of Medical Sciences. "Human Enhancement and the Future of Work: Report from a joint workshop hosted by the Academy of Medical Sciences, the British Academy, the Royal Academy of Engineering and the Royal Society". London: Academy of Medical Sciences, 2012.
- Adee S. Zap your brain into the zone: Fast track to pure focus. *New Scientist*. 2012, February 1.
- Bostrom N., Roache R. "Smart Policy: Cognitive Enhancement and the Public Interest". *Contemporary Readings in Law and Social Justice*. 2010. Vol. 2, N 1. P. 68–84.
- CNN. Moon Ribas: The cyborg dancer who can detect earthquakes. 2018. URL: <https://edition.cnn.com/style/article/moon-ribas-cyborg-smart-creativity/index.html> (date of access: 20.06.2021).
- Cruse A. Operational Neuroscience // *Intelligence Community forum*. 2008. URL: <https://ndiastorage.blob.core.usgovcloudapi.net/ndia/2008/intell/kruse.pdf> (date of access: 20.06.2021).
- Deadwyler S., Berger T., Sweatt A. et al. Donor/recipient enhancement of memory in rat hippocampus. *Frontiers in Systems Neuroscience*. 2013. Vol. 7.
- Dresler M., Sandlberg A., Bublitz C. et al. Hacking the brain: Dimensions of cognitive enhancement. *ACS Chemical Neuroscience*. 2019. Vol. 10, N 3. P. 1137–1148.
- Gage G. How to control someone else's arm with your brain. 2015. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=312&v=rSQNi5sAwuc (date of access: 20.06.2021).

Е.В. Введенская
Нейрохакинг:
этико-философские проблемы

■■■■■■■■■■■
**НАУЧНЫЕ
 ИССЛЕДОВАНИЯ**
 ■■■■■■■■■■

- Global Trends 2030: Alternative Worlds*. December 2012. NIC 2012-001. URL: <https://info.publicintelligence.net> (date of access: 20.06.2021).
- Jeffries S., Harbisson N. The world's first cyborg artist. 2014. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/artanddesign/2014/may/06/neil-harbisson-worlds-first-cyborg-artist> (date of access: 20.06.2021).
- Kass L. "Beyond Therapy: Biotechnology and the Pursuit of Human Improvement", *President's Council on Bioethics*. Washington, DC, 2003.
- Lagorio-Chafkin C. Computers Can't Read Minds Yet, but This Headset Developed by MIT Researchers Is Getting Close. *Elsevier Inc*. 2018. URL: <https://www.inc.com/christine-lagorio/computers-cant-read-minds-yet-but-this-headset-developed-by-mit-researchers-is-getting-close.html> (date of access: 20.06.2021).
- Lenca M., Scheibner J. What is neurohacking? Defining the conceptual, ethical and legal boundaries. *Developments in neuroethics and bioethics*. Elsevier Inc., 2020.
- Lieb K. «Hirndoping». Warum wir nicht alles schlucken sollten. *Artemis & Winkler Verlag*. 2010. S. 132–156.
- Marcus S. (ed.). *Neuroethics: Mapping the Field*, 1st ed. New York: Dana Press. 2002.
- Maslen H., Faulmüller N., Savulescu J. Pharmacological Cognitive Enhancement — how Neuroscientific Research Could Advance Ethical Debate. *Frontiers in Systems Neuroscience*. 2014. Vol. 8.
- Musk E. An integrated brain machine interface platform with thousands of channels. *Journal of Medical Internet Research*. 2019. Vol. 21, N 10. URL: <https://www.jmir.org/2019/10/e16194/> (date of access: 20.06.2021).
- Pandika M. What is neurohacking and can it actually rewire your brain? 2019. URL: <https://www.mic.com/p/what-is-neurohacking-can-it-actually-rewire-your-brain-18496733> (date of access: 20.06.2021).
- Park J.S., Ahn H.-Y. Direct-to-Consumer (DTC) Antidepressant Advertising and Consumer Misperceptions about the Chemical Imbalance Theory of Depression: The Moderating Role of Skepticism. *Health Marketing Quarterly*. 2013. Vol. 30. P. 362–378.
- Rasmussen N. Americas first amphetamine epidemic 1929–1971. *American Journal of Public Health*. 2008. Vol. 98, N 6. P. 974–985.
- Schneider S. Merging with AI would be suicide for the human mind. *The Financial Times*. 2019. URL: <https://www.ft.com/content/0c4fac58-bd15-11e9-9381-78bab8a70848> (date of access: 20.06.2021).
- Stagg C.J., Nitsche M.A. Physiological basis of transcranial direct current stimulation. *The Neuroscientist*. 2011. Vol. 17, N 1. P. 37–53.
- Teunisse W., Youssef S., Schmidt M. Human enhancement through the lens of experimental and speculative neurotechnologies. *Human Behavior and Emerging Technologies published by Wiley Periodicals, Inc*. Vol. 1, N 4. Special Issue: Emerging technologies, Emerging Risks: Current Approaches on the Future Risks of Human Enhancement Technologies. October 2019. P. 361–372.
- Wróblewski M. The DSM as a Moving Laboratory: The Role of the Diagnostic Manual in the Stabilizing and Objectivization of Pharmaceutical Reason. *Polish Sociological Review*. 2015. Vol. 189, N 1. P. 85–106.
- Zhao W., Garcia-Oscos F., Dinh D., Roberts T. Inception of memories that guide vocal learning in the songbird. *Science*. 2019. Vol. 366, N 6461. P. 83–89.

НАШЕ БЕСЧЕЛОВЕЧНОЕ БУДУЩЕЕ, ИЛИ УЛОВКА ТРАНСГУМАНИЗМА

Смирнов Сергей Алевтинович — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук. Главный редактор альманаха «Человек.RU». Российская Федерация, 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8.
ORCID: 0000-0002-2023-8855
smirnoff1955@yandex.ru

Аннотация. В статье дается анализ концепции постчеловека, предлагаемой в рамках идеологии трансгуманизма. Автор показывает, как в рамках этого концепта выстраиваются базовые схемы редукции человека, в силу чего человек может быть выведен из социально-культурной реальности как сущее и заменен особым существом — постчеловеком. Показано, что именно в силу базовых онтологических и концептуальных редукций возникает соблазн подмены человека новым сущим, более совершенным и почти бессмертным. В статье приводятся примеры названных редукций, такие, как: редукция человека как сущего до его биологического тела; редукция существования человека к существованию отдельных биологических тел; редукция мышления человека к интеллектуальным операциям и функциям, которые в принципе могут быть смоделированы и пересажены в техническое устройство; редукция высших способностей человека (мышления, воли, воображения, памяти, чувства) к функциональным операциям, происходящим в мозге,

Работа написана в рамках грантового проекта «Человек и новый технологический уклад. Антропологический форсайт» при поддержке Российского научного фонда (проект № 21-18-00103).

локализованных там, вследствие чего их можно вычлениить, описать, смоделировать и далее модель пересадить на искусственного носителя, получив искусственный интеллект. Автор предлагает выработать ответ на этот вызов, связанный с заменой человека, обращая внимание на необходимость так называемой антропологической альтернативы. Последняя заключается, в том числе, в выстраивании новой концептуальной модели, в ядро которой вставлена уже известная базовая схема опосредования, выработанная в рамках отечественной культурно-исторической психологии и антропологии. Благодаря этой схеме опосредования вполне реально разработать на новой основе человеко-знаково-машинную модель, с помощью которой возможно выстраивание новых культурных практик развития и формирования личности человека.

Ключевые слова: трансгуманизм, антропология, человек, постчеловек, будущее человека, искусственный интеллект, естественное и искусственное.

Ссылка для цитирования: Смирнов С.А. Наше бесчеловечное будущее, или Уловка трансгуманизма // Человек. 2022. Т. 33, № 1. С. 61–79. DOI: 10.31857/S023620070019075-9

Данная работа посвящена обсуждению некоторых антропологических идей, отстаиваемых наиболее радикальными представителями такого весьма пестрого и неоднозначного движения, как трансгуманизм.

Поводом к разговору послужило их предложение отказаться в принципе от ставших уже традиционными подходов в мировой антропологической мысли, в которых человек представлен через такие базовые качества, как мышление, нравственная основа, личность, ответственность за поступок. Вместо такого понимания человек представляется как некое биоидное существо. Например, Мартин Ротблатт, трансгендер, в своей концепции трансбиманизма настаивает, что человек состоит из неких бимов (Beme), единиц жизненных практик (отдельная привычка, отдельное воспоминание, черта характера, ценность и т. д.), из которых человека можно составить, как из кубиков [Мартина Ротблатт, 2016]. Каждый бим (как и в целом человека, его сознание) можно оцифровать, и далее составлять человека в разных конфигурациях. Получается нечто вроде матрицы, которую по шагам можно смоделировать и тиражировать. Эта матрица держалась ранее на привычных человеческих телах и человеческом сознании. Теперь же последнее не является необходимым свойством человека. Эту матрицу, то есть набор бимов, можно

оторвать от привычных носителей, людей, и перенести на другого носителя.

Методолог Г.П. Щедровицкий еще в доцифровую эпоху утверждал, что мышление мыслит, а не человек. Оно как бы паразитирует на людях, и, будучи субстанцией, может «сидеть» и на «железках» или других носителях [Щедровицкий, 1997: 561]. Щедровицкий рассматривал мышление как субстанцию, развивающуюся по своим законам, в духе В. фон Гумбольдта, писавшего о языке как о субстанции. Однажды при определенном личном усилии человека язык, как и мышление, может «сесть» на него и через него заговорить. Тем самым мы по привычке утверждаем, что человек заговорил или начал мыслить.

Л.С. Выготский уточнил: все же не мышление мыслит, мыслит человек. Но какой? [Выготский, 1986: 58–59]. Он и многие другие полагали, что мыслит, конечно, не отдельный индивид, но и не субстанция, а тот субъект, который формируется в человеке в силу прodelьвания им определенного опыта культурного развития, опыта практик заботы о себе, с помощью которых в человеке выстраивается и надстраивается личностная структура, дающая возможность человеку мыслить и чувствовать. В нем формируются так называемые новые «функциональные органы».

Идея, согласно которой мышление как субстанция однажды, при определенном условии, при совершении культурной, духовной работы и личностном усилии, может «сесть» на отдельного человека, становящегося субъектом мышления и действия, обернулась в свою противоположность. Субстанцию мышления в трансгуманизме подменили технической функциональной матрицей, которая насаживается на отдельного индивида и паразитирует на нем, а последний превращается в функцию, в узел этой матрицы. Но коль скоро человек становится функцией матрицы, то он в принципе заменим — технически более совершенной функциональной машиной, постчеловеком.

Подмена

Трансгуманизм в его радикальных проявлениях не нов, полагая, что человек, будучи смертным существом, в принципе заменим на более совершенное существо. Но в данном случае речь, скорее, идет о носителе сознания, функциональной матрице, имеющей определенный биологический и химический субстрат, состав которого можно менять — то есть менять носителя матрицы.

Главные недостатки человека трансгуманизм видит в его принципиальной субстратной ограниченности, незавершенности,

С.А. Смирнов
Наше бесчеловечное будущее, или Уловка трансгуманизма

несовершенстве (физическом, психосенсорном и проч.), в итоге — конечности, смертности [Турчин, Джослин, 1991; Bostrom, 2005; Bostrom, 2014]. Человек здесь сходен с «биологической машиной» Просвещения, только более технически усовершенствованной — человек есть «мясной костюм», управляемый электрическими сигналами мозга. Соответственно, преодоление человека требует изменений в теле и мозге, то есть в субстрате. Будут они достигнуты генетическими манипуляциями или протезами, или имплантатами — неважно. Трансгуманизм использовал давно известный тезис о несовершенстве и незавершенности человека и заменил его другим, тоже тезисом о незавершенности: предложил человека завершить, но только технически — умным техническим устройством, киборгом.

Согласно богатой культурной духовной традиции, полагалось, что человек, будучи несовершенным сущим, проделывает над собой духовную работу заботы о себе, в силу чего, благодаря опыту заботы, он как бы довершает себя, но посредством духовных практик, выстраивая на себе личностный душевный органон [Аванесов, 2016; Выготский, 1984; Смирнов, 2016; Фуко, 2007; Хайдеггер, 1993; Хоружий, 2013].

Но представители трансгуманизма выбрали иной путь размышления. Вольно или невольно, они совершают подмену: человек как сущее, в принципе, завершим, но сугубо технически, если его заменить умным техническим устройством, то есть постчеловеком. В такой логике подмены и рассматривается здесь будущее человека. Точнее, фактически будущее без человека¹.

Почему подобный прогноз оказался возможен? Он возможен потому, что сначала совершается концептуальная подмена: человек редуцируется до определенной модели, которая выглядит как вполне реальная. И затем делается вывод, что человек действительно принципиально заменим.

Такая редукция человека как сущего проделывается по ряду направлений:

- редукция человека как сущего до его биологического тела;
- редукция существования человека к существованию отдельных биологических тел;
- редукция мышления человека к интеллектуальным операциям и функциям, которые, в принципе, могут быть смоделированы и пересажены в техническое устройство;

¹ См. о различных сценариях будущего в рамках разных версий трансгуманизма [Хольм, 2016: 7].

— редукция высших способностей человека (мышления, воли, воображения, памяти, чувства) к функциональным операциям, происходящим в мозге, локализованных там, вследствие чего их можно вычлениить, описать, смоделировать и далее модель пересадить на искусственного носителя, получив искусственный интеллект.

Но главной редукцией выступает сведение бытия человека к существованию биоидного тела. Усилие быть всегда было для человека онтологической нормой. Так было записано во всех культурных кодах и традициях. Бытие выступало как онтологическая норма [Хайдеггер, 1993; Хоружий, 2013]. Забота о себе означала возделывание в себе того сущего, которое мыслит себя в бытии. Его, человека, заботой о самом себе должно быть постоянное «возвращение человека его существу», возвращение «отпавшего от своей сущности» человека ему самому, писал М. Хайдеггер [Хайдеггер, 1993: 195–196].

В этом смысле «человек в норме» для нас есть такое представление, согласно которому человек осуществляет полное онтологическое размыкание к бытию, он открыт ему, в силу чего создается базовое условие для развития его личностных качеств, таких, как нравственный этос, мышление, воля, память, воображение, чувственный мир, и тем самым он формируется согласно собственной идее человека, становясь смысловой опорой мира (см. о бытии как норме [Аванесов, 2016; Смирнов, 2016; Хоружий, 2013]).

С другой стороны, мы знаем, что он же, человек, другой своей частью, стремился к обратному — он стремился к отказу от бытия, к отказу мыслить и ответственно поступать. Если же человек отказывается от бытия как нормы, то он отказывается от себя как сущего в пользу иного существа, постчеловека. Человек «вне нормы» готов идти на отказ от бытия, он стремится редуцировать свое существование к онтической реальности, уже — к эмпирическому существованию «тела желания» с его биологическими потребностями, в пределе — это существование биоида, у которого работают лишь две функции — страх и удовольствие.

К концу XX века сложилась уникальная историческая ситуация, в которой сошлись вековые тренды и базовые установки человека. С одной стороны, желание (соблазн) человека не быть (или страх быть — обратное от «мужества быть», если вспомнить П. Тиллиха), с другой стороны — достижения техногенной цивилизации и появление умных технологий.

Вместо усилия быть, стремления стать, состояться, найти свое место в мире посредством духовной работы и заботы, человек испытывает соблазн довершить себя сугубо технически, тем самым оставить место иному, гибриднему существу. Страх смерти,

соблазн не быть и «умный гаджет» поставили человека в такой онтологический соблазн, что он его не выдержал, согласно логике трансгуманизма — он решил не быть.

Но тем самым, решившись на такую сделку-соблазн, он отказался и от самого себя. Но если так, то человек становится принципиально заменимым. Точнее, заменим не человек, выступающий смысловой опорой мира, а человек, страшась быть, желающий не быть, не совершать личных усилий, не совершать духовной работы. Именно такой человек оказался заменимым.

Лейтмотив трансгуманизма заключается в попытке совершить радикальную редукцию человека, сведя его к чистой индивидуальности, к особи, в результате чего он становится заменим как по частям, так и в целом на иное существо. В рамках этого тренда можно выделять более жесткие или более мягкие версии замены человека или выстраивание разных гибридных форм.

Возникает вопрос, ради чего человек должен быть заменен? Ради какой идеи? Ответ очевиден: ради достижения бессмертия². Но если ранее мы привыкли полагать, что смертность человека есть его удел, то с этим трансгуманизм уже не может согласиться. Он хочет преодолеть, точнее, уничтожить как страх Божий, так и страх смерти.

Налицо не просто замена человека постчеловеком, но главное — налицо смена самой антропологической стратегии — стратегии быть, построенной на личностном усилии, страдании, ответственности за себя и за мир. Быть человеком, совершать над собой духовную работу перестает быть онтологической нормой. Человека достаточно технически усовершенствовать, и он обретает кибернетическое бессмертие.

Итак, фактор смертности и фактор соблазна не быть впервые встретились с умным гаджетом и цифровыми технологиями. Человек, испытывавший всегда соблазн чудесным образом избежать смерти, наконец-то получает (как ему кажется) некий шанс (сугубо технологический) эту смерть победить, если он переселится в иное тело или в своего цифрового двойника. Для этого надо отказаться от духовных практик заботы, заменив их умными техническими функциями.

Заметим, что сама идея цифрового двойника возможна именно в рамках бихевиористской модели, в которой высшая психика человека заменена на стратегии поведения. Сначала человека представляют в категориях функциональной поведенческой модели, а потом для этой модели разрабатывается ее цифровой двойник.

² Правда, речь идет о кибернетическом бессмертии [Турчин, Джослин, 1991].

Это реально и это делается. Но акт мышления или акт веры смоделировать нельзя. Поэтому первоначально проводится радикальная антропологическая редукция: сведение человека к набору функций.

Следствием этой подмены становится и другое обстоятельство. В современных разработках, посвященных искусственному интеллекту, в интерфейс «человек–машина» включен не собственно человек, а уже его заменитель, его редуцированная модель, сконструированное функциональное устройство, в силу чего между человеком и машиной происходит перераспределение функций. В этом интерфейсе уже возможна замена человека умным техническим устройством.

Мыслящая личность не может быть пересажена ни в какое иное тело. Поэтому сначала ее надо редуцировать до набора функций и далее в виде редуцированной модели можно пересадить в иного носителя, в пределе — просто заменить. Ярким примером здесь выступают практики трансгендера. Его сторонники понимают разницу между мужчиной и женщиной сугубо в биологическом, натуральном смысле. Достаточно провести хирургическую операцию, и человек меняет гендер. Духовные и социальные проблемы фактически не обсуждаются.

Уловка и приманка заключается здесь в редукции смысла жизни к комфорту: постчеловек будет жить лучше, в комфорте, будет благополучен, успешен и счастлив. Будут удовлетворяться все его желания. Бытие редуцировано к существованию (сытому и комфортному) биотехнических гибридных тел-роботов. А поэтому человеку как биоиду нужны только две функции — чувство боли (для чувства безопасности) и чувство удовольствия (как смысл существования).

Названная концептуальная подмена подкрепляется спекулятивной операцией по экстраполяции жизненного материала из одной сферы в другую. Например, в современной медицинской практике освобождение от страданий больного человека, страдающего от тяжелой болезни или нехватки (зрения, слуха, больной почки, сердца, конечностей), понимается как благо, ему пересаживают искусственную почку, ставят «умный глаз», делают протез, и все это в медицинских целях вполне оправдано и может быть принято как лечение. Но такой же подход к миллионам функционально здоровых людей выступает уже манипуляцией. К здоровому человеку начинают относиться как к больному. А нормой становится патология. Смертное, страдающее, болеющее существо достойно благополучной жизни, поэтому оно может и должно быть заменено на нестрадающего, бессмертного, неболеющего киборга. Такая замена выставляется как благое дело. Трансгуманисты выступают

С.А. Смирнов
Наше бесчеловечное будущее, или Уловка трансгуманизма

в качестве врачей, исцеляющих человечество, несущих ему благо и освобождение от страданий и страхов.

Понятно, что выбранная манипулятивная стратегия, согласно которой человека убеждают в том, что смысл существования состоит в благополучии, что успехи эры постчеловека позволяют достичь полноты удовольствия и благополучия, — подобная стратегия рассчитана на людей, выбирающих как раз эту стратегию. Таких людей — большинство. Мыслящих и принимающих страдание как необходимый удел всегда было меньшинство. А большинство выступает в логике трансгуманистов неким массовидным телом сущего (в духе М. Хайдеггера — *das Man*). На это массовидное тело, стремящееся к удовольствию и благополучию, добротному материальному существованию, и рассчитана стратегия трансгуманизма.

Ведь усилие быть — это всегда личное, конкретное усилие, оно всегда лично, событийно, предполагает ответственный поступок. Оно не совершается в массе и по приказу. Оно всегда связано с жизненным, онтологическим самоопределением — быть или не быть. Оно всегда определяло базовые ценности и ориентиры человека, его базовые приоритеты. Человек всегда решал этот вопрос через поступок. Не умозрительно, не примерно, не виртуально, а реально, в поступке, и поэтому всегда рисковал.

Но возможности геной инженерии, опыты по редактированию генома, достижения биотехнологий, успехи в работах по искусственному интеллекту заставили человека испытать онтологический соблазн — можно не совершать усилий, не быть, не страдать, не мыслить, не чувствовать, то есть не жить, но при этом быть бессмертным, хотя и в другом, постчеловеческом существе. Миллионы людей не могут устоять перед этим онтологическим соблазном. Поэтому они выбирают антропологический тренд ухода, то есть замены себя постчеловеком, трансчеловеком, техночеловеком.

Такая стратегия становится реальным вызовом. Но этот вызов требует ответа. Ответа не умозрительного, не теоретического, а предельно практического. Нам нужна в этой связи реальная антропологическая альтернатива этому вызову. Поэтому антропологический проект для будущего человека выступает не просто научной разработкой. Он выступает мировоззренческой антропологической альтернативой, предлагающей человеку все же быть не редуцирующим себя до функционального устройства; использующим умные гаджеты и умные технологии как средства развития, а не средства порабощения.

Кейс. Возможен ли искусственный интеллект?

Ключевым оселком в тяжбе культурной, духовной традиции с трансгуманизмом по поводу бытия и небытия человека выступает проект искусственного интеллекта (далее — AI). Именно на нем проверяется точность и логика идеи. И на нем видно, как совершается явная подмена, то есть просто-напросто обман в спекулятивной игре. А главными авторами этой игры на подмену выступают не только главные идеологи трансгуманизма (последние здесь вторичны), но и сами инженеры, разработчики моделей AI, которые даже и не ведают, что творят.

Разработчики AI, будучи инженерами, программистами, технологами, являются стихийными натуралистами и бихевиористами. Они полагают, что тайна мышления и сознания скрыта, сосредоточена в мозге и воплощается в поведении. Поэтому важно понять природу активности мозга. Если мы поймем тайну его активности, причем тайну его устройства, буквально опишем и схватим то, где и в каких функциональных зонах локализуется та или иная способность и прочее, то его можно смоделировать. И поэтому для них AI вполне реален. При этом вообще никак не обсуждается ни природа социального, ни феномен культуры, ни тайна акта мышления, ни тайна акта веры, ни природа человеческого поступка, не сводимого к поведенческим реакциям и активности мозга.

Здесь происходит та же замена и редукция. Мышление сводится к активности мозга. Авторы AI полагают, что мыслит отдельный индивид с помощью мозга. Поэтому ставится задача создать разумную машину, способную мыслить как отдельный индивид³. Разумная машина понимается как такое устройство, которое способно имитировать мыслительную работу мозга.

Отечественная культурно-деятельностная традиция, выраженная в работах Л.С. Выготского и его последователей, полагает, что мыслит не мозг, а мышление встроено в сложную предметную мыследеятельность, в которой мозг выступает одной из частей формирующегося «функционального органа». Поэтому

С.А. Смирнов
Наше бесчеловечное будущее, или Уловка трансгуманизма

³ От этой изначальной идеи в разработках AI в итоге пришлось отказаться и перейти к идее самообучающихся нейронных сетей. Но последнее также выступает сугубо технологической задачей-калькой — смоделировать нейронные сети наподобие нейронных сетей у человека и сделать так, чтобы они «обучались» на основе обработки огромного массива данных. Мышление здесь все равно сводится к вычислительным операциям и анализу больших данных. Также остается и сам принцип имитации. Нейронные сети имитируют мыслительную деятельность. Но это тема отдельной работы, выходящая за рамки данной статьи (см. [Брызгалова, 2019; Гусев, Добридин, 2017; Маркофф, 2016; Пенроуз, 2020]).

если и моделировать мышление, то имеет смысл обсуждать модели не мозга и его активности, а структур мыследеятельности [Щедровицкий, 1995: 281–299]. Выход из натуралистической редукции возможен в направлении моделирования не тела, не мозга, а структур мыследеятельности, в направлении создания моделей, связанных с построением и описанием посреднического действия человек–человек (взрослый–ребенок), и построении в их действиях новых «функциональных органов», формируемых у человека в процессе его социокультурного развития. Эксперимент Э.В. Ильенкова и А.И. Мещерякова в Загорске в 70-е годы прошлого века, связанный с работой со слепоглухонемыми детьми, показывает правоту концепта Л.С. Выготского о культурно-деятельностной природе мышления и роли орудия и знака в развития человека [Выготский, 1984; Мещеряков, 1974]. Техническое орудие и знак (слово) как психическое орудие становятся посредниками, медиаторами, посредством которых формируются высшие психические функции (собственно мышление, воля, память). В этом плане искать сознание надо не в субстрате, не в локальных зонах мозга, а в новых формирующихся у человека функциональных органах.

А в данном случае — это новые интерфейсы человека и машины. Как это сделал С. Хокинг со своим телом, выстроив уникальный интерфейс своего мозга и компьютера, фактически почти потеряв свое умирающее тело.

В этой связи рамочной проблемой при разработках по AI до сих пор дискуссионным остается проблема границы — что есть Естественное и что есть Искусственное (далее — Е/И)? Б.Г. Юдин полагал, что проблема естественного и искусственного является краеугольным в вопросе об обосновании трансгуманизмом пост-человеческого будущего [Юдин, 2013: 32–35].

В понятии AI выделяются два главных репера.

Первый репер — понятие мышления / понятие интеллекта. Проблему мышления мы уже выше отметили: разработчики AI редуцировали акт мышления к интеллектуальной операции, производимой в мозге и локализованной в особых функциональных зонах мозга. Значит, достаточно описать и смоделировать эти функции мозга, и мы получим искусственный интеллект.

Второй репер — понятия естественного и искусственного (Е/И). Какие могут быть основания по разведению понятий Е/И?

Первое основание для разведения Е/И: *неосвоенный, некультурный / освоенный, культурный.*

Тогда естественный — это неосвоенный, дикий, чужой, некультурный, неразумный, несущий угрозы. А искусственный — это освоенный, разумный, культурный, свой.

Еще раньше феномен этой границы был осознан с момента понимания человеком себя как того, кто регулирует стихийные природные процессы, в том числе в себе. Например, когда человек ввел табу на стихийные половые связи внутри рода, на промискуитет. В этом плане культура начинается с табу, с попытки человека регулировать свое собственное сугубо природное (естественное) поведение.

Второе основание — *внутренний/внешний, мы/они*. Граница проводится в зависимости от выбора субъекта, в зависимости от того, что мы берем в качестве общности. Либо это линия индивид — среда, либо город — другой город, дом — другой дом, двор — другой двор, социальная группа — другая группа, мы — они и т. д. Внутренним тогда становится то внутреннее, которое относится к этому субъекту, этой референтной группе, а внешнее — к той, иной, другой. Тогда естественный — это внешний, со своими законами, порядком, не подчиняющийся нам, нечто самоценное, самостоятельное, запредельное для нас.

Третье основание: *источник, оригинал / и копия*. Естественный выступает оригиналом. Тогда искусственное — это вторичное, придуманное, повторенное, копия, подражание естественному оригиналу. Тогда естественный — это настоящий, а искусственный — не настоящий, подделка.

Четвертое основание: *не сделанный, уже данный, существующий / сделанный, сконструированный, построенный*. А значит, естественное существует вне нас и до нас, по своим законам, а искусственное существует в зависимости от нас, по нашим законам. Оно придумано нами; следовательно, зависит от нас, от наших способностей.

Разведение Е/И происходит по-разному в зависимости от установок. Как минимум, можно говорить о натуралистической и деятельностной установках. Натуралистическая установка полагает, что естественное — это нечто натуральное и вне человека данное. А искусственное — соответственно, нечто человеческое, сделанное человеком [Смирнов, 2020: 3–20].

Также разведение можно провести в зависимости от установки на ценности: *установка на сохранение / установка на изменение*. Первая ориентируется на традиционализм, консерватизм, сохранение существующего положения дел. Из этого истока происходит экологическая повестка. Вторая установка видит ценность в неминуемых изменениях, новациях, в отношении к миру и природе как к тому, что требует изменений, преобразований [Юдин, 2013: 32–34].

С.А. Смирнов
Наше бесчеловечное будущее, или Уловка трансгуманизма

В первом случае доминирует позиция наблюдателя. Во второй — позиция испытателя, исследователя и далее — проектировщика и конструктора.

Таким образом, рамочные реперы Е и И разводятся по семантическим рядам-гнездам:

— гнездо «Естественное»: не освоенный, внешний, оригинал, источник, не сделанный, не культурный, не человеческий, оставленный как есть;

— гнездо «Искусственное»: освоенный, внутренний, копия, сделанный, культурный, человеческий, измененный, преобразованный.

Парадокс и загадка проблемы AI и всей проблематики, связанной с трендом ухода человека, заключается на этом языке Е / И в том, что искусственный, то есть свой, сделанный человеком, рукотворный, однажды выходит из-под контроля, становится самостоятельным, как бы естественным, но все равно ненастоящим. Все хорошо и достойно быть в том случае, если оно на своем месте. Если же копия заменяет место оригинала, то это означает нарушение порядка вещей, нарушение онтологической границы.

Еще точнее. Человек сам отпускает свое собственное порождение из своих рук. Он сам решает уйти из своего мира, уступив место придуманному им же изделию, передав ему качества основного, главного естества, себе оставив неглавную роль. Искусственное становится естественным. А копия — оригиналом. Второе — первым. Изнанка — лицом.

В этой связи исходной проблемой при выработке ответа на вызов, связанный с «уходом» человека, является проблема построения модели нового интерфейса человека и техники (машины), при сохранении человека как опорной точки мира, но в новой социально-цифровой реальности.

Человек и нейронауки. Проектная идея для разработок

Сказанное выше означает следующее. Мы должны вырабатывать альтернативу не в стратегии отказа от умных технологий, а в стратегии использования их для того, чтобы вернуть человеку его самого. Умные технологии на то и средства, чтобы быть использованными. И относиться к ним надо как к инструменту, хотя бы и «умному». Этот инструмент в руках хозяина должен быть использованным с умом. Нет необходимости делегировать ум машине. Ей надо отдать то, что она умеет лучше человека, то есть набор тяжелых операций, скорость и точность, а себе оставить то, что

и делает нас самих людьми. Мы должны по-прежнему мыслить и любить. Хотя это и предполагает личное усилие.

Поэтому необходимо сами достижения нейронаук, достижения НБИКС-технологий использовать для выстраивания таких человеко-машинных систем и таких проектов человека, в которых перестраиваются интерфейсы с сохранением субъектности и активной роли человека. Речь не идет об отказе от разработок по AI, от геной инженерии, биотехнологий. Дело не в них. Дело в выше названных установках.

В этой связи наша позиция заключается в продолжении линии, обозначенной Л.С. Выготским в его культурно-исторической, «вершинной», психологии [Выготский, 1984; Выготский, 1986]. В чем заключалось его предложение? В том, что развитие человека понималось как культурное развитие, опосредованное орудиями и знаковыми системами (языком). Орудие и знак выступают посредствующими звеньями в процессе освоения их человеком. Овладевая орудием и знаком, человек овладевает своим поведением, становится собой, у него формируются мышление и другие «высшие психические функции»⁴.

Почему нас не устраивает пафос трансгуманизма? Потому что он предлагает вообще никак не учитывать практику освоения и опосредования, практику овладения человеком своим поведением посредством знака и орудия. Он предполагает уплотнение, сплющивание вообще деятельности человека, превращая его в придаток умной машины. Понятно, почему. Потому что сознание сводится к активности мозга, а человек — к эмпирическому индивиду.

Мы предлагаем вернуться к базовой аргументации Л.С. Выготского, вернуться к идее опосредования развития человека, но уже умным орудием, умной машиной и знаком, шире — цифрой. Человек выстраивает новый интерфейс: *человек — знак (цифра) — машина*. В нем (интерфейсе) не просто по-новому выстраивается связь человека и орудия, но сами участники отношения, человек, машина и знак (цифра), становятся иными, нежели в доцифровую эпоху. Например, цифра — больше, чем знак-орудие, она становится новой средой, в которой обитает человек. Точнее, среда становится гибридной, что уже отмечено в разных работах [Рубцова, 2019а; Рубцова, 2019б]. В новом интерфейсе выстраивается новая модель человеко-машинно-знаковой (цифровой) системы. На языке этой модели можно обсуждать и проект грядущего

С.А. Смирнов
Наше бесчеловечное будущее, или Уловка трансгуманизма

⁴ В своей терминологии Л.С. Выготский не успел преодолеть до конца привычки реактологии и бихевиоризма, называя мышление и волю «функциями», хотя и высшими. Он находился в поиске.

«нейропластичность» мозга, то есть его морфологическая изменчивость и обучаемость.

Нейронаука изучает как раз связь между культурой и языком, ее представляющим, с одной стороны, конкретным опытом познавательной и трудовой деятельности, с другой, и формированием функциональных систем головного мозга, с третьей. Но как конкретно преломляется культура и язык в этих функциональных системах — это в современной нейронауке пока вопрос открытый.

Но есть уже конкретные результаты. Например, Э. Магауйр исследовал опыт лондонских таксистов, которые специально обучаются и сдают сложные тесты на пространственную навигацию в большом городе (в Лондоне). Это связано с пространственной и зрительной памятью и ориентацией. Тесты сдают не все. Обнаружено, что у тестируемых иная структура гиппокампа, нежели у других испытуемых, не таксистов. Предположительно это связано с особой деятельностью по пространственной навигации в городе. Исследователи допускают, что структурные изменения мозга прямо обусловлены высшими когнитивными функциями, отвечающими за формирование пространственной памяти [Фаликман, Коул, 2014: 8].

Но данных крайне мало. Прямых корреляций между культурой, формами поведения, принятыми в культуре, языковыми структурами и структурным и функциональным строением зон мозга не наблюдается. Здесь нет непосредственных причинно-следственных связей. Поэтому происходит редукция культурных форм и культурного развития к активности мозга. Это приведет к тому, предупреждают М. Коул и М. Фаликман, что понятие культуры может быть исключено из анализа развития человека, что противоречит идее коэволюции культуры и мозга [Фаликман, Коул, 2014: 13]. Есть риски превратить нейронауку в бездушную науку о мозге, исследующую активность мозга, но не отвечающую на главный вопрос — как психика человека формируется в контексте культуры, к которой и принадлежит.

* * *

В новой ситуации вместо внешней орудийно-знаковой среды мы имеем социально-цифровую, гибридную среду, в которой люди (особенно дети) уже живут, для которых цифра выступает чем-то большим, нежели знак и орудие: она становится гибридной средой обитания. И перед нами встает следующая задача: выстраивание культурных практик развития и формирования личности человека в новой реальности, с помощью построения моделей человеко-цифро-машинно-знаковых систем, выступающих полигонами развития высших способностей человека — его мышления,

С.А. Смирнов
Наше бесчеловечное будущее, или Уловка трансгуманизма

воображения, памяти. Это новый вызов как для культурно-исторической психологии, так и для всей антропологии будущего.

Our Inhuman Future or Tricks of Transhumanism

Sergei A. Smirnov

DSc in Philosophy, Leading Researcher.

SB of RAS Institute of Philosophy and Law.

8 Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-2023-8855

smirnoff1955@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the concept of posthuman, proposed within the ideology of transhumanism. The author shows how, within the framework of this concept, the basic schemes of human reduction are built, due to which a person can be deduced from socio-cultural reality as a being and replaced by a special being, a posthuman. It is shown that it is due to the basic ontological and conceptual reductions that the temptation arises to replace a person with a new being, more perfect and almost immortal one. The article provides examples of the named reductions, such as: the reduction of a person as being to his biological body; reduction of human existence to the existence of separate biological bodies; reduction of human thinking to intellectual operations and functions, which, in principle, can be modeled and transplanted into a technical device; reduction of the highest human abilities (thinking, will, imagination, memory, feeling) to functional operations occurring in the brain, localized there, as a result of which they can be isolated, described, modeled, and then the model can be transplanted onto an artificial medium, having received artificial intelligence. The author proposes to develop a response to this challenge associated with the replacement of a person, proposes to develop a so-called anthropological alternative. The latter is, among other things, in building a new conceptual model, built using the already known basic scheme of mediation, developed within the framework of Russian cultural-historical psychology and anthropology. Thanks to this scheme of mediation, it is quite possible to build on a new basis a model of a man-symbol-machine system, with the help of which it is possible to build new cultural practices for the development and formation of a person's personality.

Key words: transhumanism, anthropology, man, posthuman, human future, artificial intelligence, natural and artificial.

For citation: Smirnov S.A. Our Inhuman Future or Tricks of Transhumanism // *Chelovek*. Vol. 33, N 1. P. 61–79. DOI: 10.31857/S023620070019075-9

Литература/References

Аванесов С.С. Человек в норме. Новосибирск: Офсет, 2016.

Avanesov S.S. *Chelovek v norme* [Man is normal]. Novosibirsk: Ofset Publ., 2016.

- Брызгалова Е.В. Медицина в оптике искусственного интеллекта: философский контекст будущего // Человек. 2019. Т. 30. № 6. С. 54–71.
- Bryzgalina E.V. Meditsina v optike iskusstvennogo intellekta: filosofskiy context budushego [Medicine in the Optics of artificial Intelligence: the philosophical Context of the Future] *Chelovek*. 2019. Vol. 30. N 6. P. 54–71.
- Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Орудие и знак в развитии ребенка. М.: Педагогика, 1984. С. 5–90.
- Vygotskij L.S. *Sobranie sochinenij* [Collected Works] *Orudie i znak v razviti rebenka* [Tool and Sign in Child Development]. Vol. 6. Moscow: Pedagogika Publ., 1984. P. 5–90.
- Выготский Л.С. Конкретная психология человека // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. Психология. 1986. № 1. С. 52–65.
- Vygotskij L.S. *Konkretnaya psihologiya cheloveka* [Specific human psychology] *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 14. *Psihologiya*. 1986. N 1. P. 52–65.
- Гусев А.В., Добридняк С.Л. Искусственный интеллект в медицине и здравоохранении // Информационное общество. 2017. № 4–5. С. 78–93.
- Gusev A.V., Dobridnjuk S. L. *Iskusstvennyy intellekt v meditsine i zdravookhraneni* [Artificial Intelligence in Medicine and Health Care] *Informatzionnoye obschestvo*. 2017. N 4–5. P. 78–93.
- Мартин Ротблатт. История самого успешного предпринимателя-трансгендера в мире. 2016 [Электронный ресурс] URL: <https://vc.ru/flood/15196-martine-rothblatt> (дата обращения: 29.05.2021).
- Martina Rothblatt. *Istoriya samogo uspehnogo predprinimatelya-transgenera v mire* [The story of the world's most successful transgender entrepreneur] [Electronic resource] URL: <https://vc.ru/flood/15196-martine-rothblatt> (date of access: 29.05.2021).
- Маркофф Д. Homo Roboticus? Люди и машины в поисках взаимопонимания / пер. с англ. М.: Альпина нон-фикш, 2016.
- Markoff J. *Homo Roboticus? Ljudi i mchini v poiskach vzaimoponimaniya* [Machines of Loving Grace. The Quest for Common Ground Between Humans and Robots]. Moscow: Alpina non-fiction Publ., 2016.
- Мещеряков А.И. Слепоглухонемые дети. Развитие психики в процессе формирования поведения. М.: Педагогика, 1974.
- Meshcheryakov A.I. *Slepogluhonemye deti. Razvitie psihiki v processe formirovaniya povedeniya* [Deaf-blind children. The development of the psyche in the process of forming behavior]. Moscow: Pedagogika Publ., 1974.
- Пенроуз Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики / пер. с англ. М.: УРСС: Ленанд, 2020.
- Penrose R. *Noviy um korolja* [The Emperor New Mind: Concerning Computer, Minds, and the Law of Physics]. Moscow: URSS; Lenand Publ., 2020.
- Рубцова О.В. Цифровые технологии как новое средство опосредования (Часть первая) // Культурно-историческая психология. 2019а. Т. 15. № 3. С. 117–124.
- Rubtzova O.V. *Cifrovye tekhnologii kak novoe sredstvo oposredovaniya (Chast' pervaya)* [Digital technologies as a new means of mediation. Part 1] *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya*. 2019a. Vol. 15. N 3. P. 117–124.

С.А. Смирнов
Наше бесчеловечное будущее, или Уловка трансгуманизма

- Рубцова О.В. Цифровые технологии как новое средство опосредования (Часть вторая) // Культурно-историческая психология. 2019б. Т. 15. № 4. С. 100–108.
Rubtzova O.V. *Cifrovye tekhnologii kak novoe sredstvo oposredovaniya (Chast' vtoraya)* [Digital technologies as a new means of mediation. Part 2]. *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya*. 2019b. Vol. 15. N 4. P. 100–108.
- Смирнов С.А. Онтология человека: рамки и топика // Вопросы философии. 2015. № 11. С. 38–49.
Smirnov S.A. *Ontologiya cheloveka* [Ontology of Man] *Voprosi filosofiji*. 2015. N 11. P. 38–49.
- Смирнов С.А. Антропологический навигатор. К событийной онтологии человека. Новосибирск, ООО «Офсет-ТМ». 2016.
Smirnov S.A. *Antropologicheskij navigator. K sobyitnoy ontologii i cheloveka* [Anthropological navigator. Towards an event-driven ontology of man]. Novosibirsk, Ofset-TM Publ., 2016.
- Смирнов С.А. Онтологическая установка (к вопросу о смысле понятия) // Философия науки. 2020. № 2. С. 3–20.
Smirnov S.A. *Ontologicheskaya ustanovka (k voprosu o smysle ponyatiya)* // *Filosofiya nauki*. 2020. N 2. P. 3–20.
- Турчин В., Джослин К. Кибернетический манифест. 1991 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.refal.net/turchin/phenomenon/cybernetic-manifesto.htm> (дата обращения: 29.05.2021).
Turchin V., Dzhoslin K. *Kiberneticheskij manifest* [Cybernetic Manifesto]. [Electronic resource] URL: <http://www.refal.net/turchin/phenomenon/cybernetic-manifesto.htm> (date of access: 29.05.2021).
- Фаликман М., Коул М. «Культурная революция» в когнитивной науке: от нейронной пластичности до генетических механизмов приобретения культурного опыта // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 3. С. 4–18.
Falikman M., Coul M. “Kul'turnaya revolyuciya” v kognitivnoy nauke: ot neuronnoj plastichnosti do geneticheskikh mekhanizmov priobreteniya kul'turnogo opyta [“Cultural Revolution” in cognitive science: from neural plasticity to genetic mechanisms of gaining cultural experience] *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya*. 2014. Vol. 10. N 3. P. 4–18.
- Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007.
Foucault M. *Germenevtika sub'yekta. The Hermeneutics of the Subject*. Transl. from French by A.G. Pogonyajlo. St.- Petersburg: Nauka Publ., 2007.
- Хайдеггер М. Время и бытие / пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993.
Hejdegger M. *Vremya i bytie* [Time and Being], transl. from Germ. by V.V. Bibikhin. Moscow: Respublika Publ., 1993.
- Хольм С. Философские проблемы в оценке постчеловеческого будущего // Человек. 2016. № 4. С. 5–15.
Hol'm S. *Filosofskie problemy v ocenke postchelovecheskogo budushchego* [Philosophical problems in assessing the posthuman future]. *Chelovek*. 2016. N 4. P. 5–15.

- Хоружий С.С. Как обходиться без бытия, или Механика Латона // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 50–66.
Horuzhij S.S. Kak obhodit'sya bez bytiya ili mekhanika Latona [How to do without being or Laton's mechanic] *Voprosy filosofii*. 2013. N 10. P. 50–66.
- Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М.: Школа культурной политики, 1997.
Shchedrovitskij G.P. *Filosofiya. Nauka. Metodologiya* [Philosophy. Science. Methodology]. Moscow: Shkola kul'turnoj politiki Publ., 1997.
- Щедровицкий Г.П. Избранные труды. Москва: Школа культурной политики, 1995.
Shchedrovitskij G.P. *Izbrannije trudi* [Selected Works]. Moscow: Shkola kul'turnoj politiki Publ., 1995.
- Юдин Б.Г. Что там после человека? // Философские науки. 2013. № 8. С. 24–36.
Yudin B.G. Chto tam posle cheloveka? [What is there after the person?]. *Filosofskie nauki*. 2013. N 8. P. 24–36.
- Bostrom N.A. History of transhumanist thought. *Journal of Evolution and Technology*. Vol. 14, Iss. 1, 2005.
- Bostrom N. Superintelligence. Paths, Dangers, Strategies. United Kingdom. Oxford University Press. 2014.

С.А. Смирнов
Наше бесчеловечное будущее, или Уловка трансгуманизма

DOI: 10.31857/S023620070019076-0

©2022 А.С. ДРИККЕР

ТРЕТЬЯ ПАМЯТЬ

Дриккер Александр Самойлович (1941–2020) — доктор культурологических наук, профессор института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

Аннотация. Статья представляет собой итог длительных размышлений автора о существе и механизмах человеческой памяти. Сложный феномен памяти рассматривается в перекрестной перспективе различных естественнонаучных и гуманитарных подходов, где память выступает и как биологическая данность, и как социальная функция, и как культурный конструкт. Автор выдвигает гипотезу о том, что в нынешний век высоких технологий можно говорить о формировании третьего типа памяти — некоего искусственного хранилища, где личные переживания и внутренний опыт соседствуют с непрерывным потоком внешней информации. Виртуальная природа такой памяти, до известной степени устраняющая привычную оппозицию между коллективным и индивидуальным, не только расширяет гносеологические возможности человека, но и значительно корректирует его экзистенциальные параметры.

Статья написана А.С. Дриккером незадолго до его ухода из жизни. Помощь в подготовке материала к публикации оказала его коллега и вернейший соратник, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, религиоведения и педагогики Русской христианской гуманитарной академии (Санкт-Петербург) О.А. Коваль. Журнал, многолетнее сотрудничество (в качестве автора) с которым Александр Самойлович очень ценил, осуществляет посмертную публикацию статьи. — *Примеч. ред.*

Ключевые слова: память, интеллект, эволюционный подход, коллективная память, искусственная память.

Ссылка для цитирования: Дриккер А.С. Третья память // Человек. 2022. Т. 33, № 1. С. 80–99. DOI: 10.31857/S023620070019076-0

А.С. Дриккер
Третья память

Если базу сознания составляет наследственный и благоприобретенный опыт, то личность — это конформное отображение такого опыта, или памяти. Именно память являет тот уникальный потенциал, который предопределяет мышление и чувства, порождает сокровенные мечты и направляет наши действия.

Что представляет собой эта удивительная «база данных»? Согласно аналитической установке на дихотомию, выделяются произвольная и целенаправленная, имплицитная и эксплицитная, когнитивная и эмоциональная память. Популярна также еще одна пара — память индивидуальная и коллективная. Данное двоичное деление, востребованное для толкования социальных вопросов, психологических феноменов и поведенческих особенностей, с биологической организацией памяти никак не связано. Современные представления о работе мозга и нейронной системы не допускают, чтобы память, несмотря на наличие специализированных областей коры и подкорки, дифференцировалась наподобие библиотечных разделов [см.: Блум, 1988].

Зная, сколь многообразно некий памятный факт вовлекается в психические процессы, определяющие как характер общественного поведения, так и сугубо приватные переживания, естественно спросить: быть может, сознание или подсознание используют различные механизмы при обращении к специализированным зонам мозга? Нет, и такое предположение приходится отвергнуть, ибо принцип действия нейронных модулей мозга неизменен [см.: Курцвейл, 2015]. Структура коры головного мозга универсальна, основные агенты этой структуры (кортикальные колонки нейронов) действуют по единой схеме и в зрительной области коры, и в слуховой, и в ассоциативной [см.: Mountcastle, 1975].

Каким же образом потенциал памяти на протяжении тысячелетий обеспечивал сохранение культуры и ее восходящее движение? Как удавалось культуре — интегральному опыту — поддерживать автокаталитическое расширение памяти? И что представляет собой тот эволюционный механизм, который, действуя с далеких палеолитических времен, организует культурное ускорение?

Еще более острые вопросы ставит внезапное появление особой вселенской памяти, безлимитно наполняющей просторы необъятного цифрового облака. Как скажется это вторжение на климате и почве привычного культурного ландшафта? Призвано оно дать каждому возможность формироваться по-своему или, напротив, спаять человечество единством эталонов и упований? А может, замечательная человеческая память (развитая в номогенезе [Берг, 1922]) предназначена для решения эволюционных задач в системе гораздо более широкой, нежели мир людей?

Две памяти

Наличие памяти отделяет живое от неживого. Г. Спенсер отличает живое способностью к устойчивой селективной реакции на раздражение [Спенсер, 1997]. Уже амеба «брыкается», избегая внешнего воздействия, либо плывет в ту сторону, где имеется пища. Все живое, уже на уровне одноклеточных, представляет собой (если обратиться к популярной в информационный век терминологии) кибернетические системы, действия которых определены в катушках памяти. Наполнение этих катушек осуществляется благодаря основному психоидному свойству живого — мнемэ, то есть возможности за счет инерции зрительных, слуховых и прочих восприятий удерживать действие прежних раздражителей и применять их для адаптации. Недаром историю человечества сопровождает постоянная шлифовка методов мнемотехники.

Если культуру представить как акцентированную и осознанную память, то эволюцию культуры следует рассматривать как выбор опыта, достойного запоминания. Критерием отбора выживающих культурных мутаций служит преимущество в информационном ускорении [см.: Дриккер, 2000], в скорости аккумуляции расширяющей память информации. Течение данного процесса напрямую связано с развитием мнемотехники, и важнейшие этапы такого развития — сказительский, письменный, книгопечатный, информационный — отмечают историческое движение не менее показательно, чем смена веков: каменный, бронзовый, железный, электронный. В культуре информационного общества влияние мнемотехники особенно ощутимо.

Не вдаваясь в анализ широкого спектра представлений о памяти, ограничимся констатацией достаточно наглядного. Человек наделен персональной памятью, присущей лишь ему и никому другому. Эта память по определению субъективна, зависит от генетики, воспитания и, более всего, от уникального набора собственных, в недрах личностного сознания возникших впечатлений.

И каждый полагает достоверными запечатленные его памятью картины реальности — реальности, безусловно, объективной!

Наряду с индивидуальным видением, сугубо личным восприятием, в памяти человека еще непременно присутствуют речи наставников и сложившиеся в конкретной социокультурной среде общие представления о мире, неразрывно связанные с традицией, родным языком, родной историей. А это уже память, которую называют коллективной (общественной, групповой, классовой, иной раз даже — подсознательной). Такая память обладает вроде бы очевидными основаниями для претензий на объективный взгляд. И чем больше народа исповедует определенный комплекс установок — тем убедительнее заявка на объективность.

Неповторимая личная память заметно отделяет человека от персон даже самых близких. Мемуары современников, даже земляков и членов одной корпорации, зачастую на удивление не совпадают. Фильм А. Куросавы «Расемон» (экранизация рассказа Р. Акутагавы «В чаще») — яркая иллюстрация того, как достаточно простая коллизия оживает в памяти ее участников буквально разными сюжетами. Так предпочтительнее ли память коллективная? Сближающая и объединяющая людей, она гораздо надежнее? Однако и коллективные картины мира капризны, гибко преображаясь вместе со сменой обстоятельств, критериев и вкусов. Зависимость коллективной памяти от контекста общественных настроений порой просто поразительна.

Казалось бы, недавняя история, свидетелей сколько угодно, так что нетрудно вспомнить, как жилось религии в СССР. По идеологическим соображениям религиозный вопрос, конечно, всячески изымался из общественного оборота. Хотя изымать фактически было нечего — присутствие религии в публичной и личной жизни было едва заметно (более всего оно проявлялось, пожалуй, на лекциях по научному атеизму, совершенно безынтесных как для учащихся, так и для лекторов). Как сообщает современное исследование, «общее количество штатных православных священнослужителей в Ленинграде [накануне Великой Отечественной войны] не превышало 25 человек, кроме того, было около 30 приписных, заштатных и тайных священников» [Шкаровский, 2018], и это — на три миллиона жителей... Сегодня же большинство, даже среди моих престарелых ровесников, убеждены, что религиозные чувства никогда не умирали, а лишь скрывались из опасения репрессий. Ну а с падением гнета вмиг пышно расцвели — это ли не лучшее подтверждение глубокой укорененности религии на протяжении всего советского прошлого? И молодое поколение уже ни за что не поверит, что более полувека их отцы и деды жили в абсолютно — абсолютно! — атеистической стране.

Как сочетаются персональная и коллективная память, какова их значимость для культурной динамики? Что же важнее: то, в чем люди схожи, или то, чем они отличны? Обратимся за разъяснениями к классикам.

А. Бергсон выделяет два рода памяти: «Первая записывает в виде образов воспоминаний все события... Без задней мысли о пользе или практическом применении она сохраняет прошедшее в силу одной естественной необходимости. При ее помощи становится возможным... интеллектуальное распознавание уже полученного восприятия; к ней мы прибегаем всякий раз, когда поднимаемся по склону нашей прошлой жизни для розыска там какого-нибудь образа. <...> Память второго рода — та, которую обыкновенно изучают психологи... всегда устремленная на действие, сущая в настоящем и имеющая в виду лишь будущее... есть скорее привычка... В этих двух памятях... одна *воображает*, а другая *повторяет*» [Бергсон, 1999: 485–486]. Разрабатывая свою концепцию творческой эволюции, Бергсон интересуется только персональной памятью, про коллективную он нигде не упоминает. Но почти наверняка коллективную память он отнес бы к разряду механической, адаптивной, предназначенной обслуживать память первого рода, проясняя ее выбор.

М. Хальбвакс также различает две памяти, «одну из которых можно, если угодно, назвать внутренней, а другую — внешней, или же первую личной, а вторую — социальной» [Хальбвакс, 2005]. Полемизируя с Бергсоном, он пишет: «На наш взгляд, напротив, остаются не какие-то готовые образы, сохранившиеся в подземных ходах нашего сознания, но в самом обществе содержатся все сведения, необходимые для того, чтобы восстановить ту или иную часть нашего прошлого, о которой мы имеем неполное или нечеткое представление или которое даже казалось нам полностью ушедшим из нашей памяти» [там же]. И еще: «Чаще всего я вспоминаю о чем-то потому, что к этому побуждают меня другие, что их память помогает моей памяти, а моя память опирается на их память... В таком смысле получается, что существует коллективная память и социальные рамки памяти, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти» [Хальбвакс, 2007: 28–29]. «Носителем всякой коллективной памяти является группа. В памяти... на передний план выступают сходства» [Хальбвакс, 2005].

В конце XX века П. Нора наблюдает смену традиционного представления об истории как области коллективного, а памяти — как области индивидуального. Отмечая, что в результате демократических, демографических, идеологических процессов в

современной культуре активизируются идеи коллективной памяти и самоидентификации, он констатирует трансформацию привычной оппозиции коллективного и личного [Нора, 2005]. Интересные выводы Нора побуждают еще внимательнее отнестись к характеру обозначенных им перемен.

Несмотря на очень несхожие, скорее принципиально расходящиеся, представления о природе и роли двух типов памяти, сама по себе подобная дифференциация споров не вызывает: каждому индивиду присущи оба типа памяти, которые используются соответственно личным склонностям. «Индивиду доступны два типа памяти [коллективная и индивидуальная]. Но в зависимости от того, соотносится ли он с той или другой из них, он занимает две совершенно разные и даже противоположные позиции» [Хальбвакс, 2005].

Персональные (осознанные или нет) предпочтения, отдаваемые одному из типов памяти, распределены стохастически. Но, вероятно, на уровне популяции существует общая закономерность, управляющая порядком мобилизации памяти. Увязывая динамику культуры с развитием памяти, логично предположить, что данная закономерность носит характер эволюционный. Попытаемся выяснить суть последней.

Эволюционный механизм

Обратимся к теории дихронной эволюции. Согласно В.А. Геодакяну, сложная система в процессе адаптивной эволюции дифференцируется на две сопряженные подсистемы — консервативную (стабильное ядро) и пробную, оперативную, которая начинает и заканчивает эволюционные перемены [Геодакян, 1998]. Попробуем в этом ракурсе взглянуть на эволюционную аккумуляцию опыта.

Нарастающий культурный багаж племени, этноса или иного устойчивого объединения представим как суммарный объем опыта, обретаемого во взаимодействиях со средой. Включающая большинство членов популяции консервативная часть общества гарантирует сохранение базовых ментальных установок, практических навыков и поведенческих стереотипов. Расположенное к новациям меньшинство представляет оперативную часть, которая нацелена на отбор и аккумуляцию перспективных мутаций.

В благоприятных условиях накопленный информационный запас обеспечивает комфортную стабильность и потребность в оперативном приращении минимальна. В условиях экстремальной неустойчивости система вынуждена искать возможности для конкурентной борьбы путем обновления опыта и роль оперативной

или социальных катаклизмов, скажем «феномен военных лет», когда во время мировых войн в Европе доля рождающихся мальчиков увеличивалась на 2–2,5% [Heath, 1954].

Конечно, заключить, что стабильность — это всегда плоды усилий, опирающихся на коллективную память правшей, а обновление обеспечивается исключительно левшами, было бы чересчур наивно. Уместнее отнести к разряду «левшей» всякое креативное меньшинство с доминированием индивидуальной памяти и нестандартным мышлением.

Индивидуальная память — довольно позднее произведение эволюции. В начальной фазе человеческого рода люди обходились инстинктом, комплексом врожденных поведенческих программ для выживания вида. По мере усложнения сознания спектр готовых неосознанных реакций на раздражение (безусловных рефлексов) расширялся ценным для соплеменников опытом особо любознательных смельчаков, нарушавших стереотипы и стимулировавших вызревание рефлексов новых — условных. В этом процессе оттеснения безусловных рефлексов с их мгновенным безальтернативным ответом и формировалась творчески активная индивидуальная память.

Очевидный пример доминирования индивидуальной памяти — гении, сверхталанты, чья деятельность на все лады демонстрирует слом установленных стандартов: религиозных (Лютер, Дарвин), политических (Александр Македонский, Юлий Цезарь), национальных (Спиноза, Петр Первый), социально-этических (Байрон, Лермонтов), эстетических (Рембрандт, Э. Мане), научно-догматических (Лобачевский, Эйнштейн) и т.д. Всегда оригинально и жизненное поведение этих то ли аморальных, то ли как-то особенно высоконравственных представителей свободной от предрассудков, в терминологии А. Бергсона — «открытой» [Бергсон, 1994], морали. И память их столь же отличается от рядовой, сколь и их чрезвычайная впечатлительность, неординарность образного мышления и поразительно высокая степень доверия собственной интуиции.

Доминирование индивидуальной памяти имеет не только положительные стороны. Укрепляя личность, оно параллельно потворствует эгоизму, завышает самооценки, терзает душу эмоциями, иной раз доводящими до психозов, а природная устремленность к новым горизонтам нередко оборачивается пренебрежением традицией. Что еще раздражает общество в персонах с отчетливым доминированием индивидуальной памяти — так это их привычка оспаривать существующий порядок вещей и развенчивать идеалы. От Диогена до В. Высоцкого рефрен их аналитических наблюдений таков: «Нет, ребята, все не так, | Все не так, ребята!»

А что же коллективная память? Если следовать М. Хальбваксу, то это память усредненная — «память группы». Она, несомненно, в целом более позитивна и не менее эмоциональна. (Любой когнитивный отпечаток в нейронных сетях окрашен эмоциональным сопровождением, вне которого вообще невозможно твердое запоминание.) Она уютнее, комплементарнее мятежной индивидуальной памяти, в ней шире коллекция простых, но пережитых сообщая и словно помноженных на количество участников радостей, будь то прелесть общих семейных воспоминаний, воодушевление на праздничном параде, теплота встречи с одноклассниками или дружный восторг спортивных болельщиков. Сила коллективной памяти — в теснейшей связи с корнями человеческого сознания, с фундаментальным первобытным опытом победного выживания людей в дикой природе. Характерно, что идеологемы, апеллирующие к древним инстинктам, имеют наиболее массовый отклик. Коллективная память дает уверенность, избавляя от душевных смут и головокрумок изощенной психики. Темная сторона коллективной памяти — в ее опасной близости реакциям стадного безмыслия. Так, воспоминания о войне могут пробудить благоговение перед жертвенным мужеством защитников своих детей и матерей, а могут отозваться агрессивной жадью без разбора громить чужаков.

Разумеется, сугубо личные и социально обусловленные воспоминания не живут изолированно. «Любовь к родному пепелищу,| Любовь к отеческим гробам» равно волнует и одиноких гениев, и толпы их сограждан, и управителей страны, и критиков властей. Душевно раненный страданием крепостного люда А. Радищев или яростно проклявший войну фронтовик В. Астафьев — уж никак не меньшие патриоты России, чем императрица Екатерина или полковник Л. Брежнев.

Коллективная память, конечно же, роднит нас, благоприияствуя постоянству жизненной среды, отвечая инстинктивным опасениям всегда непредсказуемых перемен и умеряя человеческие страхи. С другой стороны, расчищать неизбежные завалы омертвевших элементов культуры способно лишь бунтарство индивидуальной памяти, стимулирующей полет свободной мысли. Недаром, однако, жизнь не переполнена феерически одаренными и страстно вольнолюбивыми личностями. Всецело устремленные в неведомую высь их порывы плохо согласуются с первой задачей — сохранять возделанный человечеством драгоценный культурный слой. Эволюция выбирает оптимальный вариант, в котором армия верных защитников устоев дополняется немногочисленным отрядом отчаянных радикалов.

Есть еще один аспект непростого дуализма человеческой памяти (и непременно коллективной, и органично индивидуальной). Трудно совместимая природа составляющих памяти — одно из оснований серьезного бытийного конфликта, едва ли не более глубокого, чем вековечный антагонизм бедных и богатых. Уже сегодня есть реальные примеры того, как прилично обеспечить материальные потребности беднейших слоев общества. Но как преодолеть разрыв между творчески одаренными индивидуумами и массой людей, по тем или иным причинам не проявивших влечения к творчеству, — по-прежнему непонятно. Эволюция, надо надеяться, тоже обеспокоена данной проблемой, тем более что появились некоторые намеки на изменение ситуации.

А.С. Дриккер
Третья память

Третья память

В старинном феодальном мире персонального внимания со стороны общества удаивались отнюдь не все (черный люд незачем особо различать: у японского рыбака нет фамилии, он — просто рыбак; не имеет фамилии и русский крепостной, во владениях графа Воронцова-Дашкова все крестьяне — Воронцовы как движимое воронцовское имущество). В сегодняшнем демократическом мире каждый из миллиардов владельцев гаджетов помимо фамилии идентифицирован SIM-картами, IP-адресами, а следовательно, обладает возможностью подробно фиксировать в веб-сети личные взгляды, мнения, мельчайшие детали частной жизни, предъявляя их всему свету и отправляя на вечное хранение в цифровом облаке.

Как очередной технически еще более совершенный вариант внешней памяти, интернет в преимуществах письменной, книгопечатной, тиражной культуры даже не слишком удивляет. Масштабы интернета меняют всё. Память, легко и прочно вбирающая в себя любые тексты, любые изображения, любую музыку в любом объеме, — это действительно новая и необыкновенная память. Она, конечно, восхищает: кликни мышкой — и на экране возникнет что угодно, от Библии до вчерашней сенсации. Но и смущает — нет ценностного отбора, на котором издревле строилась память людей. И кстати, какому, коллективному или индивидуальному, типу памяти призвана способствовать третья память, память цифрового облака?

Возможность без каких-либо барьеров непосредственно питаться лучшими плодами мировой культуры рисует недалекое счастье, когда, как мечталось О. Родену, у каждого человека будет душа художника. Однако личностные устремления на предоставленной

интернетом богатейшей культурной почве дают не слишком впечатляющие всходы. Тот высокий культурный ценз, который определили наука и искусство, еще не знавшие интернета, ныне явно понижается. Самостоятельность мышления на сетевом просторе чаще всего выражается поиском идейных соратников. Независимость мнения отстаивается главным образом в межпартийных распрах. Творческий импульс самостояния не гаснет, но довольно заметно тускнеет.

Нарастающее в современной коммуникационной культуре предпочтение общественно-группового пространства говорит о тенденции явно не в пользу индивидуалистической линии. Тогда, быть может, третья память возникла, дабы открыть новые возможности для развития памяти коллективной? Например, чтобы эта память стала фундаментом чаемого в трудах Н. Бердяева и Питирима Сорокина «нового средневековья», означającego «конец гуманизма, индивидуализма, формального либерализма культуры Нового времени и начало новой коллективной религиозной эпохи, в которую должны выявиться противоположные силы и начала, должно обнаружиться все, что оставалось в подпочве и подсознательном новой истории» [Бердяев, 2002: 244]. Находя отчетливые признаки средневековья в актуальной общественно-культурной среде, У. Эко полагает, что «средние века уже начались» [Эко, 1994].

Метафорически, может, и начались, а в реальности специфика нашего времени — это не снившаяся никакому средневековью фантастическая скорость перемен, вызванных в первую очередь темпами совершенствования технологий.

Коллективная память языком сегодняшней науки рассматривается как вполне конкретный «надиндивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых» [Лотман, 1992: 200].

Вследствие того, что «Интернет делает возможной мировую коммуникацию, связывая отдельные миры в сеть» [Больц, 2011: 10], а «растущая сложность западной цивилизации заставляет полностью механизировать воспоминание, сохранение и архивирование» [там же: 85], Н. Больцем выдвинуто теоретическое положение: «масса глупых может быть умнее, чем самый умный, если гарантировано, что они бесприпятственно могут включать свои отклоняющиеся суждения в общее мнение» [там же: 115]. Практикой глобальных сетей этот оптимистичный тезис пока не очень подтверждается.

Отсвет некоторого разочарования касательно разумности современного общества несомненно присутствует и во множестве исследований коллективного интеллекта с целью увеличить то,

что Г. Блум назвал «групповым IQ» [Bloom, 2000], и в новых взглядах на биологическую эволюцию в русле выдвинутой Р. Докинзом, удаляющей человека из центра внимания теории «эгоистичного гена» [Докинз, 2013]. У самого авторитетного футуролога современности — Р. Курцвейла и его научных сторонников главный расчет делается на искусственный интеллект и киборгизацию населения. Планируется повысить недостаточный творческий потенциал человеческого мозга «за счет небиологического эквивалента» [Курцвейл, 2015: 135].

Что ж, если найдется технический способ (путем вживления в мозг чипов или путем более милосердным) оборудовать память людей облачным запасом культурной информации, сознание массово обретет силы побеждать в интеллектуальных соревнованиях эрудицию суперкомпьютера Ватсон (*англ.* Watson). И тогда уж считанных десятилетий — как предполагали Д. Белл [Белл, 2004] и Э. Тоффлер [Тоффлер, 2010], а сегодня прогнозирует Р. Курцвейл — хватит, чтобы достичь всемирного торжества разума.

Здесь трудно удержаться от иронии, но без высоких технологий, похоже, впрямь не обойтись. Захватившее человечество общение миллионов сетевых «френдов» отличается не столько народным здравым смыслом, на который возлагались надежды в анти тоталитарном романе Дж. Оруэлла «1984», сколько дружным тяготением к блаженному инфантилизму «дивного нового мира» из одноименной книги О. Хаксли. Испокон веков присущий человеку видовой «познавательный инстинкт» словно бы увядает. Кромешное невежество большинства блогеров и их аудитории перестает удивлять. В самых демократических, самых цивилизационно развитых обществах прокламируемый курс на меритократию и непрерывное образование сопровождается падением как монетарной, так и общественной ценности знания. Что происходит? Рушится мир? Эволюционно исчерпался гуманистический проект? А может, мы не так смотрим?

Вот виртуальное облако третьей памяти. Если воспринимать его не только как полезный сервис и страховку от забывчивости, нам предстанет довольно странный каталог текущей жизни со всеми ее достижениями, свершениями и суетной чепухой. Почему, собственно, возникает желание назвать эту цифровую копию всевозможных записей человеческого бытия памятью не «дополнительной», не «вспомогательной», а именно «третьей»? Минуя безбрежную тему триад, троичности в истории культуры (тема популярна у культурологов, обстоятельно рассматривается, например, в специальной монографии Е. Борзовой [Борзова, 2007]),

акцентируем лишь момент некоего отличия третьей составляющей от первых двух.

При всем многообразии триадных версий в религиозных, философских, эзотерических и прагматических концепциях как бы ни трактовался третий элемент относительно соседствующей пары — у него всегда особая позиция. В графических символах тройственности это вершина треугольника или центральный узел трехчастной композиции. В словесных формулах триединства перечисление компонентов подспудно диктует ритмическую паузу перед определением третьего сочлена: дружелюбность — враждебность и нейтральность, минимум — максимум и оптимум, теза — антитеза и синтез и пр. Ощутимо, что третья часть итожит, объединяет, умиротворяет, переводит на новый уровень антагонизм предшествующей бинарной оппозиции. Подобные характеристики вполне приложимы и к облаку возникшей на культурном поле цифровой, третьей памяти. Налицо объединительное начало этой памяти, индифферентной относительно индивидуального либо коллективного вектора хранимых материалов. Очевидна установка облака на неограниченный контент, что в принципе чуждо аналитическим членениям или иерархическим лестницам.

По сути, цифровое облако памяти отлично иллюстрирует введенное Ж. Делёзом и Ф. Гваттари понятие ризомы как способа организации без жесткой структурности и с полной открытостью [см., напр.: Делез, 2010]. Ассоциативно же образ витающей над миром облачной памяти невольно связывается с образом ноосферы. Идею формирующейся человеческим сознанием особой субстанции вокруг земного шара строгая наука отвергает, полагая утопической. Однако почему бы не увидеть возникновение виртуальной третьей памяти как шаг к реализации красивой увлекательной идеи?

Позавчера — утопия, а со вчерашнего дня — факт. Такова атмосфера нынешних скоростных перемен. Д. Харауэй еще в 1985 году отмечала, что мы не успели заметить, как стремительно растворялись извечные оппозиции, истончалась казавшаяся незыблемой граница между природным и культурным, органическим и машинным, физическим и нематериальным; не обратили серьезного внимания на то, как решительно новые технологии воздействуют на все слагаемые жизни вплоть до «социальных отношений сексуальности и воспроизводства» [Харауэй, 2017: 53].

Возникновение облака третьей памяти, как представляется, сигнализирует о возможной перенастройке некоторых ментальных привычек.

Климатические изменения

А.С. Дриккер
Третья память

Утешительное научное наблюдение: «становятся заметными преимущества сетевого существования с точки зрения выживания человечества» [Больш, 2011:103]. И хотя нет уверенности, что выживание человечества входит непременно пунктом в планы эволюции, хотя даже наш врожденный антропоцентризм современная наука оценивает как позицию спорную, вопрос выживания человеческой популяции первостепенно важен для всех землян. Ведь не только в мрачных произведениях фантастов, но и в трудах серьезных ученых множатся варианты продолжения мировой истории, где человечеству с его ограниченными формами сознания места не найдется, где след человеческого разума если и сохранится, то не значительнее следов арифмометра в кибернетике будущего.

Но не меньше выживания своего вида (признаемся себе — гораздо больше) тревожит человека роковая конечность собственного персонального существования. Несмотря на общую для мировых религий веру в посмертное бытие, несмотря на прозрения поэтов и научный закон, гласящий, что ничто не исчезает бесследно, перспективы загробной жизни для подавляющего большинства людей сомнительны. И сколько бы веков ни решалась экзистенциальная проблема жизни и смерти, а безусловно удовлетворяющих ответов нет.

В высшей степени одобрительно массы компьютерных пользователей десяток лет назад отнесли к идее Р. Курцвейла расширить человеческий ум, слабоватый для решения подобных вечных проблем, дополнительным машинным разумом, который «будет главным образом находиться в облаке (в экспоненциально расширяющейся компьютерной инфраструктуре, к которой мы подключаемся для интерактивного общения)» [Курцвейл, 2015: 135], тем более что «мы уже передали облаку значительную часть нашей персональной, социальной, исторической и культурной памяти и в итоге поступим так же и с нашим иерархическим мышлением» [там же: 136]. В изложении указанной «эволюции разума по Курцвейлу» много будоражащих мыслей, много знаний изобретателя новейших рабочих систем в сфере высокой инженерии. Но куда ведет, какова цель ожидаемого к середине XXI века переворота, когда биологическое человечество сольется с машинным интеллектом в заветную сингулярность? Это высказано Курцвейлом с предельной четкостью: «Never Die»! Никогда не умирать!

Никогда не умирать? Средневековая монашеская легенда о печальной участи обреченного на вечную жизнь Агасфера для продвинутых технократов — конечно, не указ. Подтверждение того, что нет ничего ужасней смерти, содержится в традиционных

законодательствах о высшей мере наказания — смертной казни. Хотя мудрейший Сократ, получивший смертный приговор, вместо возможностей продлить жизнь выбирает чашу цикуты; он бесстрастно прощается с судьями: «Но вот уже время идти отсюда, мне — чтобы умереть, вам — чтобы жить, а кто из нас идет на лучшее, это ни для кого не ясно, кроме бога» [Платон, 1990: 96]. Да и примеры являвших абсолютное бесстрашие перед лицом смерти античных стойков, святых отшельников, суровых викингов, свирепых самураев впечатляют много сильнее, нежели лозунг блистательного технолога-футуролога, чьи грезы остаются на уровне обыденного страха навсегда исчезнуть, кануть в жуткую пустоту.

Мысль о своей смерти повергает человека в смятение, которого не рассеять ни Сократу, ни Курцвейлу. Научаться тут чужой мудрости не выходит, подключать мозги к машине не вдохновляет — как говорится, душа не приемлет. А что же она приемлет, эта капризная душа?

Как когда-то к великому изобретению — печатной книге, сегодня душа человечества страстно и неразлучно прильнула к электронному другу, всегда готовому помочь, честному, никогда не спорящему, не укоряющему и, в отличие от представляющих свои сюжеты книг, полностью обращенному к конкретному запросу.

В этом фанатичном пристрастии, которое резко сократило число читателей, зато приобщило к интернету миллиарды людей всех континентов, — колоссальный ресурс для развития сознания. Речь сейчас, однако, не о безусловно важной просветительской, культурно-образовательной роли глобальной сети. Думается, в общении с доставляемой компьютером третьей памятью важнее всего — важней удобства пользования, качественного контента, перспективных симбиозов и пр. — невероятно востребованный, горячо заинтересованный контакт со своеобразной стихией цифрового облака. Мощный эмоциональный импульс данного прагматичного контакта — вот что обещает прочистить кое-какие тромбы в сосудистой системе нашего сознания. Вряд ли в условиях высокотехнологичного глобализма необходимо спешно заменить диалектику «триалектикой» [Борзова, 2007], но обновить некоторые маршруты мышления не мешало бы.

Замечательный диалектический метод превосходно освоен в части борьбы противоположностей и менее энергично, менее успешно применяется в поисках единого основания. Вероятно, причина тому — специфичная природа человека, его исторический опыт, а может, конфликтная парность просто понятнее и соблазнительней. Так или иначе триадное единство теоретически, разумеется, получает формулировки, но органически волнующим

остается лишь привычное «или так (и только так!) — или эдак (и только эдак!)». Как в приведенном выше характернейшем случае: либо жизнь, либо смерть, а третьего вроде бы не дано. Ну не дано — так желательно где-то дополучить. И есть надежда, что уже неотъемлемое от нашей мыслительной деятельности каждодневное, сокровенное, защищенное личным паролем общение с облаком цифровой памяти поможет выйти из клетки двоичной системы координат.

Пусть свалка всякой всячины (рыться на свалке, кстати, упоительное занятие — всегда найдется некое сокровище), зато какой пыл, какой энтузиазм у потребителя отзывчивой облачной памяти! Психология общения обязательно включает в перечень форм коммуникационного воздействия бессознательное подражание. Влияет ли на сознание постоянно, причем косвенно и ненавязчиво, втекающий в него поток самых разнородных частиц для составления вольных мозаик — это вопрос риторический. А раз влияние — значит результат. Вот, например, ценностная шкала коллективной и личной памяти выстроена по-разному — отсюда бесконечный спор, не рождающий истин. Прививка к двусторонней человеческой памяти многовариантной облачной вольности способна, как представляется, растормозить сознание, то и дело застревающее в безвыходности жестких бинарных оппозиций. Дело, конечно, не быстрое, но исподволь перенастройка памяти, без сомнения, уже началась.

Хватит ли, даже с такой прививкой, потенциала, чтобы человек собственными силами, без чипов и нанороботов, смог существенно расширить свое сознание? Должно хватить: «Чем сложнее устроен организм, тем выше вероятность его дальнейшего усложнения» [Марков, 2009: 47]. А чего ради расширяться, усложняться? Да чтоб азартнее существовать, тренируя пластичность заколдованного ума, оттачивая слух к тихим подсказкам интуитивных ощущений и приближаясь, в частности, к разгадке того, что уловила пушкинская интуиция:

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог.

The Third Memory

Alexander S. Drikker (1941–2020)

DSc in Cultural Studies, Professor of Institute of Philosophy,
St. Petersburg State University.

Abstract. The paper is the result of the author's long reflections on the essence and mechanisms of human memory. The complex phenomenon of memory is considered in the article from the perspective of various approaches, both natural science and human science, in which memory is understood either as a biological property, or as a social function, or as a cultural construct. The author puts forward a hypothesis that in the current age of high technologies we can talk about the formation of a third type of memory, some kind of artificial storage, in which personal and internal experiences coexist with a continuous flow of external information. The virtual nature of such a memory to a certain extent eliminates the usual opposition between the collective and the individual, and thereby not only expands the epistemological capabilities of a person, but also significantly corrects his existential parameters.

Keywords: memory, intelligence, evolutionary approach, collective memory, artificial memory.

For citation: Drikker A.S. The Third Memory // *Chelovek*. 2022. Vol. 33, N 1. P. 80–99. DOI: 10.31857/S023620070019076-0

Литература/References

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 2004.

Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo: Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-industrial Society: A Venture in Social Forecasting], transl. from Engl. ed. by V.L. Inozemtsev. Moscow: Academia Publ., 2004.

Берг Л.С. Номогенез, или Эволюция на основе закономерностей. Петербург: Гос. изд-во, 1922.

Berg L.S. *Nomogenez, ili Evolyutsiya na osnove zakonomernostei* [Nomogenesis, or Evolution Based on Regularities]. Petersburg: State Publ. House, 1922.

Бергсон А. Два источника морали и религии / пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1994.

Bergson H. *Dva istochnika morali i religii* [The Two Sources of Morality and Religion], transl. from French by A.B. Gofman. Moscow: Kanon Publ., 1994.

Бергсон А. Материя и память / пер. с фр. А. Баулер // Бергсон А. Творческая эволюция: Материя и память. Минск: Харвест, 1999. С. 413–668.

Bergson H. *Materiya i pamyat'* [Matter and Memory], transl. from French by A. Bauler. Bergson H. *Tvorcheskaya evolyutsiya: Materiya i pamyat'* [Creative Evolution: Matter and Memory]. Minsk: Kharvest Publ., 1999. P. 413–668.

Бердяев Н.А. Новое средневековье: Размышление о судьбе России и Европы // Бердяев Н.А. Смысл истории: Новое средневековье. М.: Канон+, 2002. С. 220–313.

Berdyayev N.A. *Novoe srednevekov'e: Razmyshlenie o sud'be Rossii i Evropy* [New Middle Ages: Reflection on the Fate of Russia and Europe]. Berdyayev N.A. *Smysl istorii: Novoe srednevekov'e* [The Meaning of History: New Middle Ages]. Moscow: Kanon+ Publ., 2002. P. 220–313.

- Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л. Мозг, разум и поведение / пер. с англ. Е.З. Годиной. М.: Мир, 1988.
Bloom F., Lazerson A., Hofstadter L. *Mozg, razum i povedenie* [Brain, Mind and Behavior], transl. from Engl. by E.Z. Godina. Moscow: Mir Publ., 1988.
- Больш Н. Азбука медиа / пер. с нем. Л. Ионина, А. Черных. М.: Европа, 2011.
Boltz N. *Azbuka media* [ABC of Media], transl. from Germ. by L. Ionin, A. Chernykh. Moscow: Evropa Publ., 2011.
- Борзова Е.П. Триадология. СПб.: СПбГУКИ, 2007.
Borzova E.P. *Triadologiya* [Triadology]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. of Culture Publ., 2007.
- Геодакян В.А. Эволюция асимметрии, сексуальности и культуры: (Что такое культура с точки зрения теоретической биологии?) // Информационное мировоззрение и эстетика: Тр. междунар. науч. симп. «Взаимодействие человека и культуры: теоретико-информационный подход» / под ред. В.М. Петрова, В.П. Рыжова. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. радиотехн. ун-та, 1998. С. 116–143.
Geodakyan V.A. *Evolyutsiya asimmetrii, seksual'nosti i kul'tury: (Chto takoe kul'tura s tochki zreniya teoreticheskoi biologii?)* [The Evolution of Asymmetry, Sexuality and Culture: (What is Culture from the Point of View of Theoretical Biology?)]. *Informatsionnoe mirovozzrenie i estetika: Trudy mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma "Vzaimodeistvie cheloveka i kul'tury: teoretiko-informatsionnyi podkhod"* [Information Worldview and Aesthetics: Proceedings of the International Scientific Symposium "Human and Culture Interaction: Information-Theoretical Approach"], ed. by V.M. Petrov, V.P. Ryzhov. Taganrog: Taganrog State Radio Engineering Univ. Publ., 1998. P. 116–143.
- Геодакян В.А., Геодакян К.В. Новая концепция леворукости // Доклады Академии наук. 1997. Т. 356, № 6. С. 838–842.
Geodakyan V.A., Geodakyan K.V. *Novaya kontseptsiya levorukosti* [The New Concept of Left-handedness]. *Reports of the Academy of Sciences*. 1997. Vol. 356, N 6. P. 838–842.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Я.И. Свирского. Екатеринбург; М.: У-Фактория: Астрель, 2010. С. 6–45.
Deleuze G., Guattari F. *Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia], transl. from French by Ya.I. Svirskii. Ekaterinburg; Moscow: U-Faktoriya: Astrel' Publ., 2010. P. 6–45.
- Докинз Р. Эгоистичный ген / пер. с англ. Н. Фоминой. М.: АСТ: Corpus, 2013.
Dawkins R. *Egoistichnyi gen* [The Selfish Gene], transl. from Engl. by N. Fomina. Moscow: AST: Corpus Publ., 2013.
- Дриккер А.С. Эволюция культуры: информационный отбор. СПб.: Академ. проект, 2000.
Drikker A.S. *Evolyutsiya kul'tury: informatsionnyi otbor* [The Evolution of Culture: Information Selection]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 2000.
- Курцвейл Р. Эволюция разума / пер. с англ. Т.П. Мосоловой. М.: Эксмо, 2015.
Kurzweil R. *Evolyutsiya razuma* [The Evolution of Reason], transl. from Engl. by T.P. Mosolova. Moscow: Eksmo Publ., 2015.

- Лебедев Д.С., Левитин Л.Б.* Перенос информации электромагнитным полем // Проблемы передачи информации. Вып. 16. М.: Изд-во АН СССР, 1964. С. 5–20.
- Lebedev D.S., Levitin L.B. Perenos informatsii elektromagnitnym polem [Information Transmission by Electromagnetic Field]. *Problems of Information Transmission*. Iss. 16. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1964. P. 5–20.
- Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. С. 200–202.
- Lotman Y.M. Pamyat' v kul'turologicheskom osveshchenii [Memory in Cultural Lighting]. Lotman Y.M. *Izbrannye stat'i*: v 3 t. [Selected Articles: in 3 vol.]. Vol. 1. Tallinn: Aleksandra Publ., 1992. P. 200–202.
- Марков А.В.* Эволюционный прогресс. Развитие жизни как движение от простого к сложному // Экология и жизнь. 2009. № 2. С. 44–51.
- Markov A.V. Evolyutsionnyi progress. Razvitie zhizni kak dvizhenie ot prostogo k slozhnomu [Evolutionary Progress. Development of Life as a Movement from Simple to Complex]. *Ecology and Life*. 2009. N 2. P. 44–51.
- Нора П.* Всемирное торжество памяти / пер. с фр. М. Сокольской // Неприкосновенный запас. 2005. № 2/3. С. 202–208 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 16.11.2019).
- Nora P. Vsemirnoe torzhestvo pamyati [The World Triumph of Memory], transl. from French by M. Sokolskaya. *Neprikosnovennyi zapas*. 2005. N 2/3. P. 202–208 [Electronic resource]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (date of access: 16.11.2019).
- Платон.* Апология Сократа / пер. с древнегреч. М.С. Соловьева // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 70–97.
- Plato. Apologiya Sokrata [The Apology of Socrates], transl. from Ancient Greek by M.S. Soloviev. Plato. *Sobranie sochinenii*: v 4 t. [Collected Works: in 4 vol.]. Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1990. P. 70–97.
- Спасская Д.* Кто такие правши и левши? // Наука. 02.06.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://nplus1.ru/material/2017/06/02/leftorium> (дата обращения: 16.11.2019).
- Spasskaya D. Kto takie pravshi i levshi? [Who are Right-Handers and Left-Handers?]. *Nauka*. 02.06.2017 [Electronic resource]. URL: <https://nplus1.ru/material/2017/06/02/leftorium> (date of access: 16.11.2019).
- Спенсер Г.* Синтетическая философия / пер. с англ. П.В. Мокиевского. М.: Ника-Центр, 1997.
- Spenser H. *Sinteticheskaya filosofiya* [Synthetic Philosophy], transl. from Engl. by P.V. Mokievskii. Moscow: Nika-Tsentr Publ., 1997.
- Тоффлер Э.* Третья волна / пер. с англ. С. Барабанова, К. Бурмистрова и др. М.: АСТ, 2010.
- Toffler A. *Tret'ya volna* [The Third Wave], transl. from Engl. by S. Barabanov, K. Burmistrov et al. Moscow: AST Publ., 2010.
- Хальбваск М.* Коллективная и историческая память: пер. с фр. // Неприкосновенный запас. 2005. № 2/3. С. 8–27 [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.russ.ru/nz/2005/2/halbwassk.html>

- gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html (дата обращения: 16.11.2019).
- Halbwachs M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat': per. s fr. [Collective and Historical Memory: transl. from French]. *Neprikosnovennyi zapas*. 2005. N 2/3. P. 8–27 [Electronic resource]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (date of access: 16.11.2019).
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. С. Зенкина. М.: Новое изд-во, 2007.
- Halbwachs M. *Sotsial'nye ramki pamyati* [The Social Frameworks of Memory], transl. from French by S. Zenkin. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2007.
- Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. / пер. с англ. А.В. Гараджа. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
- Haraway D. *Manifest kiborgov: nauka, tekhnologiya i sotsialisticheskii feminizm 1980-kh gg.* [A Cyborg Manifesto: Science, Technology and Socialist-Feminism in the Late 20th Century], transl. from Engl. by A.V. Garadzha. Moscow: Ad Marginem Press Publ., 2017.
- Шкаровский М. Религиозная жизнь блокадного Ленинграда. Проект «Ленинград. Победа». 03.12.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://leningradpobeda.ru/blog/religioznaya-zhizn-blokadnogo-leningrada> (дата обращения: 04.08.2020).
- Shkarovskii M. *Religioznaya zhizn' blokadnogo Leningrada. Proekt "Leningrad. Pobeda"* [The Religious Life of Besieged Leningrad. The Project "Leningrad. Victory"]. 03.12.2018 [Electronic resource]. URL: <https://leningradpobeda.ru/blog/religioznaya-zhizn-blokadnogo-leningrada> (date of access: 04.08.2020).
- Эко У. Средние века уже начались / пер. с итал. Е. Балаховской // Иностран. лит. 1994. № 4. С. 259–268.
- Eko U. *Srednie veka uzhe nachalis'* [The Middle Ages Have Already Begun], transl. from Ital. by E. Balakhovskaya. *Inostrannaya literatura*. 1994. N 4. P. 259–268.
- Югай Г.А. Общая теория жизни. М.: Мысль, 1985.
- Jugai G.A. *Obshchaya teoriya zhizni* [The General Theory of Life]. Moscow: Mysl' Publ., 1985.
- Bloom H. *Global Brain: The Evolution of Mass Mind from the Big Bang to the 21st Century*. New York: Wiley, 2000.
- Heath C.W. Physique, Temperament and Sex Ratio. *Human Biology*. 1954. Vol. 26, N 4. P. 337–342.
- McManus C. *Right Hand, Left Hand: The Origins of Asymmetry in Brains, Bodies, Atoms and Cultures*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 2002.
- Mountcastle V.B. The View from Within: Pathway of the Study of Perception. *The John Hopkins Medical Journal*. 1975. Vol. 136. P. 109–131.

НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ТЕОРИИ КАТАСТРОФ В ФИЛОСОФИИ ВАЛЕРИЯ ПОДРОГИ

Жеребкин Сергей Васильевич — доктор философских наук, заведующий Харьковским отделением Центра гуманитарного образования Национальной академии наук Украины.
Украина, 61023 Харьков, ул. Сумская, д. 124, кв. 26.
ORCID: 0000-0003-1929-6959
sergeyz@univer.kharkov.ua

Аннотация. Исследуется предпринятый В.А. Подорогой анализ феномена катастрофы и способов его репрезентации средствами литературы, кино и масс-медиа. Рассматриваются характеристики введенного философом понятия «событие-катастрофа», среди которых выделяется зрелищность как особенность катастрофы определенного типа. Показательным примером зрелищности служит террористический акт, совершенный 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке. В контексте сделанного Подорогой анализа теракт «9/11» может быть определен как «американская катастрофа». Показано, что в текстах философа, посвященных темпоральности тоталитарных и посттоталитарных культур («время-после»), этому типу катастрофы противопоставляется опыт гуманитарной катастрофы, происходившей в лагерях массового уничтожения, таких как Освенцим или ГУЛАГ. В отличие от теракта «9/11», они настолько невообразимы и неповторимы, что это обстоятельство не позволяет им стать зрелищем. В статье делается вывод о том, что с точки зрения теории события-катастрофы Подороги только катастрофа, порожденная тоталитаризмом, расценивается в качестве подлинной, является катастрофой

в собственном смысле слова — неповторимой и необратимой. Ее причины и ход никогда не удастся восстановить и до конца прояснить, в отличие от теракта «9/11». Хотя, по мнению Подороги, обстоятельства подобной катастрофы и связанных с ней преступлений против человечества, из которых до сих пор не сделаны выводы, обязательно необходимо расследовать (так же, как американцы расследовали причины катастрофы «9/11»), ведь ее забвение может привести к возрождению тоталитаризма. Специальное внимание в статье уделяется попыткам философов России и США после распада СССР преодолеть ситуацию вызванного так называемой «тоталитарной паузой» культурного разрыва Запада и Востока, которая описана как американо-советская катастрофа встречи/невстречи Востока и Запада в книге С. Бак-Морс «Мир грез и катастрофа» (2002).

Ключевые слова: событие-катастрофа, американская катастрофа, пост-катастрофическое время, «тоталитарная пауза», Освенцим, ГУЛАГ, Дубровник.

Ссылка для цитирования: Жеребкин С.В. Некоторые подходы к изучению теории катастроф в философии Валерия Подороги // Человек. 2022. Т. 33, № 1. С. 100–121. DOI: 10.31857/S023620070019077-1

Понятие катастрофы часто встречается в работах В.А. Подороги. Автор упоминает множество различных катастроф: культурные катастрофы, техногенные и природные катастрофы, катастрофы языка, восприятия, невербальные катастрофы и т.д. Есть ли что-то общее между всеми видами катастроф, диагностируемых Подорогой в самых различных явлениях культурной и политической жизни? Можно ли говорить о какой-то единой теории и логике катастроф В.А. Подороги?

На мой взгляд, специальный разбор понятия катастрофы Подорога предпринимает в контексте анализа понятия и феномена события средствами масс-медиа [Подорога, 2010б]. Катастрофа в этом контексте — всегда событие, которое отличается от нейтральности и пассивности явления, или, по выражению философа, *событие-катастрофа*, которое выступает типичной моделью всякого события [там же: 53–59]. В то же время событие — это не всегда и не обязательно катастрофа, от которой отличаются события мировые или изначальные, случайные, события-происшествия и пр.

Обратившись к концептуализации Подорогой понятия события, можно выделить, в частности, следующие характеристики события-катастрофы:

- Необратимость. «...Когда она начинает происходить с нами, мы узнаем об этом слишком поздно» [Утопия и диалектика,

С.В. Жеребкин
Некоторые подходы к изучению теории катастроф в философии Валерия Подороги

2006: 60]. Например, событие смерти Бога у Ф. Ницше, полагающее начало времени, когда событий больше нет [Миронов, 2006: 267]. В этом пункте понимание катастрофы Подорогой созвучно трактовке катастрофы Ж.-П. Дюпюи как события, которое уже случилось (в отличие от теологической «грядущей катастрофы»), и субъект начинает действовать, чтобы что-то исправить, в ситуации, когда уже поздно действовать [Дюпюи, 2019].

- **Контингентность.** «События-катастрофы, — утверждает Подорога, — не подчиняются предначертанному плану (если только божественному) и всегда случайны, более того, хотя их наступления могут и “ждать”, но они свершаются так, что момент свершения навсегда утрачивается и не воспринимается как начало» [Подорога, 2010б: 53].

- **Связь с насилием.** В данном случае насилие принимает форму избытка как процесса, однако не рутинного, а внезапно, контингентно открывающего человеческое существование в его полной уязвимости и незащищенности [там же].

- **Логика катастрофы.** Это логика угасания: «... бурное, взрывное начало переходит в медленное угасание, стирается, распыляется, погружается в забвение» [там же: 44]. Приводимые Подорогой примеры забвения трагического и «непоправимого» в постсоветское время — это «Курск», «Теракт на Дубровке», «Беслан» [там же].

Одной из важных, бросающихся в глаза характеристик катастрофы, особенно значимой для масс-медиа и визуальных искусств, является зрелищность. Анализируя феномен насилия в кинематографе, Подорога отмечает, что подлинное зрелище — это именно катастрофа [Подорога, 2015б: 106], завораживающая любого зрителя и вызывающая у него аморальное чувство восторга [Подорога, 2010б: 57], лишаящая возможности внешней оценки зрелища вплоть до утраты чувства самосохранения. В данном контексте Подорога упоминает часто встречающиеся случаи смерти зевак, завороженно засматривающихся на катастрофы, такие, например, как массовая гибель жителей деревень в окрестностях города Лима (Перу), сбежавшихся глядеть на оползневое обрушение горы, или гибель зевак у Белого дома в Москве во время «танкового обстрела» в 1993 году [там же: 57–58].

В начале XXI века главной катастрофой-зрелищем, многократно демонстрировавшейся на телеэкранах всего мира, стала знаменитая террористическая атака на башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, совершенная 9 сентября 2001 года. Отмечая завораживающий визуальный эффект кадров данной катастрофы, Подорога пишет: «На первый план выступают детали зрелища. Эмоционально тупеешь, и тебя охватывает омерзительное

(совершенно неуместное) чувство восхищения этой грандиозной постановкой человеческой трагедии в реальном времени» [Подорога, 2006: 67].

Тогда, 20 лет назад, по следам потрясшей мир катастрофы «9/11» многие выдающиеся философы (Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр, Ж. Рансьер, С. Жижек и др.) написали тексты, в которых оценили ее как исключительную, небывалую, способную в корне изменить последующий ход истории, даже знаменующую собой начало Четвертой мировой войны (Ж. Бодрийяр) и т.п. Обзор этих текстов в свое время сделал М.К. Рыклин, известный российский философ, друг и соратник В.А. Подороги [Рыклин, 2002б].

Подорога также написал текст о теракте «9/11» [см.: Подорога, 2006], где предложил интерпретировать эту катастрофу не только как мировое событие, но прежде всего как событие американской общественной жизни и культуры. Задача, которую ставит в своей статье Подорога, — во-первых, проанализировать событие «9/11» в контексте коллективного бессознательного американской культуры, задействовав «глубинный подслон символического в американском культурном опыте» и осуществив его «символическую деконструкцию» [там же: 67], и, во-вторых, определить тип указанного события, исходя из американского культурного контекста.

В качестве ключа для прочтения американского коллективно-бессознательного Подорога в статье о гибели двух небоскребов-бизнесов в центре Манхэттена избирает особый культурный код — близнечный миф как миф о первоначальном учреждающем насилии, проанализированный Р. Жираром в книге «Насилие и священное». В близнечном мифе образ близнецов наделен характеристиками жуткого и пугающего. Это обусловлено тем, что в архаической культуре, как утверждает Подорога, ссылаясь на Жирара, полное физическое сходство внушало неподдельный страх, поскольку связывалось с заражением насилием, рождающимся из духа соперничества между равными и одинаковыми (мифы об Озирисе и Сете, Ромуле и Реме, Каине и Авеле, Иакове и Исаве и др.). Возвышавшиеся же над Нью-Йорком небоскребы-близнецы, по мнению Подороги, напротив, вопреки архаической мифологии, «оповещали, что близнечный миф преодолен и за равным и подобным не скрывается более страх перед первоначальным насилием. Они утверждали обновленную версию близнечного мифа, теперь уже совершенно “неопасного”» [там же: 68]. «По этой версии мифа, другой, другие — уже не соперники, а партнеры. И повторение, видимое подобие, снимает конфликт различий, ведущих к насилию. Twins так и были задуманы — это уже не имперско-колониальный стиль башни Empire State Building, а

С.В. Жеребкин
Некоторые подходы к изучению теории катастроф в философии Валерия Подороги

стиль удвоения, “близнечества”, если угодно, уникального и единственного в своем роде» [там же].

Архитектурный комплекс «Twins», полагает Подорога, был призван олицетворять американский массовый культурный стандарт (и именно поэтому стал приоритетным объектом атаки террористов — исламских фундаменталистов), «пренебрегающий памятью и традицией, отрицающий существование Другого и целиком устремленный к опережению времени» [там же]. В этом стандарте закрепляется особый тип Другого — *американский Другой*, в котором всякая несущая угрозу другость нейтрализована. Другой, который признается чисто формально, оказывается стерилизованным двойником, освобожденным от всех характеристик враждебности, агрессии и инаковости посредством демонстрации повторимости. Согласно мнению философа, феномен радикальной повторимости американского Другого, утверждающейся вопреки неповторимому, очень точно передал Э. Уорхол, знаменитый художник массового общества, как никто другой выразивший суть американской культуры, которой недостает интереса к памяти и традиции и в которой все повторяется и может быть буквально повторимо.

Поэтому катастрофа «9/11», следуя логике Подороги, может быть определена как *американская катастрофа*, которая, как и американский Другой, представляет собой тип катастрофы, «очищенной» от инаковости, демонстрирующей повторимость, лишенной характеристик собственно катастрофического в его подлинности и аутентичности — как и «американское яблоко» в известном примере М. Хайдеггера, оценивающего американскую культуру как культуру доминирования технического воспроизводства вещей [Heidegger, 1977].

Можем ли мы рассматривать катастрофу «9/11» так же, как случай американской катастрофы, многократно повторенной в тех голливудских «апокалиптических» блокбастерах, что обыгрывают тему чужого, или же в случае «9/11» в самое сердце Америки ворвался действительно чуждый, нестерилизованный Другой и состоялась встреча американской культуры с Реальным, как определил данный теракт С. Жижек [Рыклин, 2002б: 248–251]?

На первый взгляд, отмечает Подорога, 11 сентября 2001 года в Америке произошла катастрофа принципиально нового типа, которая лишила американских граждан комфортной дистанции, позволяющей наблюдателю, словно зрителю захватывающего боевика, оставаться отстраненным, даже когда он сам становится мишенью авторской атаки. «Казалось бы, американский обыватель перестал быть только зрителем. Пробит великий щит иллюзий, что делал реальность приемлемой благодаря образам

Голливуда. Террористическая атака на Twins приостановила циркулярность повторений, ввела неповторимое, настоящую человеческую трагедию: “Это нельзя и невозможно повторить! Это ведь произошло на самом деле!” Шок слишком силен, для затягивания столь глубокой раны потребуется значительное время» [Подорога, 2006: 68–69].

С другой стороны, по мысли Подороги, нельзя не учитывать, что американская культура фундаментальным образом определяется механизмом стирания памяти, когда обогащение опыта происходит за счет его вытеснения и введения нового, создающего эффект новейшего. «Мне представляется, и это я формулирую в качестве тезиса, — утверждает философ, — что американская культура страдает от амнезии. Но почему, собственно, “страдает”? Напротив, эта культура исповедует и постоянно учреждает принцип забывания» [там же: 69]. Поэтому любое, самое, казалось бы, неповторимое событие — даже такое, как катастрофа «9/11», — обречено на замещение и символическое повторение в американской культуре, изначально запрограммированной на постоянное появление сверхнового события.

Технологическим средством, обеспечивающим эффект всеобщей повторимости и копируемости событийного опыта в современной культуре, является, согласно Подороге, механизм репрезентации события в масс-медиа, в которых оно расследуется, комментируется, повторяется, трансформируется в образ события. «Нам показывают в новостном режиме кадры насилия, смерти, но мы, — констатирует Подорога, — не воспринимаем это как тотальную и чудовищную катастрофу человеческого существования. Мы только принимаем к сведению. Образ чудовищного утратил свою силу и больше не относится к событию, которое смогло бы остановить время насилия» [Подорога, 2015б: 113]. Событие «9/11» с самого начала, как только самолеты врезались в здания, оказалось захвачено движением масс-медийных потоков, обеспечивающих саму возможность события и одновременно переводящих его в режим обновляющихся новостей. «Гибель Twins — одно из подобию реального События, которое сейчас переживается и будет переживаться массовым бессознательным в сценах и поэтике “конца света”, в бесконечно повторяющихся повествованиях, “историях”. “Конец” может наступить, если хоть на мгновение прервется нить рассказа. Так он перестает быть тупиком, становится актом исхода, “спасением” и началом нового мифа. Не одна, а тысячи, миллионы историй!.. Да, тысячи и миллионы еще нерассказанных историй! И рассказывается всегда только одна, та, которая может позволить Событию вновь повториться в своей

С.В. Жеребкин
Некоторые подходы к изучению теории катастроф в философии Валерия Подороги

правдоподобной, но ирреальной копии. “Конец света” — лишь образ образа, Америку не остановить...» [там же: 75].

За 20 лет, прошедших после теракта «9/11», американцы пережили множество различных природных и техногенных катастроф, террористических атак, унесших тысячи человеческих жизней. Вспомним хотя бы ураганы Катрина (2005), Сенди (2012) и Ирма (2017), гигантские лесные пожары в Калифорнии (2018, 2020), массовые убийства в Сан-Бернардино (2015), Орlando (2016), Эль-Пассо (2019), а также вспышки стихийного насилия и погромы во время массовых протестов в Фергюссоне (2014) или всеамериканского движения «Black Lives Matter» («Жизни черных важны», 2020) и т.д., которые вновь и вновь потрясали Америку, рождая все новые и новые образы чудовищного и непоправимого. Последние четыре года чудовищной и непоправимой катастрофой американским либералам казалось президентство Д. Трампа, который на их глазах словно гигантский ураган уничтожал все завоевания американского гражданского общества в сфере прав человека за последние 70 лет. Кульминацией данной катастрофы стало невероятное и необычайно зрелищное событие — штурм толпой протестующих, поддерживающих попытки Трампа отменить результаты президентских выборов, Капитолия США 6 января 2021 года. Оно породило в обществе панический страх, что Трамп никогда не покинет свой пост и превратится в вечного авторитарного правителя, отказывающегося передавать власть своим легитимным преемникам и продолжающего разрушать ценности американской демократии [Butler, 2021]. Но уже спустя несколько месяцев после президентства Трампа память об этих событиях постепенно стерлась и на повестке дня Америки встала новая/старая грядущая катастрофа — изменение климата и пандемия коронавируса COVID-19 с его все новыми и новыми штаммами.

Что же касается катастрофы «9/11», то благодаря эффективному расследованию американских спецслужб ее удалось полностью реконструировать — разъяснилось, как готовился и приводился в исполнение теракт, кто были террористы и как они проникали на борт самолетов, кто финансировал и был организатором теракта, кого впоследствии настигло суровое возмездие. Таким образом, в событии-катастрофе от 11 сентября 2001 года не осталось ничего тайного, скрытого, неразоблаченного. А на месте башен-близнецов американцы не стали возводить новые фаллические конструкции, а построили два расположенных ниже уровня улицы бассейна и прекрасный мемориальный комплекс «Национальный мемориал и музей 11 сентября».

Размышляя о природе события-катастрофы, Подорога постоянно возвращается к такому опыту катастрофы, который, в отличие

от теракта «9/11», является настолько чудовищным и неповторимым, что это не позволяет ему стать зрелищем, которое служит своего рода защитой для субъекта, способного его наблюдать. Ведь «защищаясь, мы видим», замечает Подорога [Подорога, 2015б: 106]. Не в пример американской катастрофе-зрелищу, событие-катастрофа как феномен невыносимого для взгляда невообразимого и невозможного может быть охарактеризован, по мнению философа, как эффект *скрытого*, позволяющий «понимать человеческий мир не как зрелище, а скорее как судьбу». Подорога анализирует этот эффект на примере фильма «Скрытое» (2005) М. Ханеке, для которого реальность состоит из актов насилия, которому мы ничего не можем противопоставить [там же]. Скрытое — «это то, что с нами не случилось, но может случиться в любое мгновение. То, что следит, наблюдает за человеческим, но само себя не выдает» [там же: 122]. С точки зрения Подороги, фильм Ханеке раскрывает следующую закономерность: чем больше усилий мы предпринимаем для того, чтобы расследовать и понять, что нам угрожает, какая катастрофа может произойти или уже происходит, тем большим становится объем скрытого, темно-неясного, туманного, когда ощущение зловещей «тайны» только усиливается. «Скрытое — то, что ни при каких условиях объяснения не может быть разоблачено» [там же: 122–123].

Очевидным примером невообразимой, немислимой, неспособной стать зрелищем культурной катастрофы являются для Подороги лагеря массового уничтожения, такие как Освенцим или ГУЛАГ, — «мировые символы страдания и боли, непостижимой силы Зла» [Подорога, 2010а: 21]. С ними связан такой колоссальный опыт расчеловечивания, десубъективации, неразличимости жизни и смерти, повторять, символизировать который для человека не представляется возможным. После столкновения с подобным опытом возникает одно-единственное желание — немедленно забыть весь ужас страданий и неутихающей боли [Подорога, 2015а: 20].

Это именно та катастрофа, которую Дж. Агамбен определил посредством понятия голой жизни. Для него Освенцим — свидетельство наивысшего оскорбления человеческого достоинства, ведь как раз там происходит такая чудовищная «катастрофа субъекта», которая ставит нас перед такими неразрешимыми и мучительными этическими апориями, разрешить которые невозможно не только средствами традиционной этики, берущей начало в античной трагедии, что оперирует понятиями виновного и/или невинного, но и этики неклассической, открывающейся ницшевским жестом преодоления ressentimentа [Агамбен, 2021:109–110].

С.В. Жеребкин
Некоторые подходы к изучению теории катастроф в философии Валерия Подороги

Подорога, в отличие от Агамбена, считающего именно Освенцим парадигмой голой жизни и отклоняющего идею сближения Освенцима и ГУЛАГа [Пензин, 2007], постулирует гомогенность фигуры прошедшего точку невозврата к человеческому состоянию узника Освенцима — мусульманина и узника ГУЛАГа — доходяги. Для Подороги и тот и другой пережили ужас человеческого позора и унижения, выходящий за все представимые пределы, собственным телом [Подорога, 2015а: 141]. «Тело доходяги, — пишет философ, — в своей физической открытости (“искаленности”) есть единственное и полноценное свидетельство, он свидетельствует собственным телом. Речь идет о технологиях прямого пыточного насилия: человеческое тело — единственный объект для громадной пыточной машины ГУЛАГа, заставляющей *работать* (когда ты почти доходяга), *быть здоровым* (когда ты почти труп), *быть активным и полнокровным* (когда тебя уничтожает холод), *быть сытым* (когда ты умираешь с голоду)» [там же: 126].

Этот лагерный опыт как состояние имманентности человеческой субъективности телу, на взгляд Подороги, очень точно описывает в своем цикле рассказов и очерков «Колымские рассказы» В. Шаламов, показывая реальность, не совместимую ни с чем человеческим, и, главное, ситуацию полного распада человеческого [там же: 46, 70, 141]. В данной связи Подорога приводит вопросы, которыми задается Шаламов (примечательно, что они перекликаются с вопросами пережившего Освенцим П. Леви в его книге «Человек ли это?»): «У какой последней черты теряется человеческое? Как обо всем этом рассказать?» [там же: 120]. Философ убежден, что «распад наступает тогда, когда выживание становится основной потребностью на каждый момент лагерной жизни. Чуть ли ни ежесекундно. Не раз и не два В.Ш. говорит об *отрицательном* опыте лагере» [там же]. Этот отрицательный опыт, составляющий «катастрофу субъекта», может быть описан как особый опыт телесности. В нем все человеческое существование сведено к тому состоянию телесного чувства, которое имеется в данный момент: «Тело, взятое в своей органико-биологической связности, имеет определяющее значение, оно не в силах выйти за границы выживания. В центре лагерного опыта В.Ш. — человеческое тело и его способность к выживанию в исключительных ситуациях, когда угроза уничтожения и смерти чрезмерно высока» [там же: 121].

С позиции Подороги, описанная Шаламовым имманентность лагерного опыта телу превышает степень имманентности, которую предполагает агамбеновское понятие голой жизни, поэтому данное понятие не совсем подходит для обозначения такой степени имманентности телу, так как выражает лишь внешнюю

оценку — позицию вменяемого стыда, как если бы под взглядом Другого тот, кого довели до такого нечеловеческого состояния, должен был бы испытывать стыд. «Но этого не происходит, в лагере нет ни авторитетного Другого, ни самого стыда, ни собственно “голой жизни”» [там же: 130].

В отличие от Рыклина, интерпретирующего Шаламова как автора, пишущего о сохранении человеческого в нечеловеческих условиях [Рыклин, 2008: 21], Подорога прочитывает лагерный опыт в описании Шаламова как ситуацию, в которой человеческое не может сопротивляться и осуществлять нравственный выбор. Поэтому жест сопротивления лагерному режиму изображается в поэтике Шаламова только как рекреация природного, нечеловеческого — например, оживание ветки лиственницы, привезенной из лагерных мест, в банке с водой в московской квартире умершего на Колыме русского поэта [Подорога, 2015а: 93]. Иными словами, в тоталитарных режимах создаются условия для тотальной гуманитарной катастрофы такого уровня, которого не могут достигать процессы расчеловечивания в обществах массового потребления.

Таким образом, Подорога описывает два типа катастрофы — американскую и тоталитарную — как настолько различные, несовпадающие одна с другой, что неуместным на первый взгляд кажется любой вопрос о том, что может быть общего между ними и можно ли их как-то помыслить вместе, несмотря на разделяющую их пропасть.

Однако в определенный исторический момент, период после распада СССР (1990-е годы), когда между либерально-демократическим Западом и посттоталитарным Востоком предпринимались попытки сближения, налаживания культурных мостов, у интеллектуалов Востока и Запада появилась надежда на то, что различия между культурами первого и второго миров не так велики и непреодолимы, как представлялось, что между ними вполне возможны профессиональная прозрачная коммуникация, диалог и что, как формулирует Е.В. Петровская, «освободившись от идеологических препон, можно сделать что-то вместе» [Петровская, 1999]. Тогда же профессор политической теории Корнеллского университета С. Бак-Морс, теоретик левой идеи, приступила к работе над книгой «Мир грез и катастрофа» (опубликована в 2002 году), в которой описала ситуацию общей, совместной американо-советской катастрофы встречи/невстречи Востока и Запада. Основными героями книги с бывшей советской стороны стали В.А. Подорога, М.К. Рыклин и Е.В. Петровская, а кульминацией — знаковая международная конференция в Дубровнике в октябре 1990 года [Buck-Morss, 2002].

Возможность совместного переживания опыта катастрофы, по мнению Бак-Морс, была обусловлена, во-первых, общностью

С.В. Жеребкин
Некоторые подходы к изучению теории катастроф в философии Валерия Подороги

катастрофы массовых утопий, которые определяли культурный проект XX столетия как в первом (западном), так и во втором (восточно-европейском) мирах [ibid.: 276], а во-вторых, общностью катастрофы фантазий, или грез, достигшей одновременно критических интеллектуалов Запада и Востока, которым сам факт присутствия в мире какого-то альтернативного их собственному социополитического проекта обеспечивал поддержку их надежд на возможности переустройства общества. «Для критически настроенных мыслителей с Востока, — пишет Бак-Морс, — существование несоциалистического Запада подтверждало мечту о том, что социальная жизнь может быть “нормальной”. Для их коллег с Запада существование некапиталистического Востока подтверждало мечту о том, что капиталистическая система Запада не является единственно возможной формой современного производства. Естественно, все мы знали, что другая сторона не была идеальным воплощением нашей мечты. Однако сам факт существования иной системы был достаточно веским доказательством, позволяющим нам думать, что воплощение нашей мечты возможно, что есть что-то “нормальное”...» [ibid.: 238–239].

Конечно, в терминах концепции катастроф Подороги описанный Бак-Морс случай крушения метафизических грез интеллектуалов по обе стороны бывшего железного занавеса вряд ли можно определить как событие-катастрофу. Скорее можно говорить об определенном разочаровании в воображаемом большом Другом, которое на самом деле обнаружилось только у одной стороны — западных левых интеллектуалов. Для них несогласие в Дубровнике означало упущение еще одного шанса для реабилитации левого проекта и крах надежды на то, что после ослабления партийной власти СССР сможет трансформироваться в общество некапиталистического типа. Их предупреждающий месседж об опасностях и антигуманности капитализма не был услышан представителями бывшего Восточного блока, стремившимися обрести в капитализме долгожданную «нормальность». В итоге от социализма на Востоке быстро ничего не осталось — его просто сменил обычный капитализм*. Как вынужден был констатировать

* В этой связи вспоминается история, которая произошла в 1996 году в департаменте государственного управления Корнеллского университета, где С. Бак-Морс работала профессором и где я тогда был на стажировке. Офис Сюзан находился на том же этаже, что и мой, и я заметил, что к ней несколько раз в неделю приходит миловидная девушка с латиноамериканскими чертами лица. После того как в очередной раз мы вдвоем столкнулись в коридоре, Сюзан, несколько смущаясь, сообщила мне, что это ее учительница испанского языка. «Ведь Фидель Кастро скоро умрет, — объяснила Сюзан свой интерес к испанскому, — и вдруг на Кубе все произойдет по-другому, не так, как у вас».

Ж. Деррида после второй поездки в Москву (1993), «преобразования здесь в очередной раз не удались» [Рыклин, 2005: 161], хотя во время своего первого визита в Москву (1989) он был впечатлен энтузиазмом перестроечной политической активности советских масс, когда даже известные академические ученые, устремившись в политику, стали депутатами. «Был на самом деле очень короткий момент [1989–1991], — вспоминает Бак-Морс, — когда могло произойти что-то действительно существенное, отличное [от прошлого] и внушающее надежды. Тогда было много энергии, и казалось, что дружбы отдельных людей и их личных отношений будет достаточно для того, чтобы изменились институты. У меня такое чувство, будто нам тогда казалось, что мы обладаем властью. Сейчас это чувство лично у меня испарилось» [Рыклин, 2002а: 182–183].

Однако, вопреки тезису Бак-Морс о совместном разочаровании, для постсоветских интеллектуалов, в отличие от западных, в 1990-е никакой катастрофы не произошло и они ни в чем не разочаровались. Так, в 1998 году Рыклин в интервью с Бак-Морс в ответ на признание, что она после Дубровника ощущает полное разочарование и что конференция, по ее мнению, обернулась неудачей, возражает: «По мне она была довольно успешной» [там же: 199].

Конечно, после распада СССР начались инфляция, потеря слоев населения, обнищание большинства населения. Но в то же время у постсоветских «прекаризовавшихся» интеллектуалов появились новые, невиданные при социализме возможности — поездки за границу, в том числе в США, на стажировки, конференции, чтения лекций и т.д. В бывших советских республиках открылись представительства западных фондов, которые начали выдавать научные гранты. По оценке Петровской, 1990-е, несмотря на чудовищный кризис, — время радикальных художественных проектов и подлинного книжного прорыва [Петровская, 1999], когда новые невероятные перспективы открылись для издателей интеллектуальной литературы, переводчиков: сколько всего нового, еще недавно запретного предстояло прочитать, перевести и опубликовать. И все нарабатанное в период «тоталитарной паузы» извлечь из «тоталитарной капсулы» и конвертировать на Запад. Ведь открыли же в свое время Западу Бахтина! А теперь на очереди Мамардашвили, Ильенков, Бибихин, а там, глядишь, и их учеников начнут переводить и читать на Западе...

Несмотря на трудности периода посткоммунистической трансформации к капитализму и прошлый тоталитарный опыт, постсоветские интеллектуалы стали смотреть в будущее с оптимизмом и убеждать западных в том, что они с ними не такие уж разные. В упомянутом выше интервью 1998 года с Бак-Морс Рыклин

С.В. Жеребкин
Некоторые подходы к изучению теории катастроф в философии Валерия Подороги

настаивает на том, что отличие советского опыта от западного переоценивается и своеобразие советского опыта не исключает определенных сходств с западным. «Это дает нам возможность, — утверждает Рыклин, — говорить на языке, понятном мировому интеллектуальному сообществу, не впадая в экзотизм, но и не принося в жертву ключевые аспекты местного опыта» [Рыклин, 2002а: 197]. И далее: «...не сомневаюсь, что то, что мы в этой стране делали в течение последних пятнадцати лет, со временем будет востребовано в Европе, найдет там своего читателя» [там же]. А на заданный в том же интервью вопрос Бак-Морс: «Миша, я надеюсь, что ты не считаешь, что русские окажутся для западных людей достаточно экзотичными для того, чтобы захватить свою долю интеллектуального рынка? Что они коммерциализуют свою друговость?» — Рыклин отвечает: «Нет, моя мысль не в том, что Россия получит свою долю рынка благодаря своей экзотичности. Просто мы в этой стране имели опыт, который трагически недоосмыслен. В самом этом опыте нет ничего экзотического; это такой же всемирно-исторический опыт, как и капиталистический, к тому же генеалогически с ним связанный. Запад запаковал этот опыт в капсулу тоталитаризма, и его непросто оттуда извлечь» [там же: 198].

Как видим, маркировка советского как тоталитарного атрибутируется Рыклиным Западу, фиксированному на различии западного и советского культурного опыта, причем последний маркируется Западом как «экзотичный», запаковывается в «тоталитарную капсулу» и одновременно становится объектом интенсивных духовных инвестиций западной, в том числе американской, интеллигенции, особенно левых, марксистов, в Октябрьскую революцию, которые, по словам Рыклина, «были столь велики, что не позволяют без сопротивления менять травматическую изнанку советского опыта даже сейчас, через много лет после распада СССР» [Рыклин, 2008: 24].

Проходят годы, начинается новое столетие и уже в 2006 году, спустя 16 лет после конференции в Дубровнике, Подорога на встрече с западными коллегами, организованной для обсуждения произошедших в наших странах после Дубровника перемен, в противовес западной тенденции на экзотизацию советского опыта как тоталитарного и вопреки утверждению Деррида о том, что «преобразования здесь в очередной раз не удались», отнюдь не склонен определять постсоветские трансформации в терминах неудачи и разочарования в наступившем в России капитализме. Скорее Подорога оценивает формирующееся в России новое общество по критерию развития демократии и свободы, утверждающихся несмотря на груз тоталитарного наследия советского

прошлого: «...идеи демократии, свободы являются сейчас в целом высоко ценными. Я думаю, что все достижения последних шестнадцати лет — ощущение большей свободы, то есть независимость и отторженность от государства, постепенно укрепляется как очень высокого качества ценность» [Утопия и диалектика, 2006: 51]. В ответ на ироничный вопрос Ф. Джемисона о том, хорошо ли в России живется при капитализме, Подорога замечает: «Критика Фреда нацелена на то, чтобы показать, насколько сегодня ухудшилась ситуация: человек утрачивает уже начальные, формальные свободы, которыми гордилась западная ситуация. У нас же происходит совершенно другое: часть людей, которая была лишена всех возможных прав, начинает учиться обретать какие-то права. Устанавливается режим так называемой формальной свободы, и Путин в качестве авторитарного персонажа пока не посягает на нее» [там же: 56].

Тональность даваемых Подорогой оценок постсоветских трансформаций меняется только в начале 2010-х годов, когда философ начинает фиксировать не разрыв с тоталитарной традицией, но преемственность в стратегиях российской власти. «Традиционный тип отечественной власти, — констатирует он, — никак не изменился. Это все те же основные приемы, которые когда-то были объявлены Достоевским: тайна, чудо, авторитет» [Подорога, 2015а: 170]. Соответственно, в этот период в текстах Подороги происходит переоценка 1990-х, ранее рассматривавшихся им как этап в развитии свободы и демократии. «Отрицательный опыт 1993–1996 годов в последующие годы с некоторым повышением уровня жизни и временной стабилизацией с поразительной быстротой вытесняется из социальной памяти, — пишет Подорога в статье 2012 года. — Общая масса населения, отброшенная на уровень примитивного выживания, — территория национального бедствия — впала в историческое беспомыслие, как только уровень благосостояния немного поднялся. Эту краткую память национальной истории как отшибло, она замещается нелепой и оскорбительной для бесчисленных жертв прежних режимов ностальгией по советскому, вытеснением боли и ложью правящих. Все уже забыли, что еще недавно были жертвами разбоя, оскорблений, недоедания и нищеты, свидетелями войн, кровавых разборок и убийств. А ведь прошла всего пара десятилетий» [там же: 146].

При этом установившийся в России капитализм не рассматривается Подорогой и его единомышленниками, в отличие от западных марксистов, как причина превращения бывшего СССР в «территорию национального бедствия» в 1990-е. Скорее капитализм, который понимается Рыклиным как необходимое условие

С.В. Жеребкин
Некоторые подходы к изучению теории катастроф в философии Валерия Подороги

технического прогресса («Но технологический прогресс — это и есть капитализм. Никакой другой технологии просто нет» [Рыклин, 2002а: 189]), оценивается Подорогой как «нормальное» общество, разумной альтернативы которому не существует.

Выстраивая оппозицию «нормального» и «ненормального» общества, Подорога в продолжение хода мысли Мамардашвили подразумевает под «нормальным» обществом режим западной неolibеральной демократии, в которой, по его мнению, стихийные, насильственные силы находятся под контролем правовых институций. «В нормальном, “здоровом” обществе силы абсолютного Зла, — пишет Подорога, — жестко контролируются, они оттеснены на периферию, маргинализованы, подавлены. Их крайняя опасность для общества в том, что это силы чисто стихийные, лишённые разума, собственной воли и цели, они действуют с непогрешимостью серийного маньяка и убийцы-сомнамбулы, т.е. совершенно в автоматическом режиме (так действует сегодня опытный киллер, хладнокровно устраняющий жертву контрольным выстрелом в голову; так действует безымянный и всеобщий “Мавроди” — строитель великих пирамид; так действуют адвокаты ОПГ и черные копатели, черные риэлторы, черные рэйдеры, захватывая “чужое” с ведома и по прямой поддержке чиновников и судей). Образовался класс, сформировавший этот новый народный гештальт и не дающий уйти ему со сцены новых десятилетий. Прототипом постсоветского Господина-монстра является криминальный тип, *Nomo criminalis*» [там же: 150].

Ненормальное, избегающее «власти нормализации» (М. Фуко) общество — это сталинский и постсталинский тоталитаризм, существующий в своем собственном неповторимом времени, которое Подорога определяет как «тоталитарную паузу». Последняя представляет собой «не интервал и не пропуск, а полное отсутствие чего бы то ни было» [Подорога, 2010а: 19]. В понимании Подороги «тоталитарная пауза», 1924–1985 годы, — уникальное темпоральное образование, нечто вроде воронки времени, втягивающей в себя любое другое историческое время, но время, что «течет» внутри «тоталитарной паузы», является мифогенным (коммунистический миф) и никогда не сможет войти в состав мирового времени [там же: 21].

Рыклин в своих работах начала 2000-х также описывает тоталитаризм в СССР как уникальный (даже на фоне гитлеровского нацизма) тоталитарный политический режим — «единственный, который прошел полный цикл своего развития» [Рыклин, 2002в: 25], приведший к неповторимой антропологической катастрофе — созданию человека особенного типа, советского человека (*Nomo sovieticus*), адаптивные способности которого оказались настолько

велики, что позволяют ему эффективно функционировать и сегодня, спустя десятилетия после распада СССР, в образе так называемого постсоветского человека [Рыклин, 2016: 240]. «Часто иностранцы, — замечает Рыклин, — пишут о способности русского человека к бунту (цитируя пушкинское высказывание о “русском бунте, бессмысленном и беспощадном”), забывая, что нынешние власти имеют дело не с русским, а с постсоветским человеком, в котором на протяжении трех поколений каленым железом выжигали малейшее поползновение к бунту» [Рыклин, 2008: 54–55].

Неповторимое своеобразие советского человека происходит, полагает Рыклин, ссылаясь на исследование Шаламовым лагерного воровского мира, из невероятного калечащего эксперимента над людьми и возникновения новой *экономии преступления*, которая пережила советскую власть и которая была сформирована на основе смычки сталинской политической полиции и уголовников, «блатных», объявленных советской властью «социально близкими» и солидарных с ней в ведении беспощадной войны против всего человеческого, в том числе против частной собственности, с которой «блатные боролись не менее радикально, чем советская власть» [там же: 45–47]. Результатом этой тоталитарной экономики преступления стала, не сомневается Рыклин, такая организация общества, где моделью социального целого служит лагерь (такой, как его описал Шаламов), а законом оказывается нечеловеческий закон блатного мира, при котором комфортно себя чувствует только монструозная криминальная субъективность — *Nomo criminalis*, по выражению Подороги. Последняя способна к невероятным и бесчисленным трансформациям и мутациям, но ее невозможно лишить криминальной составляющей, в отличие от исследованной М. Фуко западной модели «исправимого индивида».

Итак, в концепции катастрофы, содержащейся в работах Подороги, только тоталитарная катастрофа оценивается в качестве подлинной, является катастрофой в собственном смысле слова — неповторимой и необратимой. Как уже говорилось, в отличие от американской катастрофы, проанализированной Подорогой на примере теракта от 11 сентября 2001 года, тоталитарная катастрофа не есть зрелище, в ней скорее реализуется механизм катастрофы как скрытого, которое ни при каких условиях не может быть разоблачено и объяснено. Причины и ход тоталитарной катастрофы никогда не удастся восстановить и до конца прояснить. Хотя, убежден Подорога, обстоятельства подобной катастрофы и связанных с ней преступлений против человечества, из которых до сих пор не сделаны выводы, обязательно необходимо расследовать (так же, как американцы расследовали причины катастрофы

С.В. Жеребкин
Некоторые подходы к изучению теории катастроф в философии Валерия Подороги

«9/11»), ведь ее забвение может привести к повторному тоталитаризму [Подорога, 2015а: 7].

Но был ли советский тоталитаризм такой невообразимой и исключительной катастрофой в чистом виде? Разве время «тоталитарной паузы» каким-то образом не вошло в мировое время посредством фильмов, снятых в СССР в 1960–1970-е годы М. Калатозовым, А. Германом, В. Меньшовым, С. Бондарчуком, Н. Михалковым и др., поэзии И. Бродского, философии М. Бахтина? Разве не было в «тоталитарной паузе» советского протестного мышления, исследуемого Подорогой на примере страсти к философии М. Мамардашвили, Г. Шедровицкого и в целом поколения шестидесятников, для которых страсть к знанию выступает как максимально выраженный протест против власти [Подорога, 2020: 8–9]? И разве современное поколение постсоветских людей, многие из которых родились уже после распада СССР, не стремятся реализовать в качестве политического субъекта, имеющего право на свой собственный нравственный выбор, несогласие с несправедливостью власти и стремящегося к демократизации и декриминализации своего жизненного мира?

Отвечая на эти и другие вопросы, возникающие в ходе попытки прочтения текстов В.А. Подороги, посвященных теме катастрофы, важно, на мой взгляд, прежде всего учитывать сложный, апоритический характер феномена катастрофы, ставящий субъекта в ситуацию неразрешимости (как данную ситуацию обозначил Ж. Деррида), когда субъект вынужден принимать решение, которое не может быть рационально аргументировано и не оставляет ему, в отличие от некатастрофической ситуации, различного рода проблем, трудностей, шансов на определенно успешное, позитивное завершение. Поэтому требование расследовать и рационально восстановить все причины и следствия состоявшегося события-катастрофы относится к категории требований, квалифицируемых в теории постмарксистского дискурса-анализа Э. Лаклау и Ш. Муфф как одновременно «необходимые и невозможные» [Laclau, 2001: xvii–xviii].

Следует отметить еще один аспект понятия катастрофы в философии В.А. Подороги — этический. В первом томе «Мимесиса» исследователь рассматривает вопрос о поводах к самоубийству. Ссылаясь на Ф.М. Достоевского, он отмечает, что эти поводы могут быть разные, в том числе кажущиеся незначительными, но главной причиной для самоубийства чаще всего становится острое чувство несправедливости, заставляющее самоубийцу искать наиболее действенные, на его взгляд, пути, чтобы исправить непоправимое, не допустить катастрофу, которую субъект не желает принять, понимая как невозможное. Особенно это характерно

для самоубийства у молодых людей, которым свойственно, как отмечает цитируемый Подорогой Достоевский, «сильное ощущение какой-то гнетущей *несправедливости*, мнительное раннее ощущение собственной ничтожности, болезненно развившийся вопрос: “Почему меня так все не любят?”, — страстное желание заставить жалеть о себе...» (курсив мой. — С.Ж.) [Подорога, 2019б: 198]. «В наши дни, — иллюстрирует мысль Достоевского на современных примерах Подорога, — молодой человек, проходящий службу в армии, получает письмо от девушки, которая объявляет ему, что теперь любит другого, он стреляется (опершись грудью на дуло автомата, спускает курок); школьник вешается из-за плохой оценки, юные влюбленные пары отправляются в последний путь из “окна самоубийц” — насколько помню, как будто это 10–12 этаж одной из башен МГУ на Ленинских горах (60–70 годы)... нескончаемый список расчетов с жизнью. А в последние годы “группы смерти” в Интернете, вербующие “несчастные” юные души» [там же: 198–199]. В подобных действиях молодых людей, приводящих к непоправимой катастрофе, Подорога диагностирует парадоксальную недооценку самоубийства, которая характерна для «бунтующей юности», рассматривающей все, что есть в жизни, с точки зрения бессмертия, в том числе собственную смерть. И защитой от такой недооценки и понимания жизни как триумфа бессмертия могло бы стать, как следует из его рассуждений, философское знание о катастрофе — знание о том, что для катастрофы нет ничего невозможного, что любая, даже самая непредставимая катастрофа возможна.

Понимание этического измерения катастрофы и связанно с ним представления о несправедливости и справедливости у В.А. Подороги перекликается с пониманием справедливости у Ж. Деррида, предлагающего особую этику деконструкции. В отличие от просветительской этики взросления, постулирующей (как в случае И. Канта), что для того чтобы стать этическим, субъекту необходимо стать взрослее, взять на себя ответственность за самостоятельное пользование своим собственным разумом, данная этика формулируется как этика заботы о справедливости, которую Деррида в своей книге о К. Марксе выражает в форме максимы: напоминать, что невозможное, к сожалению, всегда возможно, что абсолютное зло (например, зло тоталитаризма) всегда может случиться. Этическая задача деконструкции, по мысли Деррида, состоит в том, чтобы «постоянно напоминать, что это лишь самая ужасная возможность этого невозможного и заставляет желать справедливости: желанной силой права, но, следовательно, за пределами права» [Деррида, 2006: 244].

С.В. Жеребкин
Некоторые подходы к изучению теории катастроф в философии Валерия Подороги

В этом контексте становится понятен запрет, устанавливаемый в теории Деррида на деконструкцию справедливости: справедливость не может быть деконструирована, поскольку представляет собой последний защитный барьер, позволяющий оградить человечество от последствий ужасной катастрофы — впадения в состояние, которое Деррида определяет как «абсолютная жизнь», безраздельно господствующая жизнь, не ведающая катастрофы [там же: 244]. Представляется, что в данном направлении мысль Деррида, по крайней мере ее этическая составляющая, и мысль Подороги, несмотря на все различие их философской методологии, сближаются. Как говорил В.А. Подорога в одной из своих последних лекций, «я же защитник человечности» [Подорога, 2019а].

Some Approaches to the Theory of Catastrophe in Valery Podoroga's Philosophy

Sergey V. Zhrebkin

DSc in Philosophy, Head of the Kharkov Branch of Center for Human Education at the National Academy of Science of Ukraine.

124, apt. 26 Sumskaya Str., Kharkov 61023, Ukraine.

ORCID: 0000-0003-1929-6959

sergeyz@univer.kharkov.ua

Abstract. The article studies the analysis by V.A. Podoroga of the phenomenon of the catastrophe and its representation in literature, cinema and mass media. It is focused on the concept of “event-catastrophe” by Podoroga and its characteristics, including spectacularity as a feature of a catastrophe of a certain type, represented in the 9/11 terrorist attack, which, in the context of its analysis by Podoroga, can be defined as an “american catastrophe”. Author argued that in Podoroga’s texts on the temporality of totalitarian cultures, this type of catastrophe is opposed to the humanitarian catastrophe that occurred in concentration camps such as Auschwitz or GULAG, which, in contrast to the 9/11 terrorist attack, is so unimaginable and unique that it does not allow it to become a spectacle. The article concludes that, according to Podoroga, only totalitarian catastrophe is assessed as genuine, is a catastrophe in the proper sense of the word: unique and irreversible. Although, according to Podoroga, the circumstances of this catastrophe will always remain unclear and inexplicable, they must be investigated to exclude the possibility of a revival of totalitarianism. Special attention in the article is paid to the attempts of philosophers from Russia and the United States, after the collapse of the USSR, to overcome the cultural gap between the West and the East caused by the “totalitarian pause” and represented as the joint american-soviet catastrophe of the meeting/non-meeting of East and West in the book by S. Buck-Morss *Dreamworld and Catastrophe* (2002).

Keywords: event-catastrophe, american catastrophe, post-catastrophic time, “totalitarian pause”, Auschwitz, GULAG, Dubrovnik.

For citation: Zherebkin S.V. Some Approaches to the Theory of Catastrophe in Valery Podoroga's Philosophy // *Chelovek*. 2022. Vol. 33, N 1. P. 100–121. DOI: 10.31857/S023620070019077-1

С.В. Жеребкин
Некоторые подходы к изучению теории катастроф в философии Валерия Подороги

Литература/References

Агамбен Дж. *Homo sacer*. Что остается после Освенцима: архив и свидетель / пер. с итал. И. Левиной, О. Дубицкой, П. Соколова. М.: Европа, 2012.

Agamben G. *Homo sacer. Chto ostaetsya posle Osvenzima: arhiv i svidetel'* [Homo Sacer. Remnants of Auschwitz: The Witness and the Archive], transl. from Ital. by I. Levina, O. Dubitskaya, P. Sokolov. Moscow: Europe Publ., 2012.

Деррида Ж. Призраки Маркса: Государство долга, работа скорби и новый интернационал / пер. с фр. Б. Скуратова; под общ. ред. Д. Новикова. М.: Logos-altera: Ecce homo, 2006.

Derrida J. *Prizraki Marksa: Gosudarstvo dolga, rabota scorbi i novyi international* [Specters of Marx: The State of the Debt, the Work of Mourning and the New International], transl. from French by B. Skuratov; ed. by D. Novikov. Moscow: Logos-altera: Ecce homo Publ., 2006.

Дюпюи Ж.-П. *Малая метафизика цунами* / пер. с фр. А. Захаревич. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019.

Dupuit J.-P. *Malaya metafizika tsunami* [A Short Treatise on the Metaphysics of Tsunamis], transl. from French by A. Zakharevich. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publ. House, 2019.

Миронов В. Событие: Бог мертв, или Прорыв по ту сторону сознания. Подорога и Ницше // *Синий диван: Философско-теоретический журнал* / под ред. Е.В. Петровской. [Вып. 9]. М.: Три квадрата, 2006. С. 262–267.

Mironov V. *Sobytiye: Bog mertv, ili Proryv po tu storonu soznaniya. Podoroga i Nietzsche* [Event: God is Dead, or Breakthrough Beyond of Consciousness. Podoroga and Nietzsche]. *Sinii Divan: Philosophical and theoretical journal*, ed. by H.V. Petrovsky. [Iss. 9]. Moscow: Tri kvadrata Publ., 2006. P. 262–267.

Пензин А. Профанация профанаторов, или Джорджо Агамбен на Московской биеннале // *Художественный журнал*. 2007. № 65–66 [Электронный ресурс]. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/26/article/453> (дата обращения: 12.08.2021).

Penzin A. *Profanatsiya profanatorov, ili Giorgio Agamben na Moskovskoi biennale* [Profanation of Profanators, or Giorgio Agamben at the Moscow Biennale]. *Moscow Art Magazine*. 2007. N 65–66 [Electronic resource]. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/26/article/453> (date of access: 12.08.2021).

Петровская Е. Этот смутный образ 90-х // *Художественный журнал*. 1999. № 25 [Электронный ресурс]. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/76/article/1650> (дата обращения: 08.12.2021).

Petrovsky H. *Etot smutnyi obraz 90-h* [This Vague Image of the 90's]. *Moscow Art Magazine*. 1999. N 25 [Electronic resource]. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/76/article/1650> (date of access: 12.08.2021).

Подорога В. *Апология политического*. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010а.

- Podoroga V. *Apologia politicheskogo* [Apology for the Political]. Moscow: St. University — Higher School of Economics Publ. House, 2010a.
- Подорога В. *Время После. Освенцим и ГУЛАГ: Мыслить абсолютное Зло*. М.: Leterra.org: Логос, 2015a.
- Podoroga V. *Vremya Posle. Osventsim i GULAG: Myslit' absolutnoe Zlo* [Time After. Auschwitz and the GULAG: Thinking Absolute Evil]. Moscow: Leterra.org: Logos Publ., 2015a.
- Подорога В. *Гибель Twinpeaks // Материалы к заседанию клуба «Красная площадь» 22 мая 2006 года. Тема заседания «Мечта и катастрофа: смена прописей мира»*. М., 2006. С. 67–79.
- Podoroga V. *Gibel' Twinpeaks [Collapse of Twinpeaks]. Materialy k zasedaniyu kluba "Krasnaya ploshchad'" 22 maya 2006 goda. Tema zasedaniya "Mechta i katastrofa: smena propisei mira"* [Materials of the "Red Square" Club Meeting on May 22, 2006. The Topic of Meeting "Dream and Catastrophe: Changing the World's Ways"]. Moscow, 2006. P. 67–79.
- Подорога В. *Общее чувство. Естественные границы искусственного*. Лекция. 14.07.2019a. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dXTvRzcUREQ> (дата обращения: 12.08.2021).
- Podoroga V. *Obschee chuvstvo. Estestvennye granitsy iskusstvennogo. Lektsia* [General Feeling. The Natural Boundaries of the Artificial. A lecture]. 14.07.2019a. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dXTvRzcUREQ> (date of access: 12.08.2021).
- Подорога В. *Рождение двойника: План и время в литературе Ф. Достоевского*. М.: РИПОЛ классик, 2019б.
- Podoroga V. *Rozhdenie dvoynika: Plan i vremya v literature F. Dostoevskogo* [The Birth of a Double: Plan and Time in F. Dostoevsky's Literature]. Moscow: RIPOI classic Publ., 2019b.
- Подорога В. *Скрытое и разрушенное. Насилие в современном кинематографе (подходы к теме) // Синий диван: Философско-теоретический журнал / под ред. Е.В. Петровской. [Вып. 20]. М.: Три квадрата, 2015б. С. 97–128.*
- Podoroga V. *Skrytloe i razryshennoe. Nasilie v sovremennom kinematografe (podkhody k teme)* [Hidden and Destroyed. Violence in Modern Cinema (Approaches to the Topic)]. *Sinii divan: Philosophical and theoretical journal*, ed. by N.V. Petrovsky. [Iss. 20]. Moscow: Tri kvadrata Publ., 2015b. P. 97–128.
- Подорога В. *Событие и масс-медиа. Некоторые подходы к проблеме // Синий диван: Философско-теоретический журнал / под ред. Е.В. Петровской. [Вып. 14]. М.: Три квадрата, 2010б. С. 35–62.*
- Podoroga V. *Sobytie i mass-media. Nekotorye podkhody k probleme* [Event and Mass Media. Some Approaches to the Problem]. *Sinii divan: Philosophical and theoretical journal*, ed. by N.V. Petrovsky. [Iss. 14]. Moscow: Tri kvadrata Publ., 2010b. P. 35–62.
- Подорога В.А. *Топология страсти. Мераб Мамардашвили: современность философии*. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2020.
- Podoroga V.A. *Topologia strasti. Merab Mamardashvili: sovremennost' filosofii* [Topology of Passion. Merab Mamardashvili: The Modernity of Philosophy]. Moscow: Kanon+: ROOI "Reabilitatsiya" Publ., 2020.
- Рыклин М. *Время оперативной власти: Письма 2003–2016*. М.: Lettera.org: Логос, 2016.

- Ryklin M. *Vremya operativnoi vlasti: Pis'ma 2003–2016* [Time of Operational Power: Letters 2003–2016]. Moscow: Leterra.org: Logos Publ., 2016.
- Рыклин М. Место утопии есть всегда. Беседа с Сюзан Бак-Морс // Рыклин М. Деконструкция и деструкция: Беседы с философами. М.: Логос, 2002а. С. 182–203.
- Ryklin M. Mesto utopii est' vseгда. Beseda s Syuzan Bak-Mors [There is Always a Place for Utopia. Conversation with Syuzan Buck-Morss]. Ryklin M. *Deonstruksiya i destruksiya: Besedy s filosofami* [Deconstruction and Destruction: Conversations with Philosophers]. Moscow: Logos Publ., 2002а. P. 182–203.
- Рыклин М. Послесловие. Апокалипсис сегодня // Рыклин М. Деконструкция и деструкция: Беседы с философами. М.: Логос, 2002б. С. 240–269.
- Ryklin M. Posleslovie. Apokalipsis segodnya [Afterword. Apocalypse Now]. Ryklin M. *Deonstruksiya i destruksiya: Besedy s filosofami* [Deconstruction and Destruction: Conversations with Philosophers]. Moscow: Logos Publ., 2002б. P. 240–269.
- Рыклин М. Пространства ликования: Тоталитаризм и различие. М.: Логос, 2002в.
- Ryklin M. *Prostranstva likovania: Totalitarizm i razlichie* [Spaces of Rejoicing: Totalitarianism and Difference]. Moscow: Logos Publ., 2002в.
- Рыклин М. Пятнадцать лет спустя. Заметки о Жаке Деррида // Синий диван: Философско-теоретический журнал / под ред. Е.В. Петровской. [Вып. 6]. М.: Три квадрата, 2005. С. 155–164.
- Ryklin M. Pyatnadsat' let spustya. Zаметki o Zhake Derrida [Fifteen Years After. Notes on Jacques Derrida]. *Sinii divan: Philosophical and theoretical journal*, ed. by H.V. Petrovsky. [Iss. 6]. Moscow: Tri kvadrata Publ., 2005. P. 155–164.
- Рыклин М. Свобода и запрет: Культура в эпоху террора. М.: Логос: Прогресс-Традиция, 2008.
- Ryklin M. *Svoboda i zapret: Kultura v epokhu terrora* [Freedom and Prohibition: Culture in the Era of Terror]. Moscow: Logos: Progress-Traditsiya Publ., 2008.
- Утопия и диалектика. Беседовали: Валерий Подорога, Фредрик Джеймисон, Владимир Миронов, Елена Петровская, Олег Аронсон, Андрей Парамонов, Джонатан Флэтли, Питер Фиттинг // Синий диван: Философско-теоретический журнал / под ред. Е.В. Петровской. [Вып. 9]. М.: Три квадрата, 2006. С. 43–74.
- Utopia i dialektika [Utopia and Dialectics]. Besedovali [Conversation]: Valerii Podoroga, Fredric Jameson, Vladimir Mironov, Helen Petrovsky, Oleg Aronson, Andrei Paramonov, Jonathan Flatley, Peter Fitting. *Sinii divan: Philosophical and theoretical journal*, ed. by H.V. Petrovsky. [Iss. 9]. Moscow: Tri kvadrata Publ., 2006. P. 43–74.
- Buck-Morss S. *Dreamworld and Catastrophe: The Passing of Mass Utopia in East and West*. Cambridge, MA; London: The MIT Press, 2002.
- Butler J. Why Donald Trump Will Never Admit Defeat. *The Guardian*. 20.01.2021 [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/jan/20/donald-trump-election-defeat-covid-19-deaths?fbclid=IwAR1yM-9wr3Yc24w9icLDulYVqy76go3UovLt-qC1hRM3gSkA5tfJ3gyBR3A> (date of access: 12.08.2021).
- Heidegger M. Wozu Dichter. Heidegger M. *Holzwege Gezamtausgabe*. Bd. 5. Frankfurt am Main: Vittorio Klosterman, 1977. S. 312.
- Laclau E., Mouffe Ch. *Hegemony and Socialist Strategy: Toward a Radical Democratic Politics*. London; New York: Verso, 2001.

С.В. Жеребкин
Некоторые подходы к изучению теории катастроф в философии Валерия Подороги

DOI: 10.31857/S023620070019078-2

©2022 С.В. ОБОЛКИНА

КИБОРГ В «ЗЕРКАЛЕ» ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ (НА ПРИМЕРЕ ИГРЫ «КИБЕРПАНК 2077»)

Оболкина Светлана Викторовна — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора истории и философии науки.

Институт философии и права УрО РАН.

Российская Федерация, 620108 Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, д. 16.

ORCID: 0000-0002-6644-104X

obol2007@mail.ru

Аннотация. Цель исследования — анализ Киборга как футурологической фигуры. Философская рефлексия позволяет расширить интерпретацию Киборга, не ограничивая ее тавтологическим смыслом о комplementации человека и машины. Методологическая основа исследования связана с методом топологической рефлексии, который позволяет анализировать произведения массового искусства как «подсознание» культуры. Предлагается анализ топоса и концепта Киборга и их сопоставление. В качестве топоса Киборга в статье рассмотрена компьютерная игра «Киберпанк 2077». Концепт киборга проанализирован главным образом на примере философской концепции «киберготики» (Н. Ланд). Автор предлагает мысленный эксперимент: учитывая доводы «материалистического» направления медиатеории и ориентируясь на концепт Киборга, представить концепцию игры о Киборге и сравнить ее с анализируемым топосом. В результате становится ясно, что концепт и топос Киборга представляют собой противоположные культурные стратегии, хотя речь идет об одной и той же футурологической фигуре. Этот внутренний конфликт позволяет говорить о протестических чертах фигуры

Киборга: он «многолик» и связан с «искусством утаивания». «Утаиваемыми» оказываются наиболее глубокие интенции, которые не позволяют рассматривать Киборга в качестве «представителя» исключительно трансгуманистического проекта. Автор показывает, что коннотации машины в этой фигуре связаны с потребностями «апгрейда», которые, однако, призваны сохранить человеческую идентичность.

Новизна исследования заключается в разработке рефлексивного подхода к значимой фигуре медиареальности и ее футурологическому потенциалу. Дифференциация на концепт и топос позволяет более объемно взглянуть на сложное культурное явление и предложить новую интерпретацию Киборга. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в философской футурологии (в качестве доводов против избыточного оптимизма трансгуманистических идей), в исследованиях медиа. Кроме того, предложенный подход может внести свою лепту в развитие метода топологической рефлексии.

Ключевые слова: киборг, футурология, трансгуманизм, концепт, топос, идентичность человека, протеизм.

Ссылка для цитирования: Оболкина С.В. Киборг в «зеркале» философской рефлексии (на примере игры «Киберпанк 2077») // Человек. 2022. Т. 33, № 1. С. 122–138. DOI: 10.31857/S023620070019078-2

С.В. Оболкина
Киборг в «зеркале» философской рефлексии (на примере игры «Киберпанк 2077»)

Предмет исследования

Фигура Киборга известна нам как художественный образ жанра киберпанк, как футурологический «персонаж» преимущественно трансгуманистического дискурса или в качестве (само)названия людей, чья инвалидность восполнена высокотехнологическими артефактами. Между этими интерпретациями нет явной границы, поскольку человек с биопротезом может назвать себя киборгом, отсылая к известным образам киноискусства; трансгуманист, указывая на человека с биопротезом как на элемент нашей повседневности, может обосновывать неизбежность наступления эры киборгизации и т.д. Но концептуальные рамки все же нужны, чтобы Киборг мог стать предметом философского исследования. В качестве главных направлений такого исследования можно назвать биоэтический, антропологический, футурологический (шире — прогностический) и культурологический аспекты. Однако не все они равным образом сосредоточены на Киборге.

К примеру, исследования в области нейрокомпьютерного интерфейса, напрямую относящиеся к созданию киборгов, породили нейроэтику. Известный исследователь в области нейрофилософии Д.И. Дубровский выделяет два основных аспекта нейроэтики:

исследования нейрокорреляций этически значимых свойств сознания и вопросы этической регуляции исследований личности методами нейронауки [Дубровский, 2020: 25]. То есть основной предмет нейроэтики — человек, а не киборг.

Антропологическое исследование в контексте темы киборгизации задает вопросы о связи техногенеза и антропогенеза; формируются направления трансформативной антропологии. Например, синергичная антропология С.С. Хоружего показывает, что Киборг — это одна из трех (кроме Мутанта и Клона) основных видов мифологемы Постчеловека как «ведущего антропологического тренда» [Хоружий, 2008: 11]. Но все же не Киборг, а человек — главный предмет философской (в том числе синергичной) антропологии.

Центральной фигурой Киборг выступает, пожалуй, только для футурологии трансгуманистического извода, утверждающей, что человечество достигнет исторического момента — сингулярности, который окажется концом «эры Человека» и началом следующего эволюционного этапа, связанного с Постчеловеком; Киборг — одно из воплощений Постчеловека или переходной стадии к нему (Трансчеловека).

Данное исследование ориентировано преимущественно на футурологический аспект фигуры Киборга, поскольку есть все основания считать: в этом моменте мы касаемся «болевого точки» современности.

Мы «выстраиваем» себя сегодняшних, вглядываясь в образ нас завтрашних, и искусство, ориентируясь в том числе и на постгуманистическую футурологию, все чаще предлагает нам образ Киборга. Футурология — это не только «пророчество», которому можно верить или нет, но это еще и активная реализация «напророченного»¹. Футурологический аспект влияет на антропологический, биоэтический, политический и тому подобные аспекты. Например, уверенность в том, что сильный ИИ исполнит функции заботы и попечения о планете лучше, чем это делает человек, связано с пониманием сущности человека как существа, наделенного в первую очередь интеллектом. В свою очередь, это укрепляет данную антропологическую позицию и политические амбиции

¹ Институционально футурология представлена многими организациями, ставящими своей задачей развитие и утверждение трансгуманистических проектов. Руководители этих институтов — известные футурологи Н. Бостром (Институт изучения будущего человечества в Оксфорде) и Р. Курцвейл — автор концепции техносингулярности (Университет сингулярности в Кремниевой долине). Стоит упомянуть также Институт Экстропии (Extropy Institute) и Всемирную трансгуманистическую ассоциацию (World Transhumanist Association).

сторонников идеи оснащения человеческого мозга компьютерным контроллером. Складывается ситуация «самосбывающегося пророчества». Она может порождать раздражение в отношении модного образа массовой культуры или усиливать конспирологические настроения, но важнее другое: идее Киборга необходимо серьезное философское освоение.

Футурология мыслит Киборга слишком «буквально», не задаваясь вопросами о том, почему культуру так заинтересовало гипостазирование идеи слияния человека и машины. Философское исследование фигуры Киборга обязано «обременить» футурологию рефлексией: прежде чем решать, открывает ли Киборг будущее человечества, стоит понять, что скрывает он сам. Ведь Киборг прошел довольно долгий путь: он получил имя в 60-х годах, когда исследователи M. Clynes и N.S. Kline соединили «cybernetic» и «organism» («Для экзогенно расширенного организационного комплекса, бессознательно функционирующего как интегрированная гомеостатическая система, мы предлагаем термин “киборг”» [Clynes, Kline, 1960: 27]²). Далее он обрел облик в многочисленных произведениях искусства. А сейчас в «нише» трансгуманистической футурологии он получил статус «неизбежного будущего». Мы будем отстаивать тезис о том, что фигура Киборга, подвергнутая философской рефлексии, раскрывает мировоззренческий потенциал, во многом противоположный представлениям трансгуманизма; Киборг не столько открывает наше будущее, сколько утаивает от нас наши ожидания и чаяния.

Метод: концепт и топос

Философское исследование чаще всего сосредоточено на перипетиях понятия. Но в данном случае это вряд ли возможно: нет определенности ни в отношении объема, ни в отношении содержания понятия «киборг». Можно с уверенностью говорить лишь о том, что мы подразумеваем комплементацию человека и машины, в результате которой появляется нечто, принципиально отличное от агентов этого слияния. В отношении же природы и сути этой новой сущности определенности нет. Киборг определяется, скорее, апофатически, в духе «Болонской эпитафии» некой(ему) Элии Лелию Крисп: «Это ни мужчина, ни женщина,

С.В. Оболкина
Киборг в «зеркале» философской рефлексии (на примере игры «Киберпанк 2077»)

² Эти же авторы предложили понятие «бионический» (biology и electronic). Сегодня оно в большей степени относится к прикладным задачам, связанным с инвазивностью. Мы вынуждены оставить за рамками нашего исследования и это измерение темы киборгизации.

ни андрогин, ни девушка, ни юноша, ни старуха, ни девственница, ни блудница, ни скромница, но все это вместе взятое» [Юнг, 2003: 63]. Киборг — своего рода неалхимический «монстр», которого можно интерпретировать двояко: в качестве алхимической же «полезной смеси» или в качестве тайны и символа. Если за фигурой Киборга стоит только идея аугментации, то есть уподобления человека машине по параметрам эффективности, то основные вопросы задаются технологическому знанию. Но если он, скорее, тайна, то следует искать особую познавательную стратегию.

За основу этого поиска мы возьмем допущение онтологического реализма о том, что объекты не сводятся к нашим представлениям о них и, соответственно, исследование объектности какого-либо феномена не связано с задачами «отличить истинные представления от фантазмов» [Брайант, 2019: 183]. Мы можем ориентироваться в первую очередь на способность объекта влиять на ситуацию, быть актором³.

У нас нет и не может быть эпистемологического прямого доступа к Киборгу. Во-первых, потому что это фантастический персонаж и/или фигура будущего. Во-вторых, в силу того, что «мир заполнен прежде всего не электронами или человеческой деятельностью, а призрачными объектами — изымающими себя из любого человеческого и нечеловеческого доступа, доступными лишь через аллюзию и соблазняящими нас при помощи аллюра» [Harman, 2012: 12]. Киборг в современной культуре имеет огромный потенциал аллюра (очарования) — а значит, выступает одним из важных *топосов*.

«Топос» означает «место» или «фигуру речи». Аристотель различал невидимый «скелет» любой речи (*тоpoi*) и «частные энтимемы»; топы связаны с понятностью и убедительностью какого-либо примера, высказывания для всех людей. От риторической концепции аргументов Аристотеля берет свое начало понимание топоса как «общего места». Современные мыслители показывают, что «общим местом» может выступать не только речевой оборот, но и повторяющиеся сюжетные мотивы и узнаваемые изображения. Э. Хухтамо подчеркивает, что благодаря вечно живущей «культуре аттракционов» многие образы массовой коммуникации выступают топосами [Хухтамо, 2017; Huhtamo, Parikka, 2011].

³ Этот подход можно считать философским развитием социокультурного тезиса, известного как «теорема Томсона» («Если ситуация мыслится как реальная, то она реальна по своим последствиям»), латуровского тезиса об объективности как способности вещи «давать отпор» и т.д.

Для массового искусства важно угадывание подсознательных интересов публики, ведь «развлекательный» или «потребительский» пласт искусства связан с «рынком». Понимаемый в качестве экономического инструмента или многолюдной площади, именно рынок превосхищает потребность в определенных темах, героях и образах [Федоров, 2012].

Функция топоса связана не с открытием чего-то неизвестного, но с подтверждением всем известного. Это обретение понятности относительно погоды или Киборга сродни подмигиванию — им обмениваются те, кто объединен общностью места и судьбы. То есть понимание топоса как «общего места» предполагает наличие общности, которая имеет конкретику в климатическом, географическом, территориальном и тому подобном смысле — как подчеркивает В.В. Савчук, в пределах «общности выживания». «Топос объединяет место и дискурс, и географические особенности места, и способы коммуникации, и осуществление власти (дискурсивных практик)» [Савчук, 2012: 305]. Это «мысле-место» [там же: 152].

В указанном труде В.В. Савчука развивается метод топологической рефлексии, который в значительной степени определяет методологию данного исследования. Топологическая рефлексия позволяет выявлять те элементы культуры, которые связаны с ее самосохранением. Э. Хухтамо показывает, что исследование топосов — это эпистемологически значимый подход: «<...> методы просеивания культурного материала через медиа-археологические “топос-фильтры” могут быть полезны, и даже обеспечить нас весьма неожиданными результатами» [Хухтамо, 2017].

В данном исследовании в качестве топоса Киборга выбрана популярная компьютерная игра «Киберпанк 2077». В рамках другого исследования в качестве топоса Киборга автором была проанализирована кинематографическая франшиза «Призрак в доспехах» [Оболкина, 2020]. Выбор примера топоса Киборга был связан с задачей понимания того, насколько вообще возможно *глобальное* будущее, поэтому «Призрак в доспехах» был важен в силу резонансности одного и того же сюжета по различным культурным традициям.

В данном исследовании Киборг представляет интерес как своего рода представитель нашего будущего. В качестве примера топоса анализируется компьютерная игра, в которой, возможно, по максимуму использован потенциал массовых ожиданий в отношении Киборга. «Киберпанк 2077» — игра коммерческого уровня и, что важно, игра ожидаемая. Можно быть уверенным, что авторы игры сделали все, чтобы их детище «резонировало» с массовым предмнением. «Пользователи — это в высшей степени средняя

С.В. Оболкина
Киборг в «зеркале» философской рефлексии (на примере игры «Киберпанк 2077»)

часть населения (вспомним, что медиа отсылает к значению «середина, средний, посредник») [Савчук, 2012б: 39] — а нас в исследовании топоса интересует именно «среднестатистический», а не эксклюзивный интерес к Киборгу. «Киберпанк 2077» важен еще и тем, что активно использует ресурсы киноискусства. Ее герой — ставший уже культовым киборг Джонни Сильверхенд — имеет облик актера (Киану Ривза), который прочно ассоциируется со всей «вселенной» киберпанка благодаря своим популярным воплощениям в различных фильмах. Можно долго перечислять, почему именно эта игра создала своего рода «показательного» киборга, получила популярность и, соответственно, выступает удачным примером топоса Киборга. Но важнее всего то, что это именно компьютерная игра: будучи кибертекстом⁴, она максимально близка самому Киборгу (на этом моменте мы сосредоточимся позже).

Искусство предложило образ Киборга, синтезирующего узнаваемые черты репликантов из «Бегущего человека», киборгов «Призрака в доспехах» и многочисленных героев компьютерных игр. Но этот же «синтетический образ» оказывается героем многих философских исследований — в них формируется *концепт* Киборга.

Ж. Делёз и Ф. Гваттари определяют философию как «искусство формировать, изобретать, изготавливать концепты» [Делёз, Гваттари, 1998: 10]. В силу специфики французского языка нам непросто понять, о концепте или понятии идет речь у Делёза и Гваттари, но противоречия с широким пониманием концепта здесь нет: философские концепты — это предложение, которое философ делает культуре; он рекомендует принять смысл уже известного культуре феномена. Философия и родилась как особое соревнование в культуре, пронизанной духом агона [см., напр.: Билинский, 1997]. Результаты философских сражений «остывают» в виде признанных концепций и понятий — это «выжившая» интерпретация Истины (которая, несомненно, рано или поздно вновь будет оспорена).

Нас интересует актуальная философская интерпретация Киборга, но не столько ради нее самой, сколько в качестве сопоставления с топосом.

То, что мы предлагаем различать топос и концепт, хотя речь идет об одном и том же герое, может показаться казуистикой. Но дело в том, что даже одна и та же фигура, понятая в качестве

⁴ Э. Орсет вводит это понятие в рамках относительно новой философской дисциплины Game studies [см.: Aarseth, 1997].

концепта и топоса, может «разворачивать» разные смысловые пространства, поскольку культурная функция и топоса, и концепта связана с задачами выживания, но различным образом.

Если образ «работает» в качестве топоса, мы говорим о выживании определенного «культурного тела». Но в отношении концепта речь идет о «выживании» какой-то конкретной философской позиции (например, трансгуманизма). Если позиции концепта и топоса Киборга неразличимы в качестве транслируемых смыслов и ценностей, можно констатировать, что выбор культуры — нравится он нам или нет — уже сделан, и сейчас происходит его «разворачивание». Но если концепт и топос одной футурологической фигуры не конгруэнтны, мы имеем дело с соперничеством общего и частного смысла — это «материя», из которой прямо сейчас кроится наше будущее, и мы находимся еще в процессе его выбора. Поэтому далее мы более пристально рассмотрим концепт и топос Киборга, чтобы либо убедиться в их конгруэнтности, либо озадачиться дальнейшими вопросами.

Концепт и топос Киборга

Киборг как *философский* персонаж связан с тенденцией «рваться в Будущее», отключив все «охранные системы» культуры. Одним из первых это стремление реализует герой «Манифеста киборга» Д. Харауэй. Последующие философские манифестации Киборга обязательно учитывают, что он есть «конечная самость, оторванная, наконец, от всякой зависимости, человек в космическом пространстве» [Харауэй, 2016: 8]. «Киборги Харауэй, собранные из мифов, аффектов, машин, людей и животных, сулят интеллектуальное и политическое приключение в мире, в котором взрываются и растекаются все предустановленные границы, в мире культурно-природного полураспада» [Киборги из чрева беременного монстра..., 2017].

То есть содержание концепта Киборга всегда связано с задачей «снятия границ», и последующие реализации концепта Киборга «раздвигают» любые рамки, в том числе даже тематизацию Киборга как соединения человека с техническими артефактами. Это относится к «киберготике» Н. Ланда, где речь идет о «машинизме» — «нерепрезентативном потоке» безличного желанья [Ланд, 2018в: 43].

В своем анализе «машинного желанья» Ланд идет от Делёза и Гваттари, но критикует их за то, что «все их истории ведут обратно к Эдипу» [там же]. Философ испытывает пристрастие к корню «кибер», но критикует Р. Винера за верность «кибернетике

С.В. Оболкина
Киборг в «зеркале» философской рефлексии (на примере игры «Киберпанк 2077»)

безопасности», которая опирается на отрицательную обратную связь. Ланд предпочитает положительную обратную связь как схему «нарастающего взаимодействия, автокатализа, самовосстановливаемых процессов, эскалации, схизмогенеза, самоорганизации, компрессионных серий, дейтерообучения, цепных реакций, порочных кругов и кибернетики» [Ланд, 2018б: 66–67], то есть то, что расшатывает все скрепы и приводит к «киберреволюции». Ее итогом выступает «трансглобальная постбиологическая механизация» [там же: 38], когда «наш человеческий камуфляж снимается, кожа с легкостью отрывается, обнажая сверкающую электронику. Информация струится в нас из Киберии — базы истинной революции, сокрытой в будущем от земной иммунополитики. Ровно в полночь века мы выйдем из наших логов, чтобы разобрать все системы безопасности, составляя завтрашний день» [Ланд, 2018г: 34].

Философский концепт Киборга в той или иной степени всегда связан с таким образом будущего, который предлагает трансгуманизм. Конечно, Д. Харауэй вряд ли можно считать сторонницей этого течения, в отличие от Н. Ланда. Но их концепты не только прекрасно «укладываются» в одну смысловую «нишу», но и одинаково успешно репрезентуют идеи трансгуманизма.

Мы готовы ожидать, что и топос Киборга — произведения массового искусства, которые питаются в том числе и указанными философскими концепциями, осуществляясь в одном временном срезе, — резонирует с теми же ценностями и чаяниями. Кому как не киборгу — главному герою популярной компьютерной игры — подтвердить или опровергнуть это предположение?

Однако прежде чем обратиться к Киборгу «Киберпанк 2077», следует обратить внимание на специфику компьютерной игры в качестве медиа.

Как показывает Н. Луман, невозможность игнорировать характер медиа особенно важна в отношении цифровых медиа: «<...> только машинное производство какого-либо продукта как носителя коммуникации — а не письменность как таковая — привело к обособлению особой системы массмедиа» [Луман, 2005: 9–10]. Отмеченное им «обособление как удвоение реальности» [там же: 15] в случае с компьютерной игрой только усиливается. Определенный разрыв «коммуникации» реальностей свойственен игре как таковой — вспомним состояние ребенка, погруженного в воображаемый игровой мир. А компьютерная игра усиливает этот эффект «удвоения реальности», используя и ресурсы вовлеченности, и цифровые возможности создания «новых реальностей». Компьютерная игра может предоставлять очень широкие возможности для реализации образов самых странных,

парадоксальных реальностей. В отношении топоса Киборга это обстоятельство имеет особое значение. Но, прежде чем пояснить причину этого, хочу обратить внимание на существующую в медиаисследованиях горячую полемику относительно роли технической базы медиальности.

А.В. Жилина выделяет «дискурсивное» и «материалистическое» направления, идущие соответственно от исследований М. Маклюэна и В. Флюссера. Суть спора касается вопроса о роли технической специфики медиа в организации самого сообщения. «Материалистическое направление» критикует позицию, когда «сами медиа <...> считаются данностью, но не возможностью организации разных материалов» [Жилина, 2017: 93–94]. Следуя за доводами в отношении высокой роли технического устройства для характера сообщения, хочется добавить: максимум той «самостийности», которую предполагает техническая организация цифровых медиа, реализуется в феномене глитча.

Глитч (glitch) — это вызванные ошибками в цифровых записях системные сбои, аппаратный шум и искажения. Важно подчеркнуть, что речь идет не о глитч-эффектах (стилистике), а о действительном сбое. С глитчами связан настолько серьезный ресурс «самостоятельности» техники, что можно говорить о том, как техническая детерминация порождаемых реальностей разрывает с человеческим желанием и выводит на ее собственное «желание»⁵.

Глитч — «это момент, который переживается как жуткая, угрожающая потеря контроля, бросающая зрителя в пустоту (смысла). Этот момент затем сам становится катализатором с определенным импульсом. <...> Машина больше не ведет себя так, как должна была бы вести себя технология» [Менкман, 2011: 31]. Вряд ли случайно, что самые «киберготические» тексты Н. Ланда — это своего рода «глитч-тексты»: «Гипервирус», «КататониКС» полны дигитальных оговорок «машинного бессознательного» («Культура постмодерна ре тре трещит вирус вирус вирус вирус <...>» [Ланд, 2018а: 117]).

В компьютерных играх глитчи — это настолько распространенное явление, что многие геймдизайнеры считают их своего рода «законнорожденными детьми» кода и игровой практики и не исправляют их после обнаружения. Глитчи могут выступать центральными элементами нарратива и геймплея — например, в игре Memory of a Broken Dimension (2015) требуется из состояния

С.В. Оболкина
Киборг в «зеркале» философской рефлексии (на примере игры «Киберпанк 2077»)

⁵ Что послужило причиной становления глитч-арта как новой формы концептуального искусства.

глитча собрать мир. Одним словом, механизмы работы с глитчами есть, и они интересуют геймдизайнеров. В контексте нашего разговора возникает вопрос: где, как ни в компьютерной игре о киборге, есть место для «киберреволюции» в духе Н. Ланда, то есть место осуществления такой реальности, в которой «ничего по-настоящему Логического не происходит» [Ланд, 2018б: 102] и «смысл достигает абсолютного нуля» [там же: 148]? То есть, если допустить «киберреволюцию» в отдельно взятой игровой реальности, можно предположить, что задача геймдизайна в игре о Киборге будет сводиться к созданию пространства, в котором игрок наслаждался бы тем, как непредсказуемая и прихотливая игра глитчей порождала бы самые смелые трансформации персонажа и его способностей, возможно, создавая нечто похожее на довольно известные баги типа глитч-младенцев из *The Sims 3*.

Наш мысленный эксперимент заставляет предположить, что мы могли бы ожидать от «Киберпанка 2077» игры в духе философского концепта Киборга, о котором мы говорили выше. Однако ничего похожего мы не видим. Сеттинг «Киберпанка 2077» не соотносится с задачами «киберреволюции»: главному персонажу (Ви) требуется выжить и, главное, сохранить самосознание в условиях борьбы, компромиссов и сотрудничества с внедренным ему чужим сознанием (Джонни Сильверхенда). Возможно несколько вариантов развития сюжета, но ни один из них не связан с той максимальной освобождения, о которой говорит концепт Киборга.

«Киберпанк 2077» анализируется нами в первую очередь в качестве топоса, поэтому следует подчеркнуть: игра «обкатывалась» во многих фокус-группах, поэтому не приходится сомневаться в том, что массовый пользователь не пожелал опыта радикального освобождения, которое предполагается философским концептом киборга. Но чего же он пожелал?

Можно утверждать, что главной темой «Киберпанка 2077» выступает *самоидентичность человека*. Сюжет реализуется вокруг стремления главного персонажа сохранить свое Я, причем человеческое Я. Существует вариант концовки, в котором Ви отдает свое сознание в полное распоряжение Джонни. Но это именно жертвенный акт, то есть такая «отмена» человеческого Я, в которой оно звучит, пожалуй, максимально громко.

Концепция самоидентичности Э. Гидденса может являться ближайшей философской базой осмысления тематизации принципа самоидентичности в компьютерной игре (персонажа, а не игрока): согласно Гидденсу, Я — это не данность, но результат «прохождения» испытаний и точек выбора. Базисом самоидентичности является нарратив (биографический) и процессуальность [Гидденс, 2003: 105–111].

Согласно Гидденсу, самоидентичность зависит от рефлексивности, и диалоги Ви и Джонни (в пределах одного сознания) очень часто могут рассматриваться как такие акты рефлексии.

Кроме того, Гидденс подчеркивает, что важным агентом «Я» выступает тело — в игре принцип тела не только не отменяется, но усиливается: чужое сознание (Джонни) и сознание Ви борются за обладание одним телом; «пиксельный прах» оказывается проигрышем.

Помимо этого, важен нравственно-аксиологический аспект аутентичности Я, который Гидденс определяет как «верность самому себе». Конечно, было бы сомнительным использовать принцип «верности самому себе» в процессе анализа поведения игрового персонажа, поскольку выбор делает именно игрок и он все-таки играет. Но в сюжете «Киберпанка» заложен интересный момент: если игрок (играющий за Ви) достаточно часто помогает «чужому сознанию» (Джонни) в его несчастье, то это поощряется: он получает от него необходимую помощь.

Таким образом, мы можем видеть, что топос Киборга рассказывает нам о человеке, который с помощью внедренных машинных элементов стремится сохранить человеческую самоидентичность (включающую и принцип телесности). Тогда как концепт Киборга предполагает принципиальный отказ от идентичности и индивидуации. Столь вызывающая неконгруэнтность выступает требованием более глубокого уровня рефлексии.

Киборг — «новый Протей»

Обнаруженная противоречивость фигуры Киборга говорит о его неоднозначности, неопределенности, «многоликости», то есть требует внимания к установкам протеизма.

Мифологический Протей — это пророк, наделенный свойством менять свой облик. М. Эпштейн характеризует протеизм как альтернативу такому выстраиванию будущего, которое отталкивается от прошлого: «Протеизм имеет дело с началами, а не срединами и концами, и в любых явлениях открывает их “ранность”, эскизность, предварительность, свойства зачатка и черновика» [Эпштейн, 2001].

Однако протеизм Киборга связан не с многочисленностью киборгов-персонажей; мы уже говорили, что этот «синтезированный» образ весьма узнаваем. Скорее, «многоликость» связана с человеческим началом в нем. Киборг вновь и по-своему актуализует вопрос о человеческой природе.

С.В. Оболкина
Киборг в «зеркале» философской рефлексии (на примере игры «Киберпанк 2077»)

Мифологические корни протейизма напоминают, что многоликость связана с *ars dissimulandi* — искусством утаивания. В частности, мировоззренческих установок [см., напр.: Иванова, 2017]. Поэтому киборга с Протеем роднят не только футуральные коннотации, но и наличие «обманных маневров». Выступая зачастую персонажем-обманщиком, он тем не менее искренен в отношении будущего.

«Обманка» выступает частью природы Киборга, ведь «машина» (*μηχανή*) согласно своему исходному смыслу — это «обманка», «уловка», с помощью которой человек заставляет природу работать на себя. Топос Киборга «обманывает» нас бравадой образов brutальных киборгов. С каким удивительным безразличием герои киберпанка лишают себя любой части тела, но это именно искусство утаивания; от самого себя человек утаивает симптомы боли. Восхищение эффективностью машинного апгрейда демонстрирует радость отказа человека от самого себя, но того, кто «все сделал не так»; «утаиваемой» же оказывается надежда человека на себя-нового. Протейистические черты Киборга намекают: *μηχανή* «встраивается» в человека не для того, чтобы отменить его, но для того, чтобы сохранить в условиях, когда человеком быть, как минимум, стыдно и, как максимум, невозможно.

* * *

Неспособность разглядеть «двусмысленность» (неконгруэнтность концепта и топоса) Киборга заставляет видеть в популярности этой фигуры знак того, что Постчеловек — «вопрос решенный». Но внимание к установкам протейизма заставляет усомниться в том, что Киборг вообще выступает фигурой постгуманистической. Скорее, он воплощает беспокойство человека о сохранении самоидентичности в условиях радикальных трансформаций. Человек стремится «апгрейдить» себя, усиливая то свойство человеческой природы, которое пока не проявилось в качестве чего-то определенного; его природа «многолика». Киборг связан с ситуацией актуального само-определения и само-утверждения человеческой природы, а не ее безоговорочной капитуляции.

Cyborg in the “Mirror” of Philosophical Reflection (using the Example of the Game “Cyberpunk 2077”)

Svetlana V. Obolkina

PhD in Philosophy, Assistant Professor, Department of Philosophy.

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

16 Sofia Kovalevskaya Str., Ekaterinburg 620108, Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-6644-104X
obol2007@mail.ru

Abstract. The cyborg is the most important futurological character, and its analysis is the purpose of this article. In order for the understanding of the Cyborg not to be limited to the idea of the complementation of man and machine, philosophical reflection is required. Methodological basis of the research: the method of topological reflection allows analyzing works of mass art as the “subconscious” of culture. The author analyzes the topos and the Cyborg concept, comparing them. The article considers the computer game “Cyberpunk 2077” as a Cyborg topos. The concept of the cyborg is analyzed mainly on the example of the philosophical concept of “cybergotics” (N. Land). The author suggests a thought experiment: taking into account the arguments of the “materialistic” direction of media theory and the concept of a Cyborg, present the concept of a game about a Cyborg, and then compare it with the analyzed topos. As a result, it becomes clear that the concept and the topos of the Cyborg represent opposite cultural strategies, although we are talking about the same futurological character. This internal conflict allows us to talk about the Cyborg as a “new Proteus”: he is “multi-faceted” and is associated with the “art of concealment”. The Cyborg “hides” deep intentions, and this prevents us from considering the Cyborg in the spirit of exclusively transhumanism. The author shows that the connotations of the machinery in this image are related to the needs of the “upgrade”. It is designed to preserve human identity.

The scientific novelty of the research is to develop a reflexive approach to the Cyborg as an important media figure, as well as to explore its futurological potential. The differentiation of the concept and the topos allows for a more comprehensive view of a complex cultural phenomenon. A new interpretation of the Cyborg is proposed. The results of the conducted research can be used in philosophical futurology (as arguments against excessive optimism of transhumanistic ideas), in media studies. In addition, the proposed approach can contribute to the development of the method of topological reflection.

Keywords: cyborg, futurology, transhumanism, concept, topos, human identity, proteism.

For citation: Obolkina S.V. Cyborg in the “Mirror” of Philosophical Reflection (using the Example of the Game “Cyberpunk 2077”) // *Chelovek*. 2022. Vol. 33, N 1. P. 122–138. DOI: 10.31857/S023620070019078-2

Литература/References

Билинский Б. Древнегреческие агоны: превосходство телесности и восхищение интеллектом // Спорт, духовные ценности, культура: сб. Вып. 3 / сост., ред. В.В. Кузин, В.И. Столяров, Н.Н. Чесноков. М.: Гуманитарный центр «СпАрт» РГАФК, 1997. С. 317–339.

С.В. Оболкина
Киборг в «зеркале» философской рефлексии (на примере игры «Киберпанк 2077»)

- Bilinsky V. Drevnegrecheskie agony: prevoskhodstvo telesnosti i voskhischenie intellektom [Ancient Greek agons: the superiority of physicality and the admiration of the intellect]. *Sport, duhovnye cennosti, kul'tura: sb.* [Sports, spiritual values, culture: collection], compil., ed. by V.V. Kuzin, V.I. Stolyarov, N.N. Chesnokov. Moscow: Gumanitarnyj centr "SpArt" RGAJK Publ., 1997. P. 317–339.
- Брайант Л.Р. Демократия объектов / пер. с англ. О.С. Мышкиной. Пермь: Гиле Пресс, 2019.
- Bryant L.R. *Demokratiya ob'ektov*. [The democracy of objects], transl. from English by O.S. Myshkina. Perm: Gile-Press Publ., 2019.
- Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации. 2-е изд. / пер. с англ. И. Тюриной. М.: Академический Проект, 2003.
- Giddens A. *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturacii*. [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration], transl. from English by I. Tyurina. Moscow: Akademicheskij Proekt Publ., 2003.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
- Deleuze J., Guattari P. *Chto takoe filosofiya?* [What is Philosophy?], transl. from French by S.N. Zenkin. Moscow: Institute of Experimental Sociology Publ.; St. Petersburg: Aleteya Publ., 1998.
- Дубровский Д.И. Нейроэтика: некоторые актуальные философско-методологические вопросы // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. IV, № 1. С. 24–41.
- Dubrovskiy D.I. Neiroetika: nekotorye aktual'nye filosofsko-metodologicheskie voprosy [Neuroethics: some current philosophical and methodological issues]. *Philosophy. Journal of Higher School of Economics*. 2020. Vol. IV, N 1. P. 24–41.
- Жилина А.В. О преимуществах материалистического подхода в теории медиа // Философский журнал. 2017. № 3. С. 93–111.
- Zhilina A.V. O preimushchestvah materialisticheskogo podhoda v teorii media [On the advantages of a materialist approach to media theory]. *Filosofskij zhurnal*. 2017. Vol. 10, N 3. P. 93–111.
- Иванова М.В. Похвала сокрытию: о протейстической модели философствования // Вопросы философии. 2017. № 5. С. 102–111.
- Ivanova M.V. Pohvala sokrytiyu: o proteisticheskoy modeli filosofstvovaniya [The Praise of Concealment: On the Proteistic Model of Philosophizing]. *Voprosy filosofii*. 2017. N 5. P. 102–111.
- Киборги из чрева беременного монстра: теоретические фигуры Донны Харауэй // Сигма. 27 июля 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://syg.ma/@sigma/kiborgi-iz-chrieva-bieriemienogho-monstra-tieorietichieskiie-fighury-donny-kharauei> (дата обращения: 03.03.2021).
- Kiborgi iz chreva beremennogo monstra: teoreticheskie figury Donny Harauei [Cyborgs from the womb of a pregnant monster: the theoretical figures of Donna Haraway]. *Sig.ma*. July 27, 2017 [Electronic resource]. URL: <https://syg.ma/@sigma/kiborgi-iz-chrieva-bieriemienogho-monstra-tieorietichieskiie-fighury-donny-kharauei> (date of access: 03.03.2021).
- Ланд Н. Гипервирус / пер. с англ. Д. Хамиса // Ланд Н. Соч.: в 6 т. Т. 2: Киберготика. Пермь: Гиле Пресс, 2018а. С. 117–125.

- Land N. Gipervirus [Gipervirus], transl. from English by D. Hamis. Land N. *Soch.*: v 6 t. [Works: in 6 vols.]. Vol. 2: *Kibergotika* [CyberGothic]. Perm: Gile Press Publ., 2018. P. 117–125.
- Ланд Н. КиберГотика / пер. с англ. Д. Хамиса // Ланд Н. Соч.: в 6 т. Т. 2: Киберготика. Пермь: Гиле Пресс, 2018б. С. 81–110.
- Land N. KiberGotika [CyberGothic], transl. from English by D. Hamis. Land N. *Soch.*: v 6 t. [Works: in 6 vols.]. Vol. 2: *Kibergotika* [CyberGothic]. Perm: Gile Press Publ., 2018. P. 81–110.
- Ланд Н. Машинное желание / пер. с англ. Д. Хамиса // Ланд Н. Соч.: в 6 т. Т. 2: Киберготика. Пермь: Гиле Пресс, 2018в. С. 57–80.
- Land N. Mashinnoe zhelanie [Machinic Desire], transl. from English by D. Hamis. Land N. *Soch.*: v 6 t. [Works: in 6 vols.]. Vol. 2: *Kibergotika* [CyberGothic]. Perm: Gile Press Publ., 2018. P. 57–80.
- Ланд Н. Сцепления / пер. с англ. Д. Хамиса // Ланд Н. Соч.: в 6 т. Т. 2: Киберготика. Пермь: Гиле Пресс, 2018г. С. 31–56.
- Land N. Scepheniya [Clutch], transl. from English by D. Hamis. Land N. *Soch.*: v 6 t. [Works: in 6 vols.]. Vol. 2: *Kibergotika* [CyberGothic]. Perm: Gile Press Publ., 2018. P. 31–56.
- Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Практикс, 2005.
- Luhmann N. *Real'nost' massmedia* [The Reality of the Mass Media], transl. from German by A.Yu. Antonovsky. Moscow: Praxis Publ., 2005.
- Оболкина С.В. Топос «киборга»: Европа vs Азия // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2020. № 4. С. 14–34.
- Obolkina S.V. Topos “kiborga”: Evropa vs Aziya [The Cyborg's Topos: Europe vs Asia]. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2020. N 4. P. 14–34.
- Савчук В.В. Топологическая рефлексия. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2012а.
- Savchuk V.V. *Topologicheskaya reflksiya* [Topological Reflection]. Moscow: Canon + ROOI “Rehabilitation” Publ., 2012.
- Савчук В.В. Философия эпохи новых медиа // *Вопросы философии*. 2012б. № 10. С. 33–42.
- Savchuk V.V. *Filosofiya epohi novyh media* [Philosophy of the new media era]. *Voprosy filosofii*. 2012. N 10. P. 33–42.
- Свобода ошибаться // *Virtual Museum of Digital Art*. 18.01.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://museumofdigital.art/glitch/> (дата обращения: 03.03.2021).
- Svoboda oshibat'sya [Freedom to make mistakes]. *Virtual Museum of Digital Art*. January 18, 2021 [Electronic resource]. URL: <https://museumofdigital.art/glitch/> (date of access: 03.03.2021).
- Федоров В.А. Анализ аудиовизуальных медиатекстов. М.: МОО «Информация для всех», 2012.
- Fedorov A. *Analiz audiovizual'nyh mediatekstov* [Analysis of Audiovisual Media Texts]. Moscow: МОО «Informaciya dlya vsekh» Publ., 2012.
- Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х / пер. с англ. А.В. Гараджа. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.

С.В. Оболкина
Киборг в «зеркале» философской рефлексии (на примере игры «Киберпанк 2077»)

ВРЕМЕНА. НРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

DOI: 10.31857/S023620070019079-3

©2022 Н.С. ПЕРВУШИН

СТРАХ ХАОСА: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВОСТРЕБОВАННОСТИ ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА

Первушин Николай Сергеевич — магистр социологии, научный сотрудник кафедры психологии личности.

Новосибирский государственный университет.
Российская Федерация, 630090 Новосибирск,
ул. Пирогова, 1.

ORCID: 0000-0003-4413-0205

nickd17@yandex.ru

Аннотация. В эссе предлагается социологический анализ происхождения и популярности детективного жанра. Интерпретируется его зарождение и роль в середине и конце XIX века и в современном мире. Существует множество объяснений феномена популярности детективного жанра, однако они не дают ответа на вопрос, почему жанр именно в середине XIX века стал актуальным и до сих пор не перестает быть таковым.

Момент возникновения детективного жанра практически совпадает с зарождением классических социологических теорий. И социология, и новый литературный жанр — рефлексия происходивших в XIX веке перемен. В детективе отражаются актуальные социальные проблемы и новые технологии. Классический детектив содержит в себе многие черты позитивистского, функционалистского, веберовского и марксистского дискурсов. В суть детективного дискурса встроены идеи веры в научный метод и моральность порядка, критика капиталистической системы и возможность понимания социальных действий и их мотивов.

ВРЕМЕНА. ПРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

Востребованность детектива сегодня ключевым образом связана со стремительными переменами, происходящими в мире, и вызванным ими футурошоком, описанным Элвином Тоффлером. Темп технологических изменений заметно опережает адаптацию человека к новой социальной реальности. Человек вынужден как-то переживать или преодолевать это тяжелое для психики состояние. Чтение или просмотр детектива не дает реальной возможности лучше приспособиться к текущей современности, но создает иллюзию возможности смягчения и преодоления шока будущего. Такая важная психотерапевтическая функция уникальна среди художественных жанров, поэтому можно прогнозировать, что детективы, несмотря на скептическое к ним отношение со стороны многих критиков и интеллектуалов, останутся востребованными и актуальными и в будущем.

Ключевые слова: детектив, футурошок, толерантность к неопределенности, неопределенность, дискурс-анализ, аномия, жанр, популярность, социальное действие, функционализм, загадка.

Ссылка для цитирования: Первушин Н.С. Страх хаоса: социологическая интерпретация востребованности детективного жанра // Человек. 2022. Т. 33, № 1. С. 139–158. DOI: 10.31857/S023620070019079-3

Заметное место на полках при скептическом отношении

В интеллектуальной среде детектив принято считать относительно низким жанром. Некоторые его любители стесняются признаваться собеседникам в том, что являются фанатами этой «бессмысленной литературы». Литературный критик Г. Анджапаридзе утверждает, что «писать о детективе нелегко, если, конечно, не сочинять разгромные статьи, сравнивая произведения этого популярного жанра с философскими или полифоническими романами» [Анджапаридзе, 1989: 5]. Подчеркиваются художественная бедность жанра (стандартизация и концентрация на сюжете), отсутствие связи с реальными расследованиями, юридическими практиками и мотивами людей, а также развлекательная направленность жанра (после прочтения или просмотра детектива вряд ли можно получить новые знания, новое понимание той или иной проблемы или событий). Даже один из главных классиков детективного жанра А. Конан-Дойл не слишком трепетно относился к своему детищу, что и проявилось в гибели Шерлока Холмса в результате схватки с профессором Мориарти: «Я думаю, что в конце концов убью Холмса, покончу с ним раз и навсегда. Он отнимает мое время у более важных дел» [Кестхейи, 1989: 57].

Есть произведения, содержащие в себе черты детектива (совершено преступление, ведется расследование, допрашиваются свидетели и подозреваемые), которые критики предпочитают относить к классической литературе. Это, например, «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского. Эти романы не рассматриваются критиками и читателями как детективы и не лежат в магазинах и библиотеках в разделе «отечественный детектив» рядом с А. Марининой и Т. Устиновой, а относятся к классической литературе. Такое понимание Достоевского выглядит оправданным, поскольку основной массив текста не концентрируется вокруг тайны и попыток ее разрешения. На первый план выходят психологические аспекты, религиозные и философские рассуждения автора, в том числе устами его персонажей. От чтения такой литературы действительно можно получить некий интеллектуальный или познавательный прирост (знакомство с философскими идеями). Аналогично можно рассуждать и о некоторых произведениях У. Эко («Имя розы», «Нулевой номер»).

Тем не менее, хотя явную пользу от чтения детективов найти затруднительно, жанр уже 150 лет (с момента своего канонического зарождения — произведений Э. По и У. Коллинза) крайне востребован и не собирается сдавать позиции. Посещая книжные магазины, можно заметить, что сразу при входе на самом видном месте предлагаются произведения Ю. Несбё, Ж. Гранже, Д. Брауна, Б. Акунина; постоянно переиздаются А. Кристи, А. Конан-Дойл, Ж. Сименон, Р. Стаут и пр. Тиражи этих авторов насчитывают сотни тысяч экземпляров, а наиболее популярные — десятки миллионов («Десять негрятят» (более 100 млн), «Код да Винчи» (более 80 млн), «Девушка с татуировкой дракона» (более 40 млн)). Телевидение в прайм-тайм регулярно транслирует детективы и детективные сериалы. Среди наиболее рейтинговых и популярных сериалов на сайтах IMDB и «Кинопоиск» высокие позиции занимают «Настоящий детектив», «Шерлок», «Пуаро Агаты Кристи», «Коломбо» и пр. В тяжелые времена (мировые войны, Великая депрессия) жанр становился особенно востребованным. «В 1940 году, когда Гитлер бомбил Лондон, жители вынуждены были постоянно прятаться под землей. В бомбоубежищах стали формироваться библиотеки... Люди, чья жизнь ежеминутно подвергалась опасности, читали детективы» [Борисенко, 2012: 34–35]. Неужели все дело в любви человека к развлечениям и разгадыванию разного рода загадок? Или же дискурс детектива содержит в себе что-то важное, отличающее его от других развлечений (в том числе интеллектуальных игр)?

В данном эссе приводится попытка социологического объяснения данного феномена (непреодолимая популярность жанра

Н.С. Первушин
Страх хаоса: социологическая интерпретация востребованности детективного жанра

иметь решение. Что же касается наличия канонических понятий о добре и зле, правильном и неправильном, то все чаще в детективах мы можем увидеть размывание этих понятий: нарушитель закона, например, может вызывать симпатию, а полиция — негативные эмоции.

Высокая вовлеченность читателя, интерактивность — еще одно из объяснений популярности детективного жанра. Мы рассматриваем улики, ведем допросы, гонимся за преступником, испытываем страх вместе с главным героем. Режиссер С. Эйзенштейн утверждал, что детектив — «наиболее действенный жанр литературы. От него нельзя оторваться... Самое сильнодействующее средство, самое очищенное, отточное построение в ряде прочих литератур. Это тот жанр, где средства воздействия обнажены до предела» [Эйзенштейн, 1968: 107]. При чтении детективов удовлетворяется потребность в выходе за рамки привычного состояния, соприкосновение с маргинальными ситуациями, создается иллюзия рискованности происходящего (особенно при отождествлении себя с героем), однако при этом не теряется чувство безопасности. Сходные ощущения человек испытывает на американских горках или в квест-комнатах, где высока интерактивность, выбрасывается адреналин, но ситуация не перестает оставаться безопасной.

По мнению П. Мэттьюази, чтение детективов дает нам возможность соприкоснуться с темными материями, понять корни зла [Mattiuazzi, 2011]. Читателю интересно, что может привести к совершению ужасных преступлений. Г. Саттон с ним согласен и подчеркивает, что зло очаровывает людей, привлекает повышенное внимание [Sutton, 2018]. Кроме того, это возможность побывать на табуированной территории, которая нежелательна в повседневном мире: вряд ли кому-то хочется соприкоснуться с убийствами в реальной жизни, а не в литературной игре.

Н. Георгинова видит в основе популярности детективов потребности читателей: психологические и социально-культурные [Георгинова, 2013: 179–180]. К психологическим относятся: компенсация беспомощности, преодоление страхов, облегчение чувства вины, переживание чувства очищения от своей греховности, потребность в эмоциях. К социально-культурным факторам автор относит потребности в чтении, в романтике среди обыденности города, в наблюдении за характерами, в интеллектуальных развлечениях.

В целом исследователи и публицисты обозначили действительно много важных факторов популярности жанра детектива. Мы же видим необходимость в более целостном социологическом взгляде на становление детективного жанра и объяснении его

Н.С. Первушин
Страх хаоса: социологическая интерпретация востребованности детективного жанра

неизменной популярности. Кроме того, важно объяснить, почему детективный жанр появился именно в середине XIX века.

Социологические интерпретации появления детектива и его сущности

Если углубиться в историю детективного жанра, то корни можно найти в библейских сюжетах (пророк Даниил выступает в качестве следователя и спасает от смерти обольщенную героиню, при этом он использует как логические аргументы, так и божественное откровение), древнегреческой литературе (Царь Эдип ищет убийцу своего предшественника, но доминирует здесь тема предопределенности судьбы), «Тысяче и одной ночи» («Три яблока» — расследование убийства, в котором визирь Джафар вынужден искать преступника под страхом казни, но фактически сами участники событий все раскрывают) и пр. Широко известны средневековые китайские детективные истории (современная версия — рассказы о судьбе Ди Р. ван Гулика), содержащие мистические процедуры для поиска преступника (общение с призраками). Конечно, эти истории содержат в себе элементы детектива (тайна, поиски разгадки, желание справедливости), однако их содержание во многом отлично от современного популярного жанра, предполагающего рациональный логический поиск истины при помощи анализа улик, опроса действующих лиц, следственных экспериментов и анализа полученной информации. Предполагается и наличие юридических процедур и последствий. Любые мистические ритуалы для установления виновника исключаются.

Еще одна предшественница детектива — загадка. Она могла быть частью устного фольклора (народные загадки) или частью повествования других произведения (например, загадка Сфинкса, определявшая, будет ли жить дальше герой). Способность разгадывать загадки связывалось с мудростью, которая почиталась в античности и средневековье. Т. Кестхейи полагает, что в процессе урбанизации народная культура в виде сказок и загадок сменилась массовой, в том числе в виде детективов [Кестхейи, 1989: 37].

Принято считать, что родоначальником детективного жанра является Э. По («Убийство на улице Морг» (1843)). Он создал основные каноны и сформулировал принцип, который заключается в том, что детективная загадка должна быть противоречивой — следовательно, из ряда вон выходящей. Далее жанр развивается и становится заметным благодаря работам У. Коллинза («Лунный камень», «Женщина в белом») и циклу рассказов и повестей о Шерлоке Холмсе А. Конан-Дойла. Таким образом, детектив

зарождается в середине XIX века и с тех пор не перестает быть менее актуальным и востребованным. Конечно, можно рассматривать историю детектива исключительно как историю развития художественного жанра¹. Но это не объясняет, почему существует такой временной разрыв между древними детективными сюжетами и всплеском популярности жанра в последние 150 лет. Видимо, дело не только в литературной традиции, но и в тех социальных факторах, которые влияли на жизнь человека XIX века.

Что же происходило в середине и конце XIX века? Происходят колоссальные перемены: появляются и развиваются транспортные средства (пароходы, поезда, велосипеды и пр.), люди становятся более мобильными, стремителен процесс урбанизации. Индустриальное общество приходит на смену аграрному. Меняется классовая структура общества. Капиталисты становятся влиятельнее рантье. Рабочие начинают бороться за свои права, организуют профсоюзы, добиваются ограничения рабочего времени, страховых и прочих выплат. Меняется модель семьи (нуклеарная семья), отношение к родителям и детям. Формируются новые модели государства и управления². Знания родителей и старших не всегда оказываются актуальными для детей. В общем перемен так много, и они столь значительны что человек не успевает за ними и часто оказывается в ситуации неопределенности, хаоса³.

¹ Необходимо учитывать, что детективный жанр существенно трансформировался и трансформируется. В широком смысле мы можем включать в него тексты, включающие в себя тайну и ее расследование. Но нас будет интересовать дискурс, в котором основой является поиск истины, разгадки при помощи логических умозаключений и юридических процедур (опросы, наблюдения, эксперименты). При этом разумно разделить для последующей социологической интерпретации «классический детектив» (с момента возникновения в середине XIX века до Второй мировой войны) и современный детектив (конец XX века и XXI век), поскольку существенно меняется и социокультурный контекст, и сам жанр (структура текста, затрагиваемые темы, методы расследования, мотивы персонажей). Например, заметно отличается мир викторианской Англии (рассказы о Шерлоке Холмсе, изначально печатавшиеся в газетах) и мир современной Великобритании и США (сериалы «Шерлок» и «Элементарно»). Для объяснения популярности «классических» детективов логично обратиться к классическим социальным теориям, а для современных детективов – к современным социальным теориям соответственно, поскольку они пытаются объяснить актуальный для них мир. При этом возможно и перспективно дальнейшее рассмотрение востребованности более узких разновидностей жанра («уютные», судебные, шпионские, про маньяков; национальные и пр.) или феномена отдельных популярных авторов.

² Появление и существование упорядоченных государств-наций в условиях пренебрегающего границами капитализма, по мнению Л. Болтански, повлияло на распространение детективного жанра [Болтански, 2019].

³ Впрочем, в XX и начале XXI веков эти тенденции становятся еще более выраженными

Н.С. Первушин
Страх хаоса: социологическая интерпретация востребованности детективного жанра

■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■
**ВРЕМЕНА.
 ПРАВЫ.
 ХАРАКТЕРЫ**
 ■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■

Кроме того, происходят и интеллектуальные изменения. Сильны позитивистские настроения, вера в науку и прогресс, надежды на светлое будущее. Распространяется научное мышление. Это переносится и в юридическую сферу, где обвинение должно основываться на доказательствах и не противоречить законам логики. В. Макдермид полагает, что детектив стал возможен только с появлением современных юридических процессов [Макдермид, 2016: 6–10]. И действительно, дискурс детектива схож с научным, поскольку предполагает наличие проблемы, необходимость поиска истины, выдвижение гипотезы, поиск фактов для ее опровержения, логичность интеллектуальных построений, независимость истины и фактов от исследователя/детектива.

Такие значительные трансформации в обществе приводят к необходимости рефлексии. Социологическая наука зарождается как реакция, как осмысление социальных перемен и их последствий. По мнению Р. Нисбета, ключевые идеи европейской социологической мысли были сформированы как реакция на английскую индустриальную и французскую буржуазные революции в начале XIX столетия [Nisbet, 1993: 1–47]. Вслед за контовским позитивизмом появляются функционализм Э. Дюркгейма, марксизм и понимающая социология М. Вебера. Дюркгейм, анализируя последствия происходящих социальных изменений, говорит о состоянии аномии, которая характерна для трансформирующегося общества: старые ценности перестают быть актуальными, а новые порядки еще не успели устояться. Дюркгейм подразумевал смену механической солидарности органической. Он анализировал различные следствия этого перехода, в частности рост девиантного поведения и самоубийств. По его мнению, причины суицидов и других видов отклоняющегося поведения социальные (это доказывается при помощи анализа статистических рядов в работе «Самоубийство»).

Детективный текст — это тоже попытка рефлексии на тему меняющегося мира и проблем, вызванных этими переменами. Необходимость его создания вызвана теми же факторами, что и у классических социологических работ. При этом в детективах можно обнаружить дискурсивные маркеры разных социологических школ⁴. Ниже мы рассмотрим позитивизм, функционализм, понимающую социологию и марксизм — теории, современные произведениям По, Коллинза, Конан-Дойла и др. (расцвет «классического» детектива), и проанализируем как происходившие перемены формировали жанр и отображались в нем.

⁴ Обсуждение параллельного развития детективов и шпионских романов с социологическими представлениями присутствует в работе Л. Болтански [Болтански, 2019].

О. Конт предлагал концепцию интеллектуальной эволюции человечества. По его мнению, человечество прошло теологическую и метафизическую стадии и переходит к научной стадии, где доминирует познание мира научными методами, мир преобразуется под влиянием *позитивистской философии* [Конт, 2003: 54–140]. Агрессия должна исчезнуть. Меняется классовая структура общества. В этом смысле детективный дискурс базируется на идеях Конта: расследование подобно научному исследованию. Старые методы установления истины при помощи пыток и мистических ритуалов сменяются формализованными юридическими и логическими процедурами. По сути, Шерлок Холмс — образ ученого, интеллектуала, который и должен быть на вершине новой социальной иерархии. Р. Мессак рассматривал детектив как «повествование, посвященное, прежде всего, методическому и последовательному раскрытию с помощью рациональных и научных средств точных обстоятельств таинственного события» [Кестхейи, 1989: 28]. А. Эйнштейн тоже любил таинственное: «Самое прекрасное чувство, которое может выпасть не долю человека — ощущение тайны. Это источник всякого истинного искусства, всякой истинной науки» [там же: 125].

Функционалисты видят корни девиантного поведения в состоянии общества (переходный период, аномия) [Дюркгейм, 1994: 376–387]. Причины преступлений и девиаций — в самом общественном устройстве/неустройстве. В этом отношении распространенность детективного дискурса в кино и литературе — признак нездорового морального состояния общества. Используя *функционалистскую теорию*, можно сделать смелый вывод, что в целом уже более 150 лет общество не вполне морально здорово, если рассматривать детективы как отражение реальности или реакцию на нее. При этом сам детективный жанр рассматривается как моральный и дидактичный, поскольку виновник будет обнаружен и наказан, преступление не останется незамеченным и нераскрытым. Для функционализма характерно стремление к нормальному состоянию; для детективов характерно движение к восстановлению порядка. Правда, этот порядок вскоре вновь оказывается разрушенным: раскрытие одного преступления не приводит к исчезновению явления преступности. Дюркгейм постулирует, что девиантное поведение будет существовать всегда [Дюркгейм, 1996: 77–119]. Возможно, стоит говорить об ослаблении социальной солидарности вследствие уменьшения роли религии, которая ранее скрепляла общество. В детективном жанре транслируется оценка общества как испытывающего недостаток солидарности, но как заинтересованного в ее поиске и увеличении путем идентификации преступника и его наказания.

Н.С. Первушин
Страх хаоса: социологическая интерпретация востребованности детективного жанра

Рассмотрение детектива с позиций *понимающей социологии* связано с понятием «социальное действие». По мнению М. Вебера, социология должна заниматься анализом социальных действий, которые имеют осмысленный характер и соотносятся с действиями других людей (ориентированы на их реакции) [Вебер, 1990: 602–636]. Дискурс детектива как раз и предлагает читателю разбираться в социальных действиях, пытаясь понять мотивы героев. Вебер выделяет четыре типа социальных действий: целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное, аффективное. Они расположены в порядке уменьшения рациональности и «обдуманности». Детективные произведения в первую очередь имеют дело с целерациональными действиями, поскольку детективный жанр имеет свои каноны и предлагает читателю возможность разобраться в мотивах и действиях персонажей, если бы они действовали максимально рационально, имея четкий план. Так, убийство служит инструментом для получения выгоды (наследство, устранение конкурента и пр.). Мотивы преступников, связанные с местью, ревностью, завистью, скорее близки к ценностной рациональности (ценности справедливости, любви и пр.). Менее осознанные действия не вполне характерны для классического детективного повествования. Когда в концовке детектива оказывается, что злодей совершил преступление случайно (слишком сильно ударил или толкнул жертву, например), читатель может чувствовать неудовлетворенность, несправедливую игру со стороны автора.

Понимание мотивов социальных действий дает уверенность в том, что читатель понимает, как устроен современный мир. Особенно это показательно, когда в качестве сыщика выступает пожилой персонаж (Эркюль Пуаро и мисс Марпл; не выходящий за пределы своего дома Ниро Вульф и пр.). Демонстрируется, что даже в быстро меняющихся условиях остаются актуальными мудрость и жизненный опыт, поэтому необязательно быть молодым и физически развитым для хорошей ориентации и адаптации в современном мире. Возможность посмотреть на мир и ситуацию глазами другого человека (персонажа) дает возможность приблизиться к разгадке тайны в книге и лучше понимать мир и других людей в целом.

Вебер констатировал рационализацию общества, при которой увеличивается доля целерациональных действий относительно других социальных действий. Соответственно, и преступления все чаще носят спланированный характер; экономическая логика доминирует над ценностными ориентирами. Рационализация предполагает и рост бюрократии, под которой Вебер подразумевал идеальный тип организации [Вебер, 2016: 256–264]. Полицейская

Н.С. Первушин
Страх хаоса: социологическая интерпретация востребованности детективного жанра

Ю. Несбё). Демонстрируется несовершенство данных социальных институтов.

Таким образом, дискурсу классического детектива присущи идеи позитивизма и классических социологических теорий. Эти же дискурсивные черты характерны и для большинства современных детективов. Впрочем, причины востребованности детективов сегодня изменились.

Детектив — таблетка от футурошока

Скорость изменений в мире все увеличивалась и продолжает расти. Мировые войны и революции, электрификация, глобализация, появление телевидения и Интернета, распространение авиасообщения и личных автомобилей, появление цифровой экономики — лишь малая доля из огромного списка значимых перемен в XX веке. Естественно, социологическая наука отреагировала на это появлением множества различных теорий. В контексте темы данной статьи ключевыми выглядят идеи Э. Тоффлера о футурошоке.

Футурошок означает утрату способности адаптироваться к темпу перемен и ориентации в меняющемся социальном мире, а также страх перед грядущим [Тоффлер, 2008: 351–353]. В эпоху интенсивных макроперемен адаптация к всегда непростым микропеременам дается человеку все труднее. «Убыстрение перемен не просто ударяет по промышленности или странам. Это конкретная сила, которая глубоко проникает в нашу частную жизнь, заставляет нас играть новые роли и ставит нас перед лицом опасности новой и сильно подрывающей душевное равновесие психологической болезни... Мы можем определить “шок будущего” как страдание, физическое и психологическое, возникающее от перегрузок, которые физически испытывают адаптивные системы человеческого организма, а психологически — системы, отвечающие за принятие решений» [там же].

Э. Тоффлер уделяет большое внимание ускоряющимся изменениям (прежде всего технологическим), которые сильно влияют на социальный мир — он становится все более непостоянным, неопределенным, текучим, изменчивым (в этом Э. Тоффлер близок к постмодернистам) — и психологическое состояние людей. Адаптация когнитивных схем к меняющимся условиям запаздывает, поэтому человеку становится все труднее принимать решения, вступать в отношения (особенно долгосрочные); все чаще люди испытывают страх будущего, депрессию или апатию; чаще происходит «замыкание в себе». Важный вклад Э. Тоффлера

Н.С. Первушин
Страх хаоса: социологическая интерпретация востребованности детективного жанра

■■■■■■■■■■
ВРЕМЕНА.
ПРАВЫ.
ХАРАКТЕРЫ
■■■■■■■■■■

в социологическую науку состоит во внимании именно к стремительному темпу технологических перемен (человек не всегда в состоянии успевать адаптироваться под новую ситуацию), влияющих на все сферы общественной жизни. Если раньше солдат после долгой службы или бывший узник тюрьмы, возвращаясь домой, испытывали проблемы, связанные с некоторой сменой типизаций их близких, то сегодня проблема намного глобальнее: люди после долгого отсутствия возвращаются в другой мир, при этом они имеют слабое представление о том, как этот новый мир устроен, как в нем найти себя, поэтому они испытывают психологические проблемы (это напоминает идею М. Мид о наступлении в будущем префигуративного типа обмена знаниями между детьми и взрослыми, когда жизни родителей и детей коренным образом отличаются) [Мид, 1988: 322–362].

Особенно актуальными выглядят эти идеи на фоне происходящей пандемии коронавируса (COVID-19) и множества событий, с ней связанных. Мир столкнулся с чем-то новым, неизвестным. Целые страны и отдельные люди не знают, как реагировать на ситуацию, как преодолеть кризис с минимальными потерями (и человеческими, и экономическими, и психологическими). Очевидно, что многие испытывают этот страх будущего и пребывают в крайне сложном психологическом состоянии, на которое к тому же накладываются экономические проблемы (страх потери работы и сбережений), ограничения в перемещениях, страх заражения и пр. Одной из временных мер для отвлечения от тяжелой действительности и иллюзии обретения почвы под ногами может являться обращение к детективному жанру.

Г. Анджапаридзе считает, что «не будет преувеличением сказать, что детектив, будучи каноническим жанром, в то же время самый динамичный и самый изменчивый жанр» [Анджапаридзе, 1989: 8]. В современных детективах находит отражение тематика стремительных изменений и проблем, связанных с их распространением: киберпреступность, травля в Интернете, склонение к суициду, анонимные угрозы, угроза пандемии, искусственный интеллект и пр. («Черные дельфины» М. Долонь, разные версии и сезоны сериала «Мост», «Инферно» и «Происхождение» Д. Брауна и пр.). Любопытно, что в современных детективах исторической направленности мотивы и темы созвучны скорее сегодняшней повестке дня (тема насилия над детьми в «Доме Шелка» Э. Горовица, феминизм в «Алиенисте» К. Карра и пр.). Вместе с отражением реальности детектив играет другую важнейшую роль — психотерапевтическую. В мире, который стремительно меняется, слишком высока неопределенность. Далеко не каждый может спокойно существовать в таких тяжелых для психики условиях.

Конечно, детектив не в состоянии помочь человеку справиться с последствиями футурошока. Чтение или просмотр не приведет к адаптации к постоянно меняющимся условиям. Но детектив может создать непродолжительную иллюзию возможности преодоления хаоса.

Сам детектив — это ситуация неопределенности, это хаос, загадка. Сыщик помогает нам организовать порядок. И сама эта возможность превращения неопределенности в определенность принципиально важна читателю. Можно уподобить чтение или просмотр детектива устранению симптомов болезни вместо ее лечения. Кто-то критикует прием парацетамолсодержащих препаратов, однако многообразен ряд ситуаций, когда эти средства помогают человеку. Критикуется и детективный жанр, но он дает временную возможность облегчения переживания футурошока.

Интересны в этом отношении современные постмодернистские детективы, которые сохраняют многие формальные признаки жанра, не дают читателю возможность из хаоса получить порядок («Дитя во времени» И. Макьюэна, многие романы Харуки Мураками). Можно рассматривать это как обман, но вместе с тем открытые концовки предлагают читателю осознать, что из ситуации неопределенности нельзя убежать, необходимо продумывать варианты и находить решение, задействовав при этом ресурс воображения. Неопределенность и недосказанность сюжета, мотивов персонажей — это новый реализм, поскольку именно в такой зыбкой и непостоянной среде и приходится существовать современному человеку. Предоставляется большая роль активному воображению читателя, который должен не принимать готовую авторскую задумку, а участвовать в дополнении художественного произведения (в своей голове). При этом не существует единственно верного решения загадки и неопределенность не сменится определенностью (примечателен рассказ Р. Акутагавы «В чаще», где изложены три равнозначные, но противоречащие друг другу версии происходящего и читатель вынужден делать свой личный вывод). Активная роль человека, его решений и его действий важны в современном неустойчивом мире, что и отражено в постмодернистских образцах детективного жанра. Возможно, такие детективы более востребованы среди читателей и зрителей с более высокой толерантностью к неопределенности.

Важно отметить, что обозначенная роль детектива как средство временного спасения от футурошока — черта, характерная практически исключительно для детективного жанра. В чтении детективов есть и другой важный момент – интерактивность: читатель вместе с сыщиком пытается найти преступника, выдвигает версии, и если оказывается прав, то может получить удовлетворение

Н.С. Первушин
Страх хаоса: социологическая интерпретация востребованности детективного жанра

■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■
**ВРЕМЕНА.
 НРАВЫ.
 ХАРАКТЕРЫ**
 ■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■

не только от своих интеллектуальных способностей, но и от возможности обуздания хаоса своими силами (а это может дать веру в собственные силы).

Другие популярные жанры литературы могут предлагать разные способы взаимодействия с изменчивой современностью и нарастающей неопределенностью. Это, например, бегство от реальности в принципиально другие миры, характерное для жанров фэнтези и исторических романов (функциональную близость этих жанров можно наблюдать в том, как их любители организуют ролевые игры и участвуют в них). Это эскапизм, позволяющий погрузиться в мир, где нет такой неопределенности, но он не дает возможности хотя бы временно создать иллюзию возможности ее преодоления. В этом смысле любопытны современные детективы с ретромотивом (приключения Эраста Фандорина, продолжения Шерлока Холмса и пр.), которые сочетают в себе одновременно и эскапизм, и возможность создания иллюзии преодоления футурошока; зачастую мотивации и поведение героев в таких произведениях осовременены.

Антиутопии предлагают трагичные образы будущего (можно сравнивать реальность с этим пессимистичным прогнозом и успокаивать себя, что пока все не так плохо, как в книге). Неопределенность современного мира сменяется на более определенную угрожающую картину дегуманизированного будущего. Неопределенность текущего момента предстает в более выгодном свете. Формируется более позитивное отношение читателей к неопределенности окружающей реальности и нежелание принять перспективы, описываемые в произведениях Р. Брэдли, Дж. Оруэлла, Н. Харкуэя и пр.

Научная фантастика ставит важные вопросы о соотношении прогресса, технологических изменений и роли человека, его самочувствии в меняющемся мире. Этот жанр предполагает описание гипотетической картины будущего, которая оторвана от современности, и в этом смысле происходит бегство читателя от окружающего его неопределенного мира. Тем не менее во многих произведениях этого жанра персонажи сталкиваются с неопределенностью в новых обстоятельствах и необходимостью как-то взаимодействовать с ней («Солярис» С. Лема, «Пикник на обочине» Стругацких, фильм «Таинственная стена» и пр.).

Особенно популярен в последнее время жанр нон-фикшн, в частности «бизнес-литература». Эти книги обещают дать рецепты достижения успеха и счастья, но, как правило, ограничиваются декларацией давно известных истин. «Гуру» успешной жизни призывают к активному действию, предлагают красивые лозунги, но многим ли такие лозунги помогут обрести островки уверенности в потоке нарастающей неопределенности? Впрочем, кому-то они

дают позитивный эмоциональный заряд и веру в то, что многое в жизни зависит от самого человека, а кому-то — понимание необходимости действовать, пробовать разное, заводить новые знакомства и постоянно искать что-то в океане жизненных возможностей, чтобы быть успешным и комфортно существовать в неопределенном и изменчивом мире. Авторы описывают инструменты, помогающие взаимодействовать с неопределенностью, но это не означает преодоление неопределенности и состояния футурошока.

Таким образом, современные жанры популярной литературы по-разному затрагивают проблему неопределенности и предлагают разные способы взаимодействия с ней: эскапизм; осознание ценности неопределенности современного мира; указание на необходимость взаимодействия с неопределенностью; активную адаптацию к неопределенному миру и пр. Однако, лишь детективный жанр предлагает читателю иллюзию временного преодоления неопределенности и идею, что ее принципиально можно преодолеть.

* * *

Итак, возникновение и распространение детективного жанра напрямую связано с наблюдаемыми с середины XIX века переменами в жизни общества. Это совпадает с моментом появления классических социологических теорий. Рассматривая детективный жанр с позиций современных социологических теорий, мы можем заключить, что дискурс детектива направлен, с одной стороны, на критику существующего общественного строя, а с другой — на непродолжительное сглаживание последствий футурошока. Читая детектив, мы на какое-то время преодолеваем хаос текучей современности. Такая уникальная психотерапевтическая функция, безусловно, важна, хотя и не является панацеей от того состояния, в котором мы находимся из-за скорости происходящих перемен. Современные постмодернистские детективы все чаще оставляют открытые концовки или же предлагают хаотичные или случайные причины преступлений. Такой дискурс означает принятие реальности, а не средство для ее временного укрощения.

Fear of Chaos: Sociological Interpretation of Demand for Detective Genre

Nikolay S. Pervushin

Master of Sociology, Researcher at the Department of Psychology of Personality

NSU (Novosibirsk State University).

1 Pirogov st., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

ORCID 0000-0003-4413-0205

nickd17@yandex.ru

Н.С. Первушин
Страх хаоса: социологическая интерпретация востребованности детективного жанра

Boltanski L. *Tayny I zagovory. Po sledam rassledovaniy*. [Secrets and conspiracies. On the trail of investigations], transl. from French by A. Zakharevich. Saint-Petersburg: Publisher House of the European University in St. Petersburg Publ., 2019.

Борисенко А.Л. Золотой век британского детектива / Только не дворецкий. М.: Астрель: Corpus, 2012. С. 34–35.

Borisenko A.L. *Zolotoy vek britanskogo detektiva* [Golden Age of Detective Fiction]. *Tol'ko ne dvoretskiy* [Just not a butler]. Moscow: Astrel: Corpus Publ., 2012. P. 34–35.

Борхес Х.Л. Детектив // Как сделать детектив / сост. А.Ф. Строев. М.: Радуга, 1990. С. 236–272.

Borges J.L. *Detectiv* [Detective story]. *Kak sdelat` detective* [How to make a detective story], compil. by A.F. Stroyev Moscow: Rainbow Publ., 1990. P. 236–272.

Вебер М. Основные социологические понятия / пер. с нем. М.И. Левиной // Вебер М. Избранные произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 602–644.

Weber M. *Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya* [Basic sociological terms], transl. from Germ. by M.I. Levina. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Writings], compil., ed. and afterw. by Yu.N. Davydov; forew. by P.P. Gaidenko. Moscow: Progress Publ., 1990. P. 602–644.

Вебер М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии / пер. с нем. В.А. Брун-Цеховой и др., под общ. ред. Л.Г. Ионина. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016.

Weber M. *Hozyaystvo I obshchestvo. Ocherki ponimayushchey sotciologii* [Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology], transl. from Germ. by V.A. Brun-Tsekhova et al., ed. by L.G. Ionin. Moscow: HSE Publishing House Publ., 2016.

Георгинова Н.Ю. Детективный жанр: причины популярности // Научный диалог: Филология, 2013. №5 (17). С. 173–186.

Georginova N. *Detektivnyi zhanr: prichiny populyarnosti* [Detective genre: popularity reasons]. *Nauchnyi dialog: Philologiya*, 2013. N 5 (17). P. 173–186.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1996.

Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [The Division of Labour in Society], transl. from French by A.B. Gofman. Moscow: Kanon Publ., 1996.

Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / пер. с фр. А.Н. Ильинского. М.: Мысль, 1994.

Durkheim E. *Samoubiystvo. Sotsiologicheskiy etyud* [Suicide. Sociological study], transl. from French by A.N. Ilyinsky. Moscow: Thought Publ., 1994.

Кестхейи Т. Анатомия детектива. Дебрецен Б.и., 1989.

Keszthelyi T. *Anatomiya detective* [Anatomy of detective story]. Debrecen: No Publisher Name.

Конт О. Дух позитивной философии. Слово о положительном мышлении / пер. с фр. А.И. Шапиро. Ростов н/Д: Феникс, 2003.

Comte A. *Duh pozitivnoy filosofii. Slovo o polozhitel`nom myshlenii* [Course of Positive Philosophy], transl. from French by A.I. Shapiro. Rostov-on-Don: Phoenix Publ., 2003.

Н.С. Первушин
Страх хаоса: социологическая интерпретация востребованности детективного жанра

■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■
**ВРЕМЕНА.
 ПРАВЫ.
 ХАРАКТЕРЫ**
 ■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■

- Макдермид В.* Анатомия преступления: Что могут рассказать насекомые, отпечатки пальцев и ДНК / пер. с англ. Г. Ястребова. М.: Альпина Нон-фикшн, 2016.
 Mcdermid V. *Anatomiya prestupleniya: Chto mogu rassskazat' nasekomye, otpечатki paltsev i DNK* [The anatomy of crime: What insects, fingerprints and DNA could tell us], transl. from English by G. Yastrebov. Moscow: Alpina non-fiction Publ., 2016.
- Малиновский Б.* Научная теория культуры. 2-е изд. испр. М.: ОГИ (Объединенное Гуманитарное Издательство), 2005.
 Malinowski B. *Nauchnaya teoriya kul'tury* [A Scientific theory of culture]. Second revised edition. Moscow: OGI (Ob`edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo) Publ., 2005.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии, 1848. [Электронный ресурс] URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm> (дата обращения: 11.11.2019).
 Marx K., Engels F. *Manifest Kommunisticheskoy partii*, 1848 [The Communist Manifesto]. [Electronic resource] URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm> (date of access: 11.11.2019)
- Мид М.* Культура и мир детства / пер. с англ. А.Ю. Асеева, сост. и предисл. И.С. Кона. М.: Наука, 1988.
 Mead M. *Kultura i mir detstva* [Culture and the world of childhood], transl. from English by A.Yu. Aseev, ed. and foreword by I.S. Kon. Moscow: Nauka Publ., 1988.
- Моисеев П.* Поэтика детектива. М.: Издательский центр ВШЭ, 2017.
 Moiseev P. *Poetica detective* [The Poetics of Detective Fiction]. Moscow: HSE Publishing House Publ., 2017.
- Тоффлер Э.* Шок будущего / пер. с англ. Е. Руднева и др. М.: АСТ, 2008.
 Toffler A. *Shok budutchego* [The Future Shock], transl. from English by E. Rudnev et. al. Moscow: AST Publ., 2008.
- Эйзенштейн С.* Трагическое и комическое, их воплощение в сюжете // Вопросы литературы. 1968. № 1. С. 91–112
 Eisenstein S. «Tragicheskoe i komicheskoe, ih voplotchenine v syuzhete» [Tragic and comic, their embodiment in the plot]. *Voprosy literatury* [Literature issues]. 1968. N 1. P. 91–112
- Mattiuzzi P. Why are we so fascinated with murder? [Electronic resource]. URL: <https://www.everydaypsychology.com/2011/05/why-are-we-so-fascinated-with-murder.html?fbclid=IwAR2gN9YtLIMKEqJDZemtpbcLHehJa0z1DsL05oXTHr5nVgsboUqN0DuVgNM#.Xcp0glczbIX> (date of access: 11.11.2019).
- McCarthy E. 12 reasons we love true crime, according to the experts [Electronic resource]. URL: <https://www.mentalfloss.com/article/559256/why-we-love-true-crime> (date of access: 11.11.2019).
- Nisbet R. *The sociological tradition*. Routledge. New York, 1993.
- Sutton H. The perfect crimes: why thrillers are leaving other books for dead. [Electronic resource] URL: <https://www.theguardian.com/books/2018/apr/14/perfect-crime-fiction-bestsellers-whodunnits-thrillers-leave-rivals-for-dead?fbclid=IwAR0NCJ8pTtbRop9Bp4rMpp4YG2haMJmAEoZnqqqIAtHuGsyBe2q2-UZjKpg> (date of access: 11.11.2019).

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

DOI: 10.31857/S023620070019080-5

©2022 А.А. ЛУНЕВА

«СВОЙ» И «ЧУЖОЙ» В РАННЕМ ХРИСТИАНСТВЕ В СВЕТЕ НОВЫХ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Лулева Анна Александровна — аспирантка Института философии. Санкт-Петербургский государственный университет.
Россия, 199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.
ORCID: 0000-0001-7033-3140
anluneva@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема развития раннехристианского антииудаизма с использованием методов современного когнитивного религиоведения и социальной антропологии. Подобный подход позволит иначе взглянуть на раннехристианские антииудейские сочинения II–III веков и по-новому объяснить причину возникновения антииудаизма. В трудах раннехристианских авторов иудеи всегда представлены как «чужие», противостоящие «своим» — христианам. Образ иудея стереотипизирован и переходит из текста в текст: их характеризуют как богоубийц и отступников, имеющих нелепые обряды. В то же время христиане представлены как новый, духовный Израиль, их новый закон сменил старый закон иудеев. «Свои» для христиан — это те, кто не признает плотских жертв иудеев и отрицает обрезание и празднование Субботы. Когнитивная и социальная антропологии дают объяснение уничтожения «чужих» и превознесения «своих», указывая, что межгрупповые конфликты возникают, когда группы преследуют одни и те же цели, и при этом страх перед «чужими» усиливает сплоченность внутри группы. В результате такого межгруппового взаимодействия возникают стереотипы, которые передаются, укрепляются и развиваются внутри группы. Иудео-христианские

это вызывало конфликты между этими религиозными группами [Simon, 1986: 98; Wilken, 1967: 313]. Другие исследователи полагают, что христианский антииудаизм конца II–III века был вызван более снисходительным отношением римских властей к иудеям по сравнению с христианами, которые претерпевали в этот период гонения [Smallwood, 1976: 540]. В 1995 году Мириам Тейлор выступила с критикой «теории конфликта» и предложила вместо нее теорию «символического антииудаизма». По ее мнению, антииудейские пассажи в христианских текстах II–III веков не имели реального социально-политического основания, но лишь воспроизводили теологическую полемику [Taylor, 1995: 127]. В русле этой позиции в 1996 году Юдит Лье высказала мнение, что антииудейские сочинения отражали не иудео-христианское взаимодействие, а поиск решения проблем внутри складывающейся христианской церкви [Lieu, 1996: 289].

Таким образом, к концу XX века сложились три подхода к изучению раннехристианских антииудейских сочинений. Они рассматривались: 1) как религиозные сочинения, в которых иудео-христианские отношения носили символический характер, а иудеи в них являлись лишь образом, созданным воображением раннехристианских авторов; 2) как исторические источники, отражающие реальные конфликты между иудеями и христианами; 3) как религиозные сочинения, которые должны рассматриваться исключительно с привязкой к историческому и культурному контексту.

В этой статье мы попытаемся подойти к анализу этих произведений с точки зрения межкультурного взаимодействия, изучаемого социальной психологией, антропологией и другими современными науками. Несомненно, в данном случае этот подход имеет некоторые допущения, поскольку все эти науки работают с современными процессами. Мы же используем их методы для интерпретации событий прошлого. Современное развитие когнитивной антропологии и когнитивного религиоведения [Бажанов, 2018; Черниговская, 2013; Шахнович, 2013] дало возможность исследователям античности использовать новые методы. За последние два десятилетия в свет вышло немало работ, направленных на изучение раннего христианства и иудаизма этого периода с опорой на исследования в области когнитивной антропологии. В 2007 году под редакцией Петри Люоманена и Илки Пюсияйнена вышел сборник, в котором впервые использовались социальный и исторический подходы в сочетании с когнитивным антропологическим анализом для исследования античного иудаизма и раннехристианской традиции [Explaining Christian Origins and Early Judaism..., 2007]. Два года спустя Коллин Шанц издала

А.А. Лулева
«Свой» и «Чужой» в раннем христианстве в свете новых антропологических теорий

**СИМВОЛЫ.
ЦЕННОСТИ.
ИДЕАЛЫ**

монографию, посвященную изучению посланий апостола Павла на основе методов библеистики, антропологии и нейробиологии [Shantz, 2009]. Исследование Нового Завета на основе методологии когнитивного религиоведения и поведенческих наук отражено в работах Иштвана Цахеша [Czachesz, 2017]. Александр Гомола, используя методы когнитивной лингвистики в изучении метафоры, а также теорию концептуального смешения, показал, как в патристической литературе были сформированы понятия, важные для христианской догматики [Gomola, 2018]. Однако до сих пор не предпринималась попытка применить эту методологию к изучению раннехристианского антииудаизма. В рамках современных теорий межкультурного взаимодействия «чужой» — это тот, кто находится за границами определенной группы, в то время как «свой» — это тот, кто находится в ее пределах. Каждая группа имеет уникальные критерии для определения людей как «своих», так и «чужих».

Одной из главных причин возникновения межгрупповых конфликтов является стремление людей разделить всех на «своих» и «чужих». Это стремление — одна из функций мозга, которая заложена в каждом из нас. Поэтому человек склонен видеть в представителях своей расы больше индивидуальных черт и в то же время представлять «чужих» как безликую массу [Сапольски, 2020: 357]. Этот феномен назван «межрасовым эффектом» (Cross-Race Effect) [Young, Hugenberg, Bernstein, Sacco, 2012: 123]. Вследствие этого эффекта все «чужие» кажутся нам одинаковыми. Подобным образом наш мозг группирует людей не только по расам, но и по половой или социальной принадлежности. Такая категоризация необходима человеку для простоты восприятия огромного потока информации, которую он получает, поэтому все данные, воспринимаемые мозгом, распределяются по группам [Сапольски, 2020: 349]. Однако это возможно только при условии уже сформированной категоризации. Так, в ходе проведенного социальным психологом Анри Тешвелем эксперимента было выявлено, что если у человека нет представления о том, кто такой «еврей», то он и не выделяет эту группу лиц из толпы [Luomanen, Ruysiäinen, Uro, 2007: 24]. Кроме того, на суждение об определенном объекте значительно влияет, представлен ли он уже как часть какой-либо категории или нет [Tajfel, Wilkes, 1963: 113; Foroni, Rothbart, 2011: 570].

Антрополог Паскаль Буайе назвал стремление людей к объединению в группы даже по незначительному признаку «коалиционной психологией» [Буайе, 2020а: 60]. В ходе экспериментов им было выявлено, что даже незначительный предмет гардероба способствует разделению на «своих» и «чужих», а небольшой акцент или разговор на иностранном языке в общественном месте вызывает

негативную реакцию [Сапольски, 2020: 360]. Нейтральное выражение лица «чужого» воспринимается как более агрессивное, чем нейтральное выражение лица «своего» [там же: 82]. Это позволяет объяснить, почему «чужие», в частности иудеи, в раннехристианских сочинениях всегда описывались резко негативно и к ним применялись отрицательные эпитеты. «Чужие» всегда выглядят глупее, несуразнее, страннее. Нам кажется, что их обычаи хуже наших, еда не такая вкусная, а ритуалы нелепы. Такое представление не только строит преграды между «своими» и «чужими», но и создает чувство внутригруппового единства. Человек всегда более лоялен к «своим», в любой момент готов прийти им на помощь, даже если эта помощь будет оказана через уничижение «чужих» [там же: 352–353]. Опираясь на эти и другие данные социологии, антропологии и т.п., мы покажем на примере некоторых раннехристианских сочинений, что христиане, воспринимая иудеев как «чужаков», действовали согласно тем же законам, что и современные сообщества, и, следовательно, раннехристианский антииудаизм — пример межгруппового конфликта.

«Диалог с Трифоном иудеем» — одно из ранних произведений, в котором было отражено представление об иудеях как о «чужих». Хотя автор диалога — Иустин Философ — беседует с Трифоном один на один, он не стремится представить читателю своего собеседника как уникального персонажа, имеющего реальный прототип. Трифон — это скорее собирательный образ иудея, такой, каким его представляли христиане. Единственное, что, по мнению Иустина, отличало иудеев и являлось маркером их инаковости, было обрезание: «И нет другого способа отличить вас, кроме как плотского обрезания» [Justin Martyr, 2003: 436].

Далее Иустин развивает свое представление об иудеях. В диалоге четко прослеживается образ иудеев как «чужаков», тех, кто противостоит христианам. Иустин определяет их как «жестокосердных людей» [ibid.: 288, 300, 318], «глупый, слепой и хромой народ» [ibid.: 250]. В отличие от христиан, иудеи склонны к тому, чтобы уклониться от веры [ibid.: 230]. Данные отрывки являются подтверждением того, что инаковость, которую видели в иудеях христиане, вызывала у них страх и агрессивное отношение к этой религиозной группе. Вряд ли Иустин имел множество контактов с иудеями, чтобы делать такие выводы о них. Скорее, он использовал стереотипы и обобщенные представления, которые были распространены в его окружении.

Также Иустин утверждает, что иудеи доставляют христианам много неприятностей: их клевета на учение Иисуса — безбожная и беззаконная ересь — распространилась по всему миру [ibid.: 474]. Иудеи, по словам Иустина, проклинают и его самого, и верующих в него в своих синагогах [ibid.: 446], оскверняют имя Христа [ibid.: 506]. Однако

А.А. Лунева
«Свой» и «Чужой» в раннем христианстве в свете новых антропологических теорий

за Иисусом рассматривалось как предательство «своих», как дезертирство из страха перед гонениями. Примеры этого мы видим в пагристических текстах.

Мелитон Сардийский в своем трактате «О Пасхе» обвиняет Израиль, то есть евреев, в отступничестве: Израиль поступил неправильно, обесславив, проявив неуважение и отрекшись от учения Христа [Melito of Sardis..., 1979: 40]; Израиль «убил своего Господа [Иисуса] в великий праздник» [ibid.: 42] и окровавил свои руки [ibid.: 52]. За это преступление Израиль уже больше не оберегаем Господом [ibid.: 56], а его учение обесценилось, поскольку на смену ему пришло христианство [ibid.: 22]. Мелитон, как Климент и Иустин, представляя еврея «чужим», употребляет наиболее часто используемые стереотипы: иудеи — богоубийцы, предатели и отступники. Такие стереотипы могли возникнуть из-за того, что первыми последователями христианства были именно иудеи (евреи), однако с ростом общины их число уменьшалось и все больше неопитов приходило из числа язычников [Cohen, 2006: 216]. Для того чтобы создать негативный образ иудеев, не требовался тесный контакт христианских авторов с ними. В своих антииудейских сочинениях апологеты активно использовали библейские тексты, на основе которых выстраивали свои речи [Ruether, 1974: 94, 181].

В исследованиях межгрупповых конфликтов выделяют еще одну причину их возникновения: преследование разными группами общих целей. Вражда идет по принципу «победителю — все, проигравшему — ничего». Группы стремятся не только заполучить желаемое, но и навредить противнику [Буае, 2020а: 61]². Произведение Тертуллиана «Против иудеев» отражает подобную борьбу. Сочинение этого христианского апологета было написано прежде всего для прозелитов, для тех, кто еще не сделал свой религиозный выбор. Тертуллиан стремился захватить эту аудиторию и именно поэтому акцентировал внимание на критике болезненного и опасного обряда обрезания в иудаизме. Тертуллиан обосновывал превосходство христианства тем, что последователи

А.А. Лунева
«Свой» и «Чужой» в раннем христианстве в свете новых антропологических теорий

² Теория реального конфликта (Realistic conflict theory) была сформулирована социологом Дональдом Кэмпбеллом. Она разрабатывалась на основе эксперимента «Летний лагерь» (Robbers cave study), который проводил американско-турецкий социальный психолог Музафер Шериф в первой половине — середине XX века. В ходе эксперимента выяснилось, что не само существование разных групп приводит к межгрупповым конфликтам, а их борьба за один и тот же ресурс. Именно конкуренция является причиной конфликта и возникновения внутригруппового фаворитизма, в то же время общее важное дело способно примирить враждующие группы. См.: [Campbell, 1972: 23; Sherif, 1988: 210–211].

общину. Особенно ярко это заметно в противопоставлении христиан иудеям или язычникам. Например, Климент в «Строматах» пишет, что, хотя христианские сочинения не так красивы и гармоничны, как сочинения эллинских философов, они наделены большей истиной, которую не заменят пустые, но благозвучные речи философов [Clementis Alexandrini Stromata..., 2012: 88]. Однако чаще христиане превозносят себя и свою веру в сравнении с иудеями и иудаизмом. Например, в уже упомянутом произведении Мелитона «О Пасхе» автор восхваляет христианскую Пасху как новую, вечную, нетленную и бессмертную, подобно всем последователям Христа [Melito of Sardis..., 1979: 2]. Так как христиане, в отличие от иудеев, приняли Иисуса, то им даровано спасение [ibid.: 56–60].

Христианские авторы нередко использовали в качестве сравнения христиан и иудеев метафору о старом и новом народе, о ветхом (древнем) и новом законе. Они стремились показать, что их учение пришло на смену учению иудеев, которому уже нет смысла следовать. В «Диалоге с Трифоном иудеем» Иустин говорит, что «мы [христиане] — истинный духовный Израиль» [Justin Martyr, 2003: 212]. В «Послании к Магнезийцам» Игнатий Антиохийский предостерегает христиан от иудействования: «Старайтесь избегать злой, старой и кислой закваски [The Apostolic Fathers..., 1965: 206], — пишет Игнатий, — ведь старая закваска может осквернить новую». В трактате «О двух горах Синай и Сион» сравниваются иудеи с Синаем, а христиане — с Сионом: «Синай есть земная гора, расположенная на сухой земле» [Pseudo Cipriano I due Monti Sinai e Sion..., 1994: 148], «и на той земной горе Синай бог дал через Моисея, все еще облаченного в земную плоть первого человека, закон для земных и плотских евреев» [ibid.: 148]. Гора Сион — это небесная гора, «царство святого дерева»⁴ [ibid.: 168], а тот, кто стоял на этой горе, «имеет невинные руки и чистое сердце» [ibid.: 172]. Если старый закон пользовался принципом «око за око», защищался мечом, то новый закон — это милосердие и мир вместо войны [Q. S. F. Tertulliani Opera Pars II: Opera Montanistica..., 1954: 1346]. Подобное сравнение не только помогало христианам оправдать значимость своей веры, но и способствовало выработке критериев собственной идентичности. «Свои» для христиан — это те, кто не признает иудейских законов, таких как плотское обрезание и Суббота, но следует за Иисусом как за Мессией. «Свои» — это те, кто готов терпеть гонения за веру: «Смерть не заставляет нас отказаться от имени его» [Justin Martyr, 2003: 256], — пишет

А.А. Лунева
«Свой» и «Чужой» в раннем христианстве в свете новых антропологических теорий

⁴ Имеется в виду крест, на котором был распят Иисус.

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

Иустин. Однако он предостерегает свою аудиторию от того, что не всякий, кто называет себя христианином, исповедует истинное учение, много и таких, кто, называясь так, на самом деле учит говорить и делать безбожное и нечестивое [ibid.: 270]⁵.

Как этничность не могла сформироваться без понимания инсайдеров и аутсайдеров [Eriksen, 2010: 23], так и христианство не могло обособиться от иудаизма без восприятия иудея как «чужого». Биологические процессы вызывают у нас эмпатию к «своим» и агрессию к «чужим», необходимость в категоризации приводит к стереотипам и предрассудкам [Sikara, Bavel, 2014: 246], а стремление к единой цели двух или более групп — к межгрупповым конфликтам. Кроме того, в результате межгрупповых отношений внутри каждой группы формируются стереотипы и предрассудки по отношению к другим. Они так же, как и стремление делить людей на «своих» и «чужих», возникают из необходимости категоризации, то есть формирования категорий, классифицирующих объекты [Fiske, Neuberg, 1990: 14]. При этом люди склонны преувеличивать межгрупповые различия и преуменьшать внутригрупповые, что позволяет чувствовать единство со «своими» и отделять себя от «чужих». Наличие стереотипов также позволяет оправдать социальное неравенство и обосновать чувство собственной важности (ценности). Кроме того, стереотипы упрощают сложный и многогранный мир, делаая его одномерным, более понятным в силу этого упрощения. Стереотипы могут относиться к группе людей, выделенной по расовой, религиозной, национальной, гендерной или любой другой принадлежности. Чаще всего они возникают благодаря передаче информации внутри своей группы и реже — из личного контакта с группой «чужих». Немаловажно, что стереотип — это упрощенное, обобщенное и унифицированное представление о другой группе, и он не является ни абсолютно ложным, ни абсолютно истинным [Попков, 2002: 182–186]. Паскаль Буайе указывает, что опасность стереотипов заключается в том, что они «вызывают отношение, которое, в свою очередь, ведет к дискриминации» [Буайе, 2020а: 62].

Быть приверженцем определенной религиозной группы — означает участие в таком межгрупповом взаимодействии, когда сообщество внутри группы разделяет людей на «нас» и «других»

⁵ Матийс ден Далк считает, что этот отрывок в «Диалоге» направлен против так называемых «христианских ересей», приверженцев которых было много в Эфесе, где предположительно находился Иустин. Ведя диалог с иудеем, Иустин не спорит с ним, но показывает, что есть истинное христианство и кого можно считать «своим» [Dulk, 2018: 53–54].

[Буайе, 2020б: 357]. Разные религиозные сообщества преследуют одну и ту же цель — привлечь к себе как можно больше новых приверженцев, поэтому контакты между представителями разных сообществ могут привести к конфликтным ситуациям.

Все эти процессы четко прослеживаются в раннехристианских антииудейских сочинениях. Христианские авторы воспринимали иудеев как «чужаков», как другую религиозную группу. Этот образ «чужака» передавался через определенные стереотипы из одного сочинения в другое. В каждом сочинении иудеи описаны обобщенно, без уникальных черт. Их образ имеет ярко негативный характер. Подобное негативное восприятие иудеев могло возникнуть как следствие необходимости формирования христианской идентичности, когда требовалось показать значимость христианской миссии внутри общины. Также негативный образ иудеев был необходим для обоснования преимуществ «новой религии» перед «старой», поскольку иудеи и христиане в начале новой эры конкурировали между собой в борьбе за прозелитов. Этот стереотип раннего христианства, сформировавшийся внутри этой религиозной группы еще в первых веках н.э., передавался из поколения в поколение, затем распространился в средневековой Европе, трансформировался в антисемитизм Нового времени и привел к Холокосту.

А.А. Лунева
«Свой» и «Чужой» в раннем христианстве в свете новых антропологических теорий

“Insiders” and “Outsiders” in Early Christianity in the Light of New Anthropological Theories

Anna A. Luneva

Postgraduate student, Institute of Philosophy.

Saint Petersburg State University.

5 Mendeleevskaya Liniya, St. Petersburg 199034, Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-7033-3140

anluneva@gmail.com

Abstract. The article represents the problem of the development of early Christian anti-Judaism using the methods of Cognitive Science of Religion and Social Anthropology. This approach allows us to consider the early Christians anti-Jewish writings of 2nd—3rd CE from another angle and to explain the reasons of emerging of anti-Judaism in a new way. In the works of early Christian authors Jews were always shown as “Others” (Outsiders) opposed to “Us” (Insides) — Christians. The image of Jew was stereotyped and passed through the Christian writings. Jews were characterized as deicides and apostates with worthless rites. They also caused troubles for Christians. At the same time Christians were depicted as new, eternal Israel, their New law replaced the Old law of Jews. For Christians “Us” were those, who rejected carnal sacrifices of Jews, circumcision and Shabbat day. Cognitive Science and Social anthropology explains humiliation of “Others” and exaltation of “Us”, pointing out that inter-group conflict

- Свенцицкая И.С. Раннее христианство: Страницы истории. М.: Политиздат, 1988.
Svencickaya I.S. *Ranee Khristianstvo: Stranisy Istorii* [Early Christianity: Pages of the History]. Moscow: Politizdat Publ., 1988.
- Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шредингера: Язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2013.
Chernigovskaya T.V. *Cheshirskaya Ulybka kota Shredingera: Yazyk i Soznanie* [Cheshire Smile of the Schrödinger's Cat: Language and Consciousness]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2013.
- Шахнович М.М. Когнитивная наука и исследования религии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 3. С. 32–62.
Shakhnovich M.M. *Kognitivnaya Nauka i Issledovaniya Religii* [Cognitive Science and the Study of Religion]. *Gosudarstvo, Religii, Tserkov' v Rossii i za Rubezhom*. 2013. N 3. P. 32–62.
- Boyarin D. Semantic Differences; or, “Judaism”/“Christianity”. *The Ways that Never Parted: Jews and Christians in Late Antiquity and the Early Middle Ages*, A. Becker, A.Y. Reed (eds.). Tübingen: Mohr Siebeck, 2003. P. 65–85.
- Campbell D.T. On the Genetics of Altruism and the Counter-Hedonic Components in Human Culture. *Journal of Social Issues*. 1972. Vol. 28, N 3. P. 21–37.
- Cikara M., Bavel J.J. van. The Neuroscience of Intergroup Relations: An Integrative Review. *Perspectives on Psychological Science*. 2014. Vol. 9, N 3. P. 245–274.
- Clementis Alexandrini Paedagogus*, ed. by M. Marcovich. Leiden; Boston, MA: Brill, 2002.
- Clementis Alexandrini Stromata. The Seventh Book of the Stromateis: Proceedings of the Colloquium on Clement of Alexandria*, M. Havrda, V. Hušek, J. Plátová (eds.). Leiden; Boston, MA: Brill, 2012.
- Cohen S.J.D. *From the Maccabees to the Mishnah*, 2nd ed. Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 2006.
- Czachesz I. *Cognitive science and the New Testament: A New Approach to Early Christian Research*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2017.
- Dulk M. den. *Between Jews and Heretics: Refiguring Justin Martyr's Dialogue with Trypho*. London; New York: Routledge, 2018.
- Eriksen T.H. *Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives*. 3rd ed. London; New York: Pluto Press, 2010.
- Explaining Christian Origins and Early Judaism. Contributions from Cognitive and Social Science*, P. Luomanen, I. Pyysiäinen, R. Uro (eds.). Leiden; Boston, MA: Brill, 2007.
- Fiske S.T., Neuberg S.L. A Continuum of Impression Formation, from Category-Based to Individuating Processes: Influences of Information and Motivation on Attention and Interpretation. *Advances in Experimental Social Psychology*. 1990. Vol. 23, N 3. P. 1–74.
- Froni F., Rothbart M. Category Boundaries and Category Labels: When Does a Category Name Influence the Perceived Similarity of Category Members? *Social Cognition*. 2011. Vol. 29, N 5. P. 547–576.
- Gomola A. *Conceptual Blending in Early Christian Discourse: A Cognitive Linguistic Analysis of Pastoral Metaphors in Patristic Literature*. Boston, MA: Walter de Gruyter, 2018.
- Goodman M. Modeling the “Parting of the ways”. *The Ways that Never Parted: Jews and Christians in Late Antiquity and the Early Middle Ages*, A. Becker, A.Y. Reed (eds.). Tübingen: Mohr Siebeck, 2003. P. 119–129.

А.А. Лунева
«Свой» и «Чужой» в раннем христианстве в свете новых антропологических теорий

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31857/S023620070019081-6

©2022 Е.Г. ЦУРКАН

НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В СЕТЕВУЮ ЭПОХУ: СТАТЬИ, ИНТЕРВЬЮ, ЭКСПЕРТНЫЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ: монография. Москва: Русское общество истории и философии науки, 2019. 271 с.

Цуркан Евгений Геннадьевич — старший преподаватель кафедры социальной философии и философии истории философского факультета. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
ORCID: 0000-0002-0807-6558
unigendeth@gmail.com

В рецензируемой монографии, вышедшей в серии «Библиотека кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова», ведущие эксперты МГУ им. Ломоносова, РАН и НИУ ВШЭ обратились к непростой и приобретающей все большую актуальность проблеме *новых социальных движений* и специфических трансформаций, вызванных внедрением цифровых технологий в производство протестной коммуникации.

Публикация подготовлена при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия» и гранта РФФИ № 21-011-31469 «Социально-сетевое общество как новая коммуникативная система: протест и активизм».

Вызванная развитием интернет-технологий трансформация активизма и протестной коммуникации привела к существенному подрыву теоретических достижений социальных наук в области концептуализации социальных движений. Новые социальные движения, коммуницируя и развиваясь в сети, становятся все более непрозрачными для внешнего наблюдателя, что приводит к непредсказуемости офлайн-овых манифестаций социально-сетевой активности — уличных демонстраций и иных форм городского

активизма. Горизонтальность и ризоматичность координации локальных сообществ и индивидов в новых социальных движениях заставляют по-новому взглянуть на проблему возможности коллективного действия. Наблюдательная недоступность приводит к необходимости пересмотра исследовательских подходов.

В монографии ставится цель выявить при помощи новой исследовательской оптики, сконструированной на методологической базе системно-коммуникативного подхода, программные механизмы сетевой активности, тематическое разнообразие протестных движений, определить их функции и дисфункции. Новые социальные движения описываются как «комплексная динамическая коммуникативная система, основанная на собственных уникальных символических медиа коммуникативного успеха, собственных медиа распространения информации, обеспечивающих формирование новой коммуникативной системы сетевого протеста» (с. 7).

Монография разделена на три части. Первые две, написанные Р.Э. Бараш совместно с А.Ю. Антоновским, включают в себя шесть глав, которые структурно и стилистически выполнены в форме статей и посвящены наиболее значимым и актуальным проблемам, находящимся на фронтире современных исследований протестных движений. В третьей части размещены экспертные заключения и результаты опроса студентов.

В первой главе выдвигаются шесть ключевых гипотез о несистемной протестной коммуникации, составляющих остов предлагаемой позитивной программы исследования протеста. Данные гипотезы обосновываются в последующих главах. В зачаточной форме схожие гипотезы были сформулированы в 80 – начале 90 годов в «общей теории коммуникативных систем» Н. Лумана, однако в монографии они были существенным образом развиты и дополнены.

Гипотеза «*компенсаторной лояльности*» состоит в том, что в отличие от других коммуникативных систем, имеющих более жесткие организационные рамки, протестная коммуникация ориентирована «на личностную привязанность системе протеста» и требует «персональной лояльности к теме или ключевой идее» (с. 20).

В гипотезе «*инклюзивного социального контроля*» говорится о невозможности обеспечения социального контроля путем насильственного исключения из общества девиантных форм поведения, аномных форм коммуникации и альтернативных ценностей. Исчезновение «эксклюдировующего» контроля приводит к кристаллизации протеста по двум причинам. Первая состоит в том, что чуждые друг другу «стили жизни» находятся в непосредственной

Е.Г. Цуркан

Новые социальные движения в сетевую эпоху: статьи, интервью, экспертные заключения

«интерактивной близости»: мигранты живут на одних и тех же улицах с коренным населением, представители субкультур и контркультур — с людьми более традиционных взглядов. Появление условно единого пространства интернета существенно повышает возможность столкнуться с чуждыми ценностями и альтернативными стилями жизни. Вторая причина заключается в отсутствии необходимости конформного поведения, так как исчезает угроза быть исключенным из общества в качестве «асоциального элемента». Это делает возможным интеграцию по принципу «исключенности», которая со временем трансформируется в «исключительность».

Демонстративное непризнание некоторых нормативных установлений становится основой для организации сообществ на основании собственного «поражения в правах» или сопереживания людям, «пораженным в правах», что приводит нас к третьей гипотезе — гипотезе «заместительной пораженности». Согласно ей, ядро протестной активности парадоксальным образом состоит не из людей, действительно ставших жертвами угнетения, а из их «идейных представителей». «Пораженность в правах» предстает лишь *темой* протеста, а не переживается участниками протеста как личная травма, то есть является некоторого рода симуляцией — страданием за другого. Реальное страдание должно стать социальным фактом — создать нормативные установки, вызывающие сопереживание со стороны непосредственно не пострадавших участников. Так устанавливается структурное сопряжение между индивидуальным ментальным переживанием и социальным состраданием, способным стать темой коммуникации. «Заместительная тематизация страдания образует ядро коммуникативной системы протеста» (с. 22).

Описания и самоописания «страдающих сообществ» не обладают достаточной интегративной силой, способной организовать массы для коллективного действия, — должны существовать какой-то дополнительный социальный мотив и «социальная эмоция». Четвертая гипотеза заключается в том, что дополнительным мотивом выступает «социальный страх». Под «социальным страхом» понимается перманентная встревоженность с нефиксированным источником, «мера энергии, постоянно подпитываемая и накапливающаяся посредством конкретных преходящих страхов» (с. 23). Чтобы энергия могла вылиться в массовый протест, требуются «непсихические формы проявления» — механизмы социальной памяти и постоянной актуализации предмета страха.

Из третьей и четвертой гипотез следует пятая, состоящая в том, что эмоции, мотивирующие протест, должны пониматься в социальном, а не психологическом смысле. Это означает разрыв

с депривационно-психологическим подходом к описанию протестных движений. Главным аргументом в пользу такого понимания мотивов и эмоций протестующих служит невероятность перманентного накопления и передачи страхов другим участникам движения на уровне индивидуальной психики. Благодаря культивированию способности испытывать страх за другого нейтрализуется традиционная установка, запрещающая мужчинам демонстрировать страх. Говорить о страхе становится нормой. «Именно страх по причине его эмоциональной силы, несопоставимо более мощной в сравнении с другими эмоциями ... выступает автопоэтическим механизмом, который делает возможным “накручивание” и социальное “возбуждение”, как следствие — заинтересованное обсуждение» (с. 24). Из чего следует, что изучение протеста должно включать в себя выявление конкретных механизмов накопления и передачи страхов. Таким механизмом в шестой главе обозначается визуализация страха. Ключевой проблемой объяснения протеста является раскодирование механизмов мотивации в нем участвовать. Лучшим способом вызвать сочувствие, согласно авторам монографии, является визуализация страданий — картинка, распространяемая в аналоговых и цифровых медиа.

Согласно шестой гипотезе, протестное движение обладает «экстрасистемным» характером, оно не способно к образованию организации, формулированию политической программы и выдвижению реальных альтернатив существующему положению вещей. «Протестная коммуникация... не считает своей задачей предложение рационального решения обсуждающейся проблемы» (с. 29). Мысль о том, что протестная коммуникация является «альтернативой без альтернативы» (с. 47) и может институализироваться и приобрести форму организации только путем интеграции в русло системной политической конкуренции (то есть через потерю статуса социального движения), красной нитью проходит через все исследование. Вместе с тем экстрасистемность протеста, являющаяся (парадокс) его системным свойством, обеспечивает главные условия его воспроизводства — «всепроникаемость» и «неуничтожимость» (с. 46).

Из обозначенных гипотез, когерентных в рамках системно-коммуникативной теории, выводится ряд очень интересных и нетривиальных, если не сказать дискуссионных следствий.

Первое состоит в том, что протест рассматривается как причина самого себя, самовоспроизводящаяся система коммуникации, в которой зависимость от внешних факторов — действительных общественных напряжений — оказывается достаточно произвольной. Из такого определения протеста, в котором Р.Э. Бараш и А.Ю. Антоновский наследуют британскому исследователю

Е.Г. Цуркан

Новые социальные движения в сетевую эпоху: статьи, интервью, экспертные заключения

Х. Фухсу, следует, что радикальный протест может быть спровоцирован незначительным событием, а фундаментальные структурные напряжения, влекущие депривацию потребностей и социальное недовольство значительной массы населения, могут не породить протестной активности. Протест рассматривается в эволюционном смысле, как реализация возможности, а не как ответ на определенный вызов. В таком случае «социальные проблемы», выступающие референтом протестной коммуникации, являются не причинами протестной коммуникации, а следствиями. Протест высвечивает и в этом смысле создает общественные проблемы, с которыми призван бороться. Это, конечно, не значит, что «социальные проблемы» являются выдуманными и навязанными. Это указывает на то, что многие общественные явления подразумевались в качестве «нормальных» до тех пор, пока не были артикулированы протестными движениями в качестве формы угнетения и социальной несправедливости.

В качестве альтернативы традиционному «реактивному» пониманию социальных движений, согласно которому социальная проблема вызывает к жизни протестные движения, авторы предлагают «проактивное» понимание протеста — коммуникация по поводу темы протеста высвечивает и *создает* проблему в качестве своего референта и цели коллективных действий (с. 41). В этом вопросе системно-коммуникативная теория, развиваемая авторами, противопоставляется более традиционным подходам к объяснению протеста — «ресурсно-мобилизационному» и «структурно-критическому», исходящим из предположения о том, что именно макросистемные трансформации общества являются причиной изменения коммуникации на микроуровне, а не наоборот. Примечательно, что к более традиционным подходам склонялись и студенты, участвовавшие в опросе, который приведен в третьем разделе монографии. Наиболее значимыми факторами протестной активности ими были названы именно «социально-экономические», а не коммуникативные факторы. Часть экспертов, чьи мнения приведены в третьем разделе, разделяют студенческую интуицию.

Несмотря на дисфункциональность протеста, вытекающую из предположения о том, что протест представляет собой «альтернативу без альтернативы», в третьей главе в качестве особой функции девиантных (в том числе протестных) форм коммуникации обозначено формирование «социального иммунитета». Отдельно оговаривается, что тезис о позитивных функциях «дисфункциональной коммуникации» не должен пугать своей парадоксальностью: «Об этом можно говорить в том же смысле, в котором медицина и эволюционная теория может рассматривать болезнь,

мутации, смерть как позитивную функцию для популяции...» (с. 58).

Под «социальным иммунитетом» подразумевается «variety pool» инновационных коммуникативных образцов, которые апробируются в малых сообществах без реализации в более обширных коммуникативных системах и обществе в целом. Это позволяет нейтрализовать опасность внедрения новых ценностей и стилей жизни, которые способствуют интеграции в малых масштабах, но могут оказываться разрушительными в масштабах общества. Именно вокруг новых (в этом плане маргинальных) ценностей выстраивается протестная активность. Отклоняющиеся ценности и стили жизни в тех редких случаях, когда они обладают способностью общественной интеграции, могут войти в корпус «всеобщих прав человека». Примерами служат идеи равноправия женщин, прав сексуальных меньшинств, атеизма. Если отклоняющиеся ценности обладают возможностью исключительно узкогрупповой интеграции, то они остаются локальными.

Оригинальным образом в четвертой главе развивается теория «мягких стимулов», предложенная в рамках неутилитаристской теории рационального выбора (Дж. Колуман), в которой участник протеста понимается как рациональный актер, чьей мотивацией участия в протесте выступает максимизация выгоды. Теория «мягких стимулов» позволяет решить «проблему невероятности» протестного действия, возникающую из значительных временных затрат и риска, сопряженного с протестной деятельностью, при незначительном «профите» в случае успеха. Мягкий стимул предполагает нацеленность «на состояние удовлетворенности от совершенных действий “ради другого”» (с. 75). Выгода действия «ради другого» состоит в общественном одобрении, позитивной оценке в протестной среде и моральном удовлетворении. Однако авторский коллектив монографии приходит к выводу, что теория «мягких стимулов» не решает главной проблемы: как согласуется единое коллективное действие в условиях отсутствия организации и фигуры харизматического лидера?

Чтобы решить указанную проблему, в пятой главе к протестному движению применяется метафора «искусственного интеллекта», согласно которой «социальные сети выступают сегодня неким супер-субъектом, который использует ряд программных нейронно-сетевых механизмов... Эти механизмы состоят в способностях оценивать значимость и вес тех или иных релевантных для запуска несетевого активности событий, триггеров и процессов» (с. 84). Существует реестр локальных сообществ (форумов, блогов, групп) — нейронов, — которые связаны с определенными протестными темами. Синаптическими механизмами,

Е.Г. Цуркан

Новые социальные движения в сетевую эпоху: статьи, интервью, экспертные заключения

■■■■■■■■■■■■■■■■
ОБЗОРЫ И
РЕЦЕНЗИИ
■■■■■■■■■■■■■■■■

связывающими отдельные нейроны в комбинации для осуществления коллективного действия, являются «ивенты» — осетевленные протестные события. Также для решения заявленной проблемы привлекается модель «сетевых брокеров» (С. Гонсалес-Бейлон и Н. Ванг) — людей, транслирующих информационные потоки из локальных протестных сообществ в более широкие сообщества. «Инфоброкеры» перекрывают структурные разрывы, выстраивая «коммуникативные мосты в океане пассивной массы участников протеста» (с. 81). Остается неясным, как модель «инфоброкера» связывается с метафорой искусственного интеллекта и не противоречат ли они друг другу.

В третий раздел монографии включены мнения экспертов о специфике протестной коммуникации. Экспертные заключения дают более широкую панорамную картину протестных движений, поскольку эксперты часто исходят из теоретических интуиций и гипотез, существенным образом отличающихся от высказанных в первых двух разделах монографии. Приведем некоторые из них.

К.Х. Момджян в качестве главного референта протестных движений называет «вестернизацию» — особую форму глобализации. Переключение протестной повестки, традиционно датированное 1968 годом, с классового неравенства и колониализма на иные формы социальной несправедливости — расового, религиозного, сексуального неравенства — К.Х. Момджян связывает с доктриной «ультралиберализма». Данная доктрина описывается как «редкий случай временной победы отвлеченных идеологических постулатов над реальными интересами людей» (с. 141). Поскольку ультралиберализм базируется на ошибочном убеждении в том, что классические проблемы экономического дефицита, негарантированной безопасности и выживания остались в историческом прошлом, эта идеология разрушится, как только человечество вступит в период «негарантированных исходов». Иными словами, современная протестная повестка продиктована не объективными социальными дисфункциями, а скорее «забвением» таковых.

Экспертное заключение О.А. Ефремова посвящено специфике русского протеста, чему в первых двух разделах монографии было уделено сравнительно мало внимания. Он развивает мысль о специфике «отечественной протестности», отличающейся от «западной оппозиционности» особо разрушительным характером (с. 145). Сутью же отечественной протестности является особое отношение к власти, совмещающее вынужденную покорность и недоверие на грани неприязни (с. 146).

В.С. Кржевов настаивает на необходимости, прежде чем делать далеко идущие выводы о радикальной трансформации протестных движений, вновь обратиться к основополагающему для данной

проблематики вопросу — вопросу моральной ответственности носителей общественной власти. Е.В. Щербакова концентрируется на описании психологического портрета протестующих. Оба заключения существенным образом раздвигают рамки исследования, заданные в первых двух разделах монографии, поскольку оптика системно-коммуникативного подхода не ухватывает проблематику моральных ограничений и психологической мотивации участников протеста.

В рецензии мы наметили абрис основных тем, гипотез и метафор, содержащихся в тексте монографии. Однозначно можно сказать, что исследование является не просто фундаментальным и актуальным, но позволяет по-новому взглянуть на социальные движения. Мнения экспертов дополняют и расширяют общую картину, существенно обогащая системно-коммуникативный взгляд на протестную активность иными исследовательскими интуициями и оптиками. Монография рекомендуется всем членам социально-философского научного сообщества. Прочтение более широким кругом читателей будет существенным образом затруднено терминологически нагруженным языком, свойственным системно-коммуникативной теории.

Е.Г. Цуркан

Новые социальные движения в сетевую эпоху: статьи, интервью, экспертные заключения

БИОЭТИКА И ГЕНЕТИКА: ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА. Всероссийская мультимедийная конференция

В ноябре 2021 года в Москве при поддержке Министерства науки и образования РФ состоялась Всероссийская мультимедийная конференция «Биоэтика и генетика: Вызовы XXI века». Организаторы конференции — Российское общество медицинских генетиков, Ассоциация медицинских генетиков России, Медико-генетический научный центр им. акад. Н.П. Бочкова (МГНЦ) и Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова (РНИМУ).

Пленарное заседание открыл помощник президента РФ по науке А.А. Фурсенко. Он подчеркнул особое значение этики для развития генетических технологий в нашей стране. Министр здравоохранения РФ М.А. Мурашко отметил в своем выступлении, что до недавнего времени проблемы биоэтики не привлекали такого внимания со стороны исследовательского и медицинского сообщества как сейчас, поэтому министерство уделяет особое внимание этим проблемам. Так, в ноябре 2020 года при министерстве был образован Координационный совет по биоэтике. Министр высшего образования и науки РФ В.Н. Фальков в своем выступлении сфокусировался на Федеральной научно-технической программе развития генетических технологий и необходимости их социального и правового сопровождения. Он выразил уверенность, что конференция внесет существенный вклад в обсуждение этических и правовых норм, необходимых для социально приемлемого развития генетики.

Научную часть пленарного заседания открыл доклад Е.Г. Гребенщиковой (ИНИОН РАН), посвященный вызовам геномной медицины для биоэтики, необходимости переосмысления традиционных норм уважения автономии пациента и конфиденциальности,

ориентированных на отдельного пациента с учетом семейного характера генетической информации. «Если мы ориентируемся на принцип уважения автономии пациента и норму конфиденциальности, то передать информацию родственникам может только сам пациент. Но если мы примем во внимание интересы третьих лиц и поймем, что надо их каким-то образом информировать, то придется пересматривать некоторые установки биоэтики в этом контексте».

В.Л. Ижевская (МГНЦ) сосредоточилась в своем докладе на социальных ожиданиях, опасениях и надеждах относительно возможностей и перспектив развития генетики. В частности, она обратила внимание на предсказание Ф. Коллинза о том, каких успехов достигнет генетика к 2040 году и какие социальные коллизии будут сопровождать ее достижения. В.Л. Ижевская остановилась на проблемах неправильного использования данных и нарушения конфиденциальности, стигматизации, дискриминации; ответственности лиц, использующих данные (врачи, исследователи, коммерческие компании, государственные органы); необходимости доверия, надежности, справедливости и равенства.

К обсуждению поднятых докладчиками проблем присоединились чл.-корр. РАН С.И. Куцев (МГНЦ), академик РАН С.А. Лукьянов (РНИМУ), митрополит Силуан (Санкт-Петербургская духовная академия, председатель Синодальной комиссии по биоэтике).

Е.В. Брызгалова (МГУ) в докладе «Этико-правовые вопросы биобанкирования» отметила, что биобанки развиваются «как качественно новые формы организации исследований в соединении науки, технологии и бизнеса», обратив внимание на такую важную биоэтическую проблему, как добровольное информированное согласие доноров.

Круглый стол «Этические вопросы дородовой диагностики» открыл доклад *Е.Б. Прохорчука* (РНИМУ) «Пренатальный скрининг беременных: моральные вызовы для семьи и общества», связанный с диагностикой во время беременности. Он поставил вопрос, который выходит далеко за рамки темы круглого стола: что может произойти с обществом, в котором нет больных и нет сострадания, в котором не тренируется «духовная мышца» и постепенно теряется способность сопереживать? На сложный моральный выбор, который возникает перед семьями в связи с предимплантационным генетическим тестированием (ПГТ) обратила внимание *Е.А. Померанцева* (НМИЦ АГП им. В.И. Кулакова). При проведении ПГТ особое значение приобретает соблюдение этических принципов в процессе медико-генетического консультирования.

Круглый стол «Неонатальный скрининг. Генетическое тестирование» начался с доклада *Д.Ю. Трофимова* (НМИЦ АГП им. В.И. Кулакова). Он рассказал о промежуточных результатах пилотного проекта по оценке эффективности применения полноэкзомного

Е.Г. Гребенщикова
Биоэтика и генетика: вызовы XXI века.
Всероссийская мультимедийная конференция

секвенирования в неонатальном периоде. По мнению докладчика, быстрое развитие методов генетического тестирования требует ускорения биоэтического обеспечения их прогресса, а также большей работы с обществом. Он также обратил внимание на вопрос, какой является генетическая информация — персональной или семейной?

Е.Ю. Захарова (МГНЦ) в докладе «Критерии и стандарты неонатального скрининга» сфокусировалась на этических проблемах скрининга, связанных со спецификой заболевания, необходимости пересмотра подходов к скринингу (о чем в свое время говорили разработчики первых критериев Дж. Уильсон, Г. Юнгнер) и учета накопленного опыта, по крайней мере, в области наследственных болезней обмена.

А.Ю. Долгов (ИНИОН РАН) представил в презентации результаты глубинных интервью с пациентами и врачами, показав разные видения проблем и возможностей геномной медицины.

Участники конференции обсудили этические проблемы, поднятые в докладах выступавших. В частности, надо ли информировать о генетических рисках до 18-ти лет. *Е.Л. Бокерия* (НМИЦ АГП им. В.И. Кулакова) отметила, что нужно учитывать особенности заболеваний. Например, фатальные нарушения ритма могут проявиться в любом возрасте, даже в раннем, о чем надо предупреждать как можно раньше.

Круглый стол «Этические вопросы генно-инженерной деятельности» начал дискуссию с доклада *П.Д. Тищенко* (ИФ РАН). Он уделил особое внимание социальным технологиям, которые необходимы для того, чтобы обеспечить адекватное понимание обществом инноваций и их эффективную трансляцию в клиническую практику. Исходным пунктом его рассуждений стали доклады ВОЗ и Научного фонда США по редактированию генома человека, в которых были концептуализированы основные моменты актуальных международных дискуссий и представлено «надлежащее правление» в этой сфере, объединяющее не только этику и право, но и организационные аспекты.

А.В. Васильев, член-корр. РАН (ИБР РАН) в докладе «Трансфер генных технологий в практику: этико-правовые аспекты» также обратил внимание на мировую практику экспертного регулирования общественно значимых проблем научно-технологического развития. *П.Ю. Волчков* (НМИЦ эндокринологии), раскрывая этические проблемы технологий редактирования генома человека, отметил, что многие социальные опасения и ожидания пока очень далеки от реальных возможностей науки. Например, в перспективе редактирование генома может избавить человека от наследственных болезней, привести к устойчивости к инфекциям и атлетическому телосложению, снизить риск возрастных заболеваний (болезнь Альцгеймера, инсульт), но не сможет обеспечить высокий интеллект или сверхчеловеческие способности.

Второй день конференции был посвящен этическим проблемам практической медицины. В центре внимания участников круглого стола «Этические вопросы генотерапии: практические аспекты» оказались вопросы, связанные со спинальной мышечной атрофией (СМА) — заболеванием, которое последнее время находится в центре внимания не только специалистов, но и общественности. Импульсом для дискуссии послужил снятый специально для конференции короткометражный фильм о реальной ситуации, в которой оказались пациенты со СМА. Обсуждались вопросы применения критериев назначения генотерапии при спинальной мышечной атрофии; статус пациента после успешного лечения генным препаратом: можно ли считать его здоровым? Целесообразно ли применение крайне дорогостоящей генной терапии при отсутствии данных об отдаленных результатах/последствиях применения препарата? Не обошли вниманием и неоднозначную, с точки зрения врачей и пациентов, практику розыгрыша в лотерею самого дорогого в мире препарата «Золгенсма».

Круглый стол «Этические вопросы медико-генетического консультирования и дородовой диагностики: практические аспекты» был также начат с короткометражного фильма о миодистрофии Дюшена. Академик РАН *Е.К. Гинтер* (МГНЦ) в своем докладе выделил ряд ключевых принципов медико-генетического консультирования, задав теоретические рамки дальнейшего обсуждения. Участники дискуссии обсудили вопросы психологической поддержки родителей при сообщении диагноза, этические вопросы преимплантационного генетического тестирования при подозрении на орфанное заболевание, проблемы доступа к дорогостоящей терапии, улучшающей качество жизни на определенный период, но не нацеленной на излечение.

В фокусе внимания участников круглого стола «Этико-правовые вопросы лечения наследственных болезней: практические аспекты» оказались вопросы, связанные как с проблемой справедливости (можно ли с уверенностью говорить, что все пациенты с орфанными заболеваниями имеют одинаковый доступ к лекарственным препаратам?), так и с позицией врача при постановке диагноза пациенту с неопределенными возможностями для получения эффективной терапии (недостаточное финансирование; отсутствует зарегистрированный препарат; вовсе нет специфического лечения; проблемы семейного скрининга на наследственные болезни и преимущества детской и взрослой служб).

В работе конференции онлайн приняли участие более трех тысяч практикующих врачей разных специальностей. Конференция стала значимым событием в обсуждении биоэтических проблем геномной медицины, показала необходимость социогуманитарной экспертизы генетических технологий и междисциплинарного обсуждения проблем, связанных с их использованием в практической медицине.

Е.Г. Гребенщикова
Биоэтика и генетика: вызовы XXI века.
Всероссийская мультимедийная конференция

Правила оформления статей

(вступили в силу с 2022 года)

Научный журнал «Человек» публикует статьи по результатам исследований, материалы дискуссий, обзоры научных событий и рецензии по широкому кругу философских и междисциплинарных проблем человека, антропологическим аспектам социальных, коммуникативных и индивидуальных практик.

Языки публикаций — русский и английский. Переводы на русский язык зарубежных авторов принимаются к рассмотрению при наличии документально подтвержденного разрешения на их публикацию со стороны правообладателя оригинала (рукописи, опубликованной работы, архивного документа и т.д.).

К рассмотрению не принимаются материалы, прежде публиковавшиеся в объеме более 20% представляемого текста. Направлением своего текста в редакцию журнала «Человек» автор подтверждает, что данный текст не передавался в какое-либо другое издание. Ссылка на журнал «Человек» при использовании опубликованных в нем материалов в последующих публикациях автора обязательна.

Редакция принимает материалы в электронном виде по адресу электронной почты: chelovek@iph.ras.ru

Объем принимаемых к рассмотрению аналитических и обзорных статей, включая метаданные (аннотация/abstract, ключевые слова/keywords, список используемых источников «Литература/References»), — 30–40 тыс. зн. (с пробелами), обзоров научных событий и рецензий — 10–20 тыс. зн. (с пробелами).

Тексты представляются с расширением doc или docx; шрифт Times New Roman; кегль 14; интервал 1,5 (подстрочные примечания — кегль 10, интервал 1); выравнивание по левому краю; переносы не используются; абзацный отступ 1 см; ориентация книжная. Форматирование абзацев заголовков, основного текста и подстрочных примечаний производится на основе шаблона стилей («ручное» форматирование абзацев не допускается). Тип основных кавычек — *елочки* («...»); в случае наличия внутри цитаты слов (словосочетаний), заключенных в кавычки, внешние кавычки цитаты — *елочки*, внутренние — *лапки* («... “...” ...»). Между цифрами ставится короткое тире (–), без пробелов.

Представляемый к рассмотрению файл статьи должен содержать:

- УДК статьи;
- название статьи (прописными буквами);
- фамилию и инициалы автора(ов);
- сведения о финансировании и статусе исследования, на основе которого подготовлена статья (в подстрочном примечании на первой странице статьи);
 - сведения об авторе(ах): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание (если есть), должность, официальное название места работы/учебы и его полный почтовый адрес (страна, индекс, город, улица, здание), ORCID, адрес(а) электронной почты (слова «Адрес» и «Электронная почта/e-mail» не указываются; в случае отсутствия места работы/учебы указывается только адрес электронной почты);
 - аннотацию (200–250 слов);
 - ключевые слова (10 слов и словосочетаний);
 - текст статьи;
 - название статьи на английском языке;
 - сведения об авторе(ах) на английском языке (те же, что и на русском языке, однако транслитерированные имя и фамилия автора даются полностью, а отчество сокращается до инициала, например: Maria I. Selezneva; почтовый адрес приводится в последовательности: здание, улица, город, почтовый индекс, страна);
 - аннотацию на английском языке;
 - ключевые слова на английском языке;

- список используемых источников «Литература/References».

Аннотация и ключевые слова не приводятся в обзорах научных событий и рецензиях.

Отдельным файлом в формате jpg представляется цветная фотография автора(ов) разрешением от 700x900 пикселей — плечевой портрет на однородном фоне светлых пастельных тонов (фотографии «на паспорт» не принимаются).

Статьи могут сопровождаться иллюстративным материалом, по возможности полноцветным. Иллюстрации принимаются в формате jpg, размером не менее 1300x1600 пикселей, каждая отдельным файлом, пронумерованные соответственно порядку размещения в статье. Отдельным файлом представляется список подписей, которые нумеруются соответственно иллюстрациям. Подписи должны содержать: *если это художественное произведение* — имя мастера, название его работы, год создания, место хранения; *если фотография* — содержание изображения, место, где сделано фото, год и другие необходимые, на взгляд автора, сведения. При необходимости указывается источник, откуда взято изображение. Все изображения публикуются при строгом соблюдении авторских прав.

Приводимые в статье цитаты, цифровая и фактическая информация подкрепляются автором ссылками на источники. Используемые в статье источники оформляются в качестве единого пристатейного (затекстового) библиографического списка «Литература/References», в котором указываются только те источники, на которые даны отсылки в тексте статьи.

Библиографическое описание источников в списке составляется согласно национальным стандартам (ГОСТ Р 7.0.100–2018, ГОСТ Р 7.0.5–2008). Сокращение слов и словосочетаний в библиографическом описании источников производится согласно ГОСТу Р 7.0.12–2011 и ГОСТу 7.11–2004.

Библиографический список состоит из двух частей. В первой его части указываются в алфавитном порядке издания на кириллице и их латинская транслитерация, с частичным переводом на английский язык, во второй (отделенной от первой горизонтальным пробелом) — в алфавитном порядке латиницы указываются труды, изданные на латинице, а также труды на восточных языках; последние даются в латинской транслитерации, с частичным переводом на английский язык (пример оформления библиографического списка «Литература/References» и библиографических описаний приведен в конце *Правил*).

Форматирование каждой библиографической ссылки (библиографической записи): первая строка — без абзацного отступа, последующие строки — с абзацным отступом 1 см.

В конце библиографических описаний нерусскоязычных изданий на кириллице и затем их же на латинице в круглых скобках указывается язык, на котором они изданы (в первом случае на русском, во втором — на английском), например:

Маринова Е.В. Etikata в България като споделено академично пространство // *Етически изследвания*. 2021. Т. 1, кн. 1. С. 3–29. (На болгарском языке).

Marinova E.V. Etikata v Bulgariya kato spodeleno akademichno prostranstvo [Ethics in Bulgaria as a Shared Academic Space]. *Eticheski izsledvaniya*. 2021. Vol. 6, Bk 1. P. 3–29. (In Bulgarian).

Библиографическое описание должно в полной мере соответствовать информации на титульном листе (в выходных данных) книги или в сопроводительной информации к статье.

Библиографическое описание статей и глав должно содержать информацию о страницах публикации. Сведения об общем количестве страниц изданий не приводятся.

Если у цитируемого источника имеется DOI, он указывается в конце библиографической ссылки. Точка после DOI не ставится.

В библиографической ссылке обязательно указание не только места издания, но и названия издательства.

Ссылка на веб-ресурсы при наличии бумажного издания не допускается.

Оформление первой части списка с изданиями на кириллице:

Каждая библиографическая ссылка дается одним абзацем, который содержит описание на языке оригинала, и — с новой строки этого же абзаца — в транслитерации, с частичным переводом на английский язык.

Библиографическая запись на языке оригинала оформляется следующим образом:

- фамилия и инициалы автора(ов) даются *курсивом*;
- место издания приводится в сокращении в соответствии перечнем ГОСТа по сокращению русских слов и словосочетаний, например: М., Ростов н/Д., СПб.;
- в выходных данных знак «номер» обозначается как №.

Эта же запись в транслитерации оформляется следующим образом:

• сохраняются форма и знаки препинания библиографических описаний на языке оригинала, за исключением: используемые в первой части списка две косые черты (//) заменяются точкой (.), а одна косая черта (/) — запятой (,);

• фамилия и инициалы автора(ов) даются прямым шрифтом;

• описание названия и статей, и книг на кириллице приводится сначала в латинской транслитерации (по стандарту BSI), а затем в английском переводе, заключенном в квадратные скобки;

• название издания (журнала, книги) дается *курсивом*;

• названия периодических изданий только транслитерируются;

• название (имя собственное) издательств только транслитерируется с добавлением слова «Publ.» (напр.: Khudozhestvennaya Literatura Publ.; Nauka Publ.; Respublika Publ.), а название организаций, выступающих в качестве издателя, приводится на английском языке, также с добавлением Publ. (напр.: Moscow State Univ. Publ.; Russian Institute of Art History Publ.). Название организации в английском переводе должно соответствовать официальному, указанному на сайте организации; непереводимое на английский язык название организации только транслитерируется;

• место издания в ссылках на публикации на кириллице дается на английском языке (Moscow, St. Petersburg, Novosibirsk и т.д.); место издания во всех ссылках пишется полностью;

• обозначения томов, выпусков, глав, страниц дается только на английском языке (vol., iss., ch., p.);

• знак «номер» обозначается как N (точка после N не ставится).

Оформление второй части списка:

• фамилия и инициалы автора(ов) даются прямым шрифтом;

• название статьи отделяется от названия издания (журнала, книги) точкой;

• сведения о редакторах, составителях и т.п. отделяются от названия книги запятой;

• название издания (журнала, книги) дается *курсивом*;

• место издания пишется полностью;

• в библиографических ссылках на издания на европейских языках обозначения томов, выпусков, глав, страниц дается на языке оригинала; в библиографических ссылках на издания на восточных языках — на английском языке (vol., iss., ch., p.);

• знак «номер» обозначается как N (точка после N не ставится).

Отсылки на цитируемые издания даются в тексте статьи, включая подстрочные примечания в квадратных скобках, и оформляются в виде фамилии автора (в случае двух и более авторов — только первого автора) либо сокращенного заглавия издания (когда авторы не указаны) и через запятую года издания. При составлении текстовых отсылок руководствуются следующим:

• при необходимости через двоеточие указываются страницы, без помет «с.», «р.» и т.п., например: [Эванс-Причард, 2003: 121], [Философия культуры, 1999: 133–134];

• если в списке имеются работы авторов с одинаковыми фамилиями, то в отсылке к фамилии каждого автора добавляются инициалы, например: [Тимофеев К.Л., 1985; Тимофеев Д.П., 2011];

• при отсылке на источник, уже приведенный в предыдущей отсылке, вместо фамилии или сокращенного названия издания ставится [там же] или [ibid.];

• отсылка может содержать указание на несколько источников, сведения о различных изданиях отделяются друг от друга точкой с запятой, например: [Эванс-Причард, 2003: 121; Zhao, 2015: 97];

• отсылки могут включать слова: *см.*; *см., напр.*; *ср.*; *цит. по*, после которых ставится двоеточие, примеры: [см., напр.: Грималь, 2001: 43–51]; [цит. по: Kitmayer, 2013: 7].

При наличии в списке нескольких работ одного автора, изданных в один год, к указанию года в библиографическом описании добавляется литера (а, б, в — в первой части списка; а, б, с — во второй его части). Соответственно, год с добавлением литеры приводится и в текстовых отсылках на такие работы.

Например:

Отсылка в тексте статьи: [Арутюнова, 2003а]

Ссылки на источники в библиографическом списке:

Арутюнова Н.Д. Воля и свобода // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка / сост. и отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2003а. С. 73–99.

Арутюнова Н.Д. Язык цели // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995 / сост. и отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2003б. С. 386–396.

Отсылка в тексте статьи: [Flickschuh, 2014b]

Ссылки на источники в библиографическом списке:

Flickschuh K. The Idea of Philosophical Fieldwork: Global Justice, Moral Ignorance, and Intellectual Attitudes. *Journal of Political Philosophy*. 2014a. Vol. 22, N 1. P. 1–26.

Flickschuh K. *Kant and Colonialism: Historical and Critical Perspectives*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014b.

Пример списка «Литература/References»

Ардов М. Не «поэтесса». Поэт! Из бесед с А. Ахматовой // Лит. газ. 1989. 4 янв. (№ 1).

Ardiv M. Ne “poetessa”. Poet! Iz besed s A. Akhmatovoi [Not a “Poetess”. Poet! From Conversations with A. Akhmatova]. *Literaturnaya gazeta*. 1989. Jan. 4 (N 1).

Аристотель. Никомахова этика / пер. с древнегреч. Н.В. Брагинской // *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. / общ. ред. А.И. Доватура. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 53–294.

Aristotle. *Nikomakhova etika* [Nicomachean Ethics], transl. from Ancient Greek by N.V. Braginskaya. Aristotle. *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vol.], ed. by A.I. Dovatur. Vol. 4. Moscow: Mysl' Publ., 1983. P. 53–294.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем. М.И. Левиной // *Вебер М.* Избранные произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990.

Veber M. *Protestantskaya etika i duh kapitalizma* [Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism], transl. from Germ. by M.I. Levina. Veber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Favorites], compil., ed. and afterw. by Yu. N. Davydov; forew. by P.P. Gaidenko. Moscow: Progress Publ., 1990.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // *Витгенштейн Л.* Философские работы: [в 2 ч.]. Ч. 1 / пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева; сост., вступ. ст., примеч. М.С. Козловой. М.: Гнозис, 1994.

Wittgenstein L. *Logiko-filosofskii traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus]. Wittgenstein L. *Filosofskiye raboty: v 2 ch.* [Philosophical Works: in 2 Pt]. Pt 1, transl. from Germ. by M.S. Kozlova, Yu. A. Aseyev; compil., notes by M.S. Kozlova. Moscow: Gnozis Publ., 1994.

- Воронин А.А. Рец. на кн.: Московцев Г.Н. Я дышу, или Муковисцидоз изнутри (СПб., 2013) // Человек. 2013. № 1. С. 182–184.
- Voronin A.A. Rets. na kn.: Moskovtsev G.N. Ya dyshu, ili Mukovistsidoz iznutri (St. Petersburg, 2013) [Book Review: Moskovtsev G.N. I Breathe, or Cystic Fibrosis from the Inside (St. Petersburg, 2013)]. *Chelovek*. 2013. N 1. P. 182–184.
- Гараян Н.Г. Перфекционизм и враждебность как личностные факторы депрессивных и тревожных расстройств: дис. ... д-ра психол. наук. М.: НИИ психиатрии, 2010.
- Garayana N.G. *Perfeksionizm i vrazhdebnost' kak lichnostnye faktory depressivnykh i trevozhnykh rasstroistv: dis. ... d-ra psikhol. nauk* [Perfectionism and Hostility as Personal Factors of Depressive and Anxiety Disorders: Diss. ... DSc, Psychology]. Moscow: Scientific Research Institute of Psychiatry Publ., 2010.
- Делез Ж. Кино: пер. с фр. М.: Ad Marginem, 2004. С. 21–47.
- Deleuze J. *Kino: per. s fr.* [Cinema: transl. from French]. Moscow: Ad Marginem Publ., 2004. P. 21–47.
- Е.П. Ковалевский — М.М. Новикову, от 11 августа 1930 г. // Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 6767. Оп. 1. Д. 46. Л. 5, 3об.
- E.P. Kovalevskii — M.M. Novikovu, ot 11 avgusta 1930 g. [E.P. Kovalevsky to M.M. Novikov, August 11, 1930]. *State Archive of the Russian Federation (GARF)*. F. 6767. Op. 1. D. 46. L. 5, 3ob.
- Епихина Ю.Б. Влияние экономических и культурных ресурсов на успеваемость школьников из многодетных семей: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М.: Ин-т социологии РАН, 2011.
- Epihkina Yu.B. *Vliyanie ekonomicheskikh i kul'turnykh resursov na uspevaemost' shkol'nikov iz mnogodetnykh semei: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk* [The Impact of Economic and Cultural Resources in the School Performance of Students from Multiple Children Families: Abstract of Diss. ... PhD, Sociology]. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences Publ., 2011.
- Мир образов. Образы мира: Антология исследований визуальной культуры: Учебное пособие / ред.-сост. Н.Н. Мазур. СПб.; М.: Новое изд-во, 2018.
- Mir obrazov. Obrazy mira: Antologiya issledovaniy vizual'noi kul'tury: Uchebnoe posobie* [The World of Images. Images of the World: Anthology of Visual Culture Research: Textbook], ed.-compil. by N.N. Mazur. St. Petersburg; Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2018.
- Протокол № 24 заседания партийного бюро Института философии от 24 ноября 1976 г. // Центральный государственный архив (ЦГА) Москвы. Ф. 2501. Оп. 1. Д. 80. Л. 95–96.
- Protokol N 24 zasedaniya partiynogo byuro Instituta filosofii ot 24 noyabrya 1976 g. [Minutes N 24 of the Meeting of the Board of Party Cell of the Institute of Philosophy of November 24, 1976]. *Central State Archives (TSGA) of Moscow*. F. 2501. Op. 1. D. 80. L. 95–96.
- Разин А.В. Сознание, свобода воли и моральный выбор // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7: Философия. 2020. № 2. С. 72–88.
- Razin A.V. *Soznanie, svoboda voli i moral'nyi vybor* [Consciousness, Free Will and Moral Choice]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7: Filosofiya*. 2020. N 2. P. 72–88.
- Сидорина Т.Ю., Ищенко Н.И. Трудоцентризм как образ жизни: пределы трудовых возможностей человека // Terra Economicus. 2015. Т. 13, № 3. С. 136–146.
- Sidorina T.Yu., Ishchenko N.I. *Trudotsentrizm kak obraz zhizni: predely trudovykh vozmozhnostey cheloveka* [Labor-centrism as a Way of Life: The Limits of Human Labor Opportunities]. *Terra Economicus*. 2015. Vol. 13, N 3. P. 136–146.
- Тулинова Д.Н. Представления о враге и друге в связи с отношением к жизни на различных ее этапах // Dslib.net. Библиотека диссертаций. 2020. URL: <http://www.dslib.net/> (дата обращения: 18.07. 2020).
- Tulinova D.N. *Predstavleniya o vrage i druge v svyazi s otnosheniem k zhizni na razlichnykh ee etapakh* [Representations About the Enemy and the Friend in Relation

- to the Attitude to Life at Its Various Stages]. *Dslib.net. Dissertation Library*. 2020 [Electronic resource]. URL: <https://www.dslib.net> (date of access: 15.07.2020).
- Туллки П., Мелвасало Т., Ниёми О. Мониторинг Балтийского моря // Комплексный глобальный мониторинг Мирового океана: Тр. I Междунар. симп., Таллин, 2–10 окт. 1983 г.: в 2 т. Л.: Гидрометеоздат, 1985. Т. 1. С. 186–198.
- Tullki P., Melvasalo T., Niemi O. Monitoring Baltiyskogo morya [Baltic Sea Monitoring]. *Kompleksnyy global'nyy monitoring Mirovogo okeana: Trudy I Mezhdunarodnogo simpoziuma, Tallin, 2–10 okt. 1983 g.: v 2 t.* [Comprehensive Global Monitoring of the World Ocean: Proceedings of the I International Symposium, Tallinn, Oct. 2–10, 1983: in 2 vol.]. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 1985. Vol. 1. P. 186–198.
- Формула успеха: Аналитический обзор // ВЦИОМ. 19.10.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiobzor/formula-uspekha> (дата обращения: 27.01.2021).
- Formula uspekha: Analiticheskii obzor [The Formula for Success: The Analytical Review]. *VCIOM*. 19.10.2018 [Electronic resource]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obzor/formula-uspekha> (date of access: 27.01.2021).
- Фролов И.Т. О человеке и гуманизме: Работы разных лет. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2020.
- Frolov I.T. *O cheloveke i gumanisme: Raboty raznykh let* [On Man and Humanism: Works of Different Years]. 2nd ed. Moscow: LENAND Publ., 2020.
- Человек в глобальном мире: риски и перспективы / отв. ред. Г.Л. Белкина; ред.-сост. М.И. Фролова. М.: Канон+, 2021.
- Chelovek v global'nom mire: riski i perspektivy* [Man in the Global World: Risks and Prospects], ed. by G.L. Belkina; ed.-comp. by M.I. Frolova. Moscow: Kanon+ Publ., 2021.
- Brown S.H. A Tool of Empire: The British Medical Establishment in Lagos, 1861–1905. *International Journal of African Historical Studies*. 2004. Vol. 37(2). P. 309–343.
- Ethics of Care: Critical Advances in International Perspective*, M. Barnes, T. Brannelly, L. Ward, N. Ward (eds.). Bristol: Bristol Univ. Press, 2015.
- Fichte J.G. System der Sittenlehre nach den Prinzipien der Wissenschaftslehre. Fichte J.G. *Fichtes Werke: Bd 4*, hrsg. von I.H. Fichte. Bd 2. Zur Rechts- und Sittenlehre. Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1971.
- Hercík E. *Československé lidové hračky: kapitoly o hračkách od pravěku do naší doby*. Praha: Výtvarné nakladatelství ORBIS, 1951.
- Jackson F. Epiphenomenal Qualia. *Philosophical Quarterly*. 1982. Vol. 32, N 127. P. 127–136. DOI: 10.2307/2960077
- Kirmayer L.J., Corin E., Jarvis G.E. Inside Knowledge: Cultural Constructions of Insight in Psychosis. *Insight and Psychosis Awareness of Illness in Schizophrenia and Related Disorders*, X.F. Amador, A.S. David (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.
- Marian M. Colonial Medicine, the Body Politic, and Pickering's Mangle in the Case of Hong Kong's Plague Crisis of 1894. *Comparative Program on Health and Society Lupina Foundation Working Paper Series, 2009–2010*, L. Forman, L. Corna (eds.). Toronto: Munk School of Global Affairs, 2011. P. 1–13.
- Poupée Françaises 1850–1940*, Musée de la Poupée; photographies G. Odin, texts S. Odin. Paris: Musée de la Poupée, 1999.
- Rawls J. Justice as Fairness. *The Philosophical Review*. 1958. Vol. 67, N 2. P. 164–194.
- Schuer R., Kusters R.J. Mass Customization of Education by an Institution of HE: What Can We Learn from Industry? *International Review of Research in Open and Distance Learning*. 2014. Vol. 15, Iss. 2. P. 1–25. DOI: 10.19173/irrodl.v15i2.1704
- World Health Organization (2005). Emergency Triage Assessment and Treatment (ETAT)*. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/43386> (date of access: 01.08.2020).

Научный журнал

Человек

2022. Том 33, номер 1

Учредители: *Российская академия наук, Институт философии РАН*

Издатель: *Российская академия наук*

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-76826 от 01.10.2019

Главный редактор *Р.Г. Апресян*

Ответственный секретарь *З.В. Островская*

Редакторы: *С.М. Марабанец, З.В. Островская, Н.Ф. Колганова, В.Л. Шарова*

Верстка и корректура: ООО «Интеграция: Образование и Наука»

Сдано в набор 02.02.2022. Подписано к печати 09.03.2022

Формат 70x100 1/16. Печать офсетная. Гарнитура: *Liberaton Serif, Carlito*

Уч.-изд. л. 20,1. Тираж 140 экз. Заказ № 20/1а

20 экз. распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-134-21

ООО «Интеграция: Образование и Наука»

105082 Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 314

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий».

Подписной индекс — 71076

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования
и экспертного отбора.

Адрес редакции: Российская Федерация, 109240 Москва,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Номер телефона: +7 (495) 695-52-82

Электронная почта: chelovek@iph.ras.ru

Сайт: <https://chelovek-journal.ru>, <https://chelovek.iphras.ru>

Свободная цена

На первой странице обложки: Борис Григорьев. Старуха-молочница. 1917.
Из цикла «Расея». Третьяковская галерея

На четвертой странице обложки: Жулиен Де Касабьянка. Стенная роспись. По заказу
Художественного музея Брукс. Мемфис, США